

The background of the entire image is a detailed digital artwork. At the top, a large, pale blue planet with a textured surface dominates the sky. Below it, several smaller, dark, spherical moons or planets are scattered across the dark blue and purple sky. In the center, a city of tall, dark, spire-like structures rises from a dark, rocky landscape. The spires are illuminated from within, casting a warm, orange glow. The sky around the city is a mix of deep purple and bright orange, suggesting a sunset or sunrise. In the foreground, a river of molten lava flows through a dark, rocky landscape, reflecting the orange light from the city and the sky. The overall atmosphere is mysterious and epic.

ВИКТОР ЯМАНОВ

**НА ГРАНИЦЕ
ВСЕЛЕННОЙ**

3 ТОМА В 1

Виктор Яманов

На границе Вселенной. 3 тома в 1

«Автор»

2023

Яманов В.

На границе Вселенной. 3 тома в 1 / В. Яманов — «Автор», 2023

Его первой колыбелью стал космос, а приёмной матерью - самая настоящая ведьма. Злобный пират открыл ему свою тайну, а сумасбродный доктор чуть не замучил опытами. Он слышит шёпот звёзд и путешествует между мирами. Он один владеет древней магией и может возвращать жизнь в мёртвое тело. Но вот его собственная жизнь постоянно в опасности. Кто же ты, Маркус? И почему на тебя ополчились все во вселенной? Первое путешествие героя в головокружительном вихре увлечёт нас в поражающую воображение историю. Маркусу предстоит узнать своё происхождение, выдержать страшные испытания, преодолеть себя и обрести предназначение. Вот только поверит ли ему снова девушка, ради которой он готов пройти всю вселенную? Обложка создана с помощью нейросети.

© Яманов В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Том 1. Шёпот звезд	5
Предисловие	5
Пролог	7
Глава 1. «Амаран №6»	9
Глава 2. «Гемиль»	19
Глава 3. «Земля»	40
Глава 4. «Локаркс»	58
Глава 5. «Кселон»	76
Глава 6. «Астра»	81
Глава 7. «Морфула»	89
Глава 8. «Ардентальт»	101
Глава 9. «Кантуральт»	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Виктор Яманов

На границе Вселенной. 3 тома в 1

Том 1. Шёпот звезд

Предисловие

Веками учёные представляли миру различные теории о возникновении жизни во Вселенной. Но нас не интересует зарождение материи, состоящей из атомов. Нам интересен феномен самой жизни и души, благодаря которым можно вести подобные рассуждения.

Согласно известной теории, первые звёзды начали формироваться спустя несколько сотен миллионов лет после Большого взрыва, когда Вселенная немного остыла, облака водорода смогли нарушить установившееся гидростатическое равновесие и начали сжиматься в протозвёзды. Сформировавшиеся в результате этих процессов звёзды стали первыми источниками света во Вселенной, приняли участие в процессе ре-ионизации и обогатили космос первыми тяжёлыми элементами. По мере расширения Вселенной образовывались галактики.

Солнце и планеты нашей системы возникли одновременно из гигантского газопылевого облака четыре с половиной миллиарда лет назад. Облако межзвёздного газа и пыли вращалось, и в нём образовывался крупный сгусток вещества, давший начало нашей звезде, запустив внутри неё ядерные процессы. Вокруг центрального сгустка вещества вращался протопланетный диск, он положил начало планетам. Они формировались постепенно, питаемые силой зарождавшейся звезды.

Молодая Земля была раскалена из-за столкновения с другими объектами, и постепенно её поверхность начала остывать. Вещества космических тел испарялись при падении, газы выделялись при извержениях вулканов, покрывавших планету. С этого началась медленная эволюция атмосферы. Позже молекулы воды стали опускаться на землю, образуя первый океан, Тетис, где зародились и первые живые существа.

В самом начале нашего существования было облако пыли и газа, образовавшее звезду, и можно сказать, что мы обязаны жизнью светилу, распределившему элементы по массе в первичных планетах так, чтобы на Земле могли сформироваться первые органические соединения.

Загорая на солнцепеке или сжигая в печи дрова, мы используем энергию Солнца. То же самое относится и к ископаемым источникам энергии: уголь, нефть и газ. Это топливо представляет собой остатки живых организмов, которые росли и развивались, потребляя солнечную энергию.

Без звёзд жизнь невозможна. Мы живём, дышим и существуем благодаря их энергии. Этот процесс запустил фотосинтез растений, давая атмосфере кислород, которым мы дышим. Солнце безукоризненно согревает нашу планету. В самом начале цепочки жизни стоит энергия звёзд, а в конце — уже мы с вами.

Человеческое тело на семьдесят процентов состоит из воды, молекула которой — это два атома водорода и один атом кислорода. И в молодых звёздах водород составляет семьдесят пять процентов от общей массы. Так, что же у нас с вами общего со светилами, дающими жизнь всему сущему? Если у нас есть душа, то почему у них её быть не может? Нам не дано проверить, мыслит ли звезда. Нам не дано залезть в её ядро, чтобы узнать, чувствует ли она. Нам остаётся

только предполагать... Но как может быть не живым то, что ежедневно поддерживает в нас жизнь?

Пролог

По всей Вселенной говорят, что в момент моего рождения, некоторые одиночные звёзды из всех галактик выстроились в линию, и среди них зародилось новое светило. Новая звезда стала настолько яркой, что её свет заметили обитатели всех миров. Только вот никто не увидел эту звезду в телескопы, и она не появилась на галактических радарх. Ослепляющее свечение длилось всего пару секунд, пока я не сделал свой первый вдох. Свет моей звезды поугас, но она так и осталась гореть загадкой на небе среди остальных светил.

Я родился на борту космического корабля. Не помню его масштабов и не знаю названия, помню несколько голосов вокруг и отчётливый голос моей матери. Сначала мне показалось, что она рада моему появлению на свет, на её лице промелькнула лёгкая улыбка. Но этой радости хватило всего на пару минут. Мама положила меня на мягкую кровать и ушла. Дальше в моих воспоминаниях всё туманно. Помню голос из темноты, тяжёлым тоном говорящий, что мне не место в этом мире, и жить я не достоин. Никто не спорил.

Мама вернулась, но теперь я чувствовал от неё только холод. Она поцеловала меня в лоб ледяными губами, завернула в тёплое одеяло и трепетно отдала человеку с грубыми руками. А он прижал меня крепко к груди, отнёс к шлюзам, колеблясь, подошёл к модулю выхода в открытый космос и оставил меня в небольшом отсеке. Я успел сделать несколько вдохов, и шлюзы открылись. Моё маленькое тело резко унесло в тёмный космос. Почему мама позволила сделать это со мной?

Только вот я не умер. Мои жизненные процессы замедлились так, чтобы впасть в состояние, схожее с анабиозом. Я оказался сильнее холодного безжизненного космоса и крепко уснул. Дыхание остановилось на последнем выдохе, тело замерло. Но, несмотря на сон, где-то в подсознании я понимал, что происходило со мной.

Полная темнота вокруг. Только мелкие звёзды просвечивали из тьмы и что-то шептали мне во сне. Рассказывали неведомую сказку, только бы я не проснулся раньше срока.

Не знаю, сколько времени прошло в блуждании по космическим просторам, но в какой-то момент меня притянула большая планета. И лишь спустя много лет я узнал, что это был Амаран номер шесть из Геликлианской звёздной системы, которую населяли люди. Развитие населения планеты находилось на стадии феодализма, поэтому о существовании других планет амаранцы ещё не задумывались. Амаранский год длился немногим более четырёхсот суток.

Из космоса континенты Амарана казались чёрными, с большими бурно-зелёными вкраплениями, а океаны – тёмно-красными, с тысячами островов внутри. Над планетой плыл бледно-розовый туман с облаками белого цвета. Если бы я тогда мог рассуждать, то смело назвал бы океаны «наполненными кровью».

Меня тянуло к планете медленно, потом чуть быстрее, и так было, пока я не приблизился к границе атмосферы. Сначала моему телу стало чуть теплее, а затем и вовсе горячо. Я падал вниз, как метеорит, а из-за высокой скорости воздух подо мной горел, но пламя не обжигало. И даже это не разбудило меня.

Через некоторое время свободного падения я плюхнулся в прохладную воду. Образовалась огромная красная волна, которая отнесла меня к большому острову с чёрными песками. Это было цунами, которое обрушилось на берег, снося всё на своем пути. Волна разрушила прибрежную деревню, выкинула корабли на чёрный песок, повалила одиноко растущие деревья. Вода постепенно отошла, и я остался лежать в деревянных обломках того, что осталось от местных домов, в куче бурых водорослей и рыб, умиравших от удушья.

Прошло ещё немного времени, температура вокруг показалась моему крохотному телу комфортной, и я пробудился от спасительного сна. Шёпот, рассказывавший сказки, утих. Веки

приоткрылись, и впервые чувство одиночества охватило меня. Мой взгляд устремился вверх, на розовое небо с большими белыми облаками. Тогда я заплакал первый раз в жизни.

Глава 1. «Амаран №6»

Пошёл белый снег, но мне не было холодно. Снежинки успокоили меня, и я смотрел вверх, пытаясь разглядеть каждую, пока меня не нашли люди большого острова, где я оказался. Не помню, сколько их было, я различал их по голосам. Меня взяла на руки женщина, и я ощутил тепло её рук. Она обмотала моё тельце льняным шарфом и долго разглядывала с недоумением. Позже я узнал причину её изумления. Мои глаза тогда были окрашены огненным цветом, словно внутри радужек горел пожар.

Я отчётливо смог рассмотреть лицо этой женщины: тёмная морщинистая кожа и большие выразительные чёрные глаза. Она улыбалась. Её чёрные зубы не показались мне чем-то зловещим, скорее, наоборот: эта женщина была первой во всей Вселенной, кто обрадовался моему появлению. Тогда я впервые в жизни смог улыбнуться. А в глазах моих надолго погас огонь, оставив после себя лишь янтарно-карие радужки.

Женщина отнесла меня в хижину в глубине острова и соорудила для меня небольшую кроватку, где вместо перины было сено. Но мне было удобно. Я рассматривал спасительницу и вдыхал ароматы трав. Потом выглянуло солнце. Стало тепло. И больше я не видел снега, пока жил на этой планете.

Амаран был тёплым местом для жизни, и температура там никогда не опускалась ниже нуля. Мои воспоминания о первых днях жизни не улетучились из памяти, но остались где-то глубоко в подсознании.

Мою спасительницу звали Аноха, и она по своему праву стала называть меня Маркусом. Других детей у неё не было, и она решила оставить меня на своё попечение. Прибрежную деревушку быстро восстановили, деревянные корабли снова спустили на воду. Только вот это было необычное поселение.

Тут жили пираты и разбойники, их семьи, а также несколько ведьм, одной из них и была Аноха. Её муж – грозный морской разбойник Эдвор, через некоторое время после моего появления вернулся из плавания, и был совсем мне не рад. Он был высокого роста, у него была длинная седая борода и красная кожа, выжженная солнцем и иссушённая солёными ветрами. Они с Анохой много ругались. Пират часто пил, а после, бывало, пытался её ударить. Но хватало одного взгляда ведьмы, когда белки и зрачки её глаз наполнялись тьмой, чтобы он успокаивался и извинялся. Они определённо друг друга стоили: тёмная ведьма и морской разбойник.

Если Аноха ещё пыталась дать мне какую-то любовь, несмотря на её тёмное начало, то Эдвор растил меня в жестокости. К счастью, он отсутствовал большую часть амаранского года. Аноха учила меня примитивной грамоте и часто играла со мной. Я рано начал говорить, и спустя три года она решила обучать меня магии. Всё потому, что ведьма случайно заметила, что у меня есть способности. А было это так.

Мы гуляли, и я увидел множество красивых алых цветов с большими лепестками, только вот один из них увял. Я уверенно подошёл к цветку и закрыл его бутон ладонками. Мне хотелось, чтобы он расцвёл. И как же я удивился и обрадовался, что у меня получилось! Аноха, была поражена ещё больше. Она сказала, что я одарён магией жизни, этот дар нужно развивать, иначе он пропадёт. Подобного дара ведьма ещё не встречала на своём веку.

Часто по утрам Аноха рассказывала, что во сне я говорил со звёздами. Моё детское сознание этого не запоминало, а моя дорогая ведьма не могла разобраться, что именно я у них спрашивал, но она была убеждена, что светила отвечали мне. А я сам не придавал этому никакого значения. Да и Аноха говорила, что, возможно, это обычные красочные сновидения, которые повторяются чаще обычного. Но я точно знал, что это были необыкновенные сны.

Уроки магии были для меня игрой. Если получалось заставить камень воспарить над землёй, я радовался весь остаток дня и хвастался всем, кого встречал.

В деревне жили и другие дети, с которыми мы играли чуть ли не с младенчества, и я показывал им «фокусы», которым меня научила Аноха. К шести стандартным годам я освоил основы островной магии, знал наизусть несколько заклинаний, умел варить зелья из местных трав, но не воспринимал это всерьёз.

Мне хотелось играть и резвиться с другими детьми, но те стали бояться меня после фокуса с «умерщвлением жабы». Я показал этот фокус с таким же рвением, как и все остальные, только в ответ не услышал привычного смеха. Дети заплакали и убежали прочь. Позже, когда я приходил к ребятам, они сторонились меня. Было обидно, и я стал чаще оставаться в хижине с Анохой.

Как-то я смотрел из окна, как дети строят замок из чёрного песка на берегу речки, которая текла позади хижины, и уже не присоединился к ним. Аноха заваривала травяной чай, заметила моё выражение лица и заботливо спросила:

– В чём дело? Ты сам не свой последнее время.

Она подошла и положила руку мне на плечо.

– Недавно я показал ребятам, как жаба становится песком. Когда мы делали это вместе с тобой, было весело. А после того, как я показал это ребятам, они больше не хотят играть со мной, – отвечал я, глядя в пол.

– Милый мой, – Аноха приобняла меня, а потом посмотрела мне в глаза и продолжила: – Таких, как мы с тобой, люди боялись спокон веку. Лишь немногим удаётся стереть грань между живым и мёртвым. Другие люди не понимают смерти, боятся её, а мы – прославляем и используем. Запомни мой совет: если хочешь казаться «своим» среди людей, никогда просто так не показывай им, на что ты способен. Наш дар нужен, чтобы править судьбы, но только когда этого требуют обстоятельства.

Я согласился со словами моей ведьмы и больше никогда не показывал «фокусы». Но не все дети на острове меня сторонились. Мы часто ходили в соседнюю деревушку. И там жила девочка моего возраста, у неё были белокурые волосы и ангельская улыбка. Её звали Элиз. Она носила разноцветные платица и зелёную накидку, словно аристократка с материка. Мать Элиз сбежала из дворянской семьи с пиратом, это был единственный способ возлюбленным быть вместе.

У Элиз была хорошая семья, родители в ней души не чаяли. А её отец-пират не задерживался в плаваниях надолго.

Я всегда заходил за Элиз и звал играть, дарил ей самодельные игрушки из красного дерева. Она так радовалась! Иногда мы рассматривали альбом рисунков матери Элиз: на обветшавшей бумаге были изображены люди высших сословий в красивой одежде. Мы также играли в салки или прятки, а иногда рассаживали игрушки, и они были то героями-пиратами, то королевской семьёй, то неважно, кем, главное, что было весело. В безветренные дни мы купались в море, и могли часами не выходить из воды, пока не позовут взрослые.

Элиз дружила с мной, несмотря на то, что родители этого не одобряли, но, видимо, из-за страха перед Анохой не запрещали. Я старался приходить к подруге два – три раза в неделю. Это были самые счастливые дни моего детства.

К несчастью, когда мне исполнилось восемь стандартных лет, Аноха заболела тяжёлой лихорадкой, а Эдвор тогда только вернулся из плавания. Ведьму сильно знобило, и бывали дни, когда она не могла даже встать. Она начала терять рассудок и почти не узнавала меня. Мне хотелось ей помочь так, как я умею помогать увядшим цветам расцвести заново. Но сколько бы я ни старался, ничего не получалось. В какой-то момент Аноха поняла, что я хочу сделать, и как расстраивает меня неудача. Она взяла меня за руку и прошептала:

– Ничего, мой мальчик. Ты не в силах мне помочь, не убивайся по этому поводу. Если я умру, значит, на то воля Богов.

Я старался быть с ней рядом и помогал всем, чем мог. Вечерами Эдвор срывался на меня и избивал до синяков, и Аноха была уже не в силах ему противостоять. Жизнь превращалась в сущий кошмар. Пират не позволял мне далеко отходить от хижины, и я не мог повидаться с Элиз. Я верил, что он любил свою ведьму всей душой, – уж как он старался помогать ей! Не меньше, чем я. Но Анохе становилось только хуже, и с каждым днём Эдвор злился всё больше и больше. Вскоре моя спасительница вовсе перестала кого-либо узнавать, и спустя несколько дней скончалась.

Это было первое серьёзное потрясение в моей жизни. Я впервые чувствовал горе, которое съедало меня изнутри. Мы похоронили Аноху в лесу, посадив на могиле молодое дерево, как того требовал местный обычай. Я горевал в последующие дни, а Эдвор безбожно пил.

Я стал сбегать от него, сидел на каменном обрыве перед морем. Небо Амарана всегда было багряно-розовым, а половину горизонта занимала большая ярко-красная планета. Вода в море, на самом деле, была прозрачной, но я помнил, что сверху она выглядела темнее неба. В те дни море казалось мне залитым кровью всех безвременно умерших людей.

Иногда я сбегал к Элиз, несмотря на последующие наказания Эдвора. Она сочувствовала мне. Нам больше не хотелось играть, поэтому мы гуляли по побережью и разговаривали обо всём на свете. В один из таких дней была ветреная погода, и волны с моря шумно обрушивались на берег. Ветер развеивал накидку Элиз, а моя рубашка раздувалась, как шар. Мы решили спрятаться в шалаше на берегу. Присев на песчаный пол самодельной постройки, подруга взяла меня за руку и спросила:

– Как думаешь, где теперь душа Анохи?

Она говорила прерывисто, словно о чём-то запрещённом. Вопрос поставил меня в тупик, и я ответил:

– Не знаю. Я об этом не задумывался.

– Мама говорит, что все те, кто умерли, сейчас находятся в лучшем мире.

– А что это за мир?

– Мама не говорила. Думаю, она сама не знает. Но я хочу верить, что не исчезну, когда умру, – Элиз смотрела мне прямо в глаза.

– А я, вообще, не хотел бы умирать! – возразил я.

– Разве такое возможно? – Элиз очень удивилась.

– Что-то мне подсказывает, – да, – самоуверенно заявил я, поглядывая на небо.

– Если ты найдёшь способ не умирать, ты же поделишься со мной? – спросила она, с надеждой посмотрев на меня.

– Обещаю, – твёрдо сказал я, сжимая в ладонях её замёрзшие руки.

Хлынул ливень, и на нас полилась вода через щели в потолке хлипкого шалаша. Элиз засмеялась и предложила возвращаться. Мы побежали обратно, я проводил подругу до дома.

– Я буду очень ждать следующей встречи, – говорила она на прощание, сжимая мою руку.

– Обещаю вернуться завтра.

– Не обманешь? – Элиз рассмеялась.

– А разве я когда-то тебя обманывал? – спросил я в недоумении.

– Нет. Я буду ждать тебя завтра, – с улыбкой ответила она, и закрыла дверь, услышав приближение мамы.

Я переждал ливень под навесом через несколько домов, и вернулся домой. Эдвор спал за столом рядом с бутылкой хмельного напитка. От него несло смрадом. Я брезгливо прошёл мимо и лёг спать в своей маленькой кровати, сооружённой из деревянных балок с настилом из сухой травы. Мне долго не удавалось уснуть, я то и дело обдумывал наш разговор с Элиз. «А,

может быть, в самом деле, есть жизни после смерти? Душа не может исчезнуть безвозвратно, ничто в этом мире не исчезает бесследно...»

Когда я проснулся, Эдвора уже не было поблизости, что меня несказанно обрадовало. Из принесённой пиратом рыбы я сварил себе суп на костре возле хижины, поел и начал собираться к Элиз. Не успел я выйти, как Эдвор вернулся. На удивление, он был трезв и начал собирать вещи в сундуки.

– Ты тоже собирайся! Наш корабль отплывает на закате, – недовольно пробурчал он мне.

– Я же не моряк, у меня были другие планы! – громко возразил я.

Эдвор подошёл ко мне и сказал, глядя на меня с яростью:

– Мне больше некуда тебя девать. Тебе придётся учиться морскому делу, хочешь ты того или нет!

– Я не хочу! – прокричал я и попытался сбежать.

– А я тебя не спрашиваю! – он наклонился и схватил меня за воротник рубахи.

Я вырывался, как мог, но пират не отпускал.

– Оставь меня тут, я прекрасно проживу без тебя, – взмолился я и затрясся от испуга.

– Я обещал ей о тебе позаботиться, а ничего, кроме морского ремесла, не знаю. Я обязан научить тебя выживать, пока ты мал. Когда вырастешь, тогда уж будешь сам решать свою судьбу! – он смягчился, отпустил меня и продолжил собираться.

– Но я не хочу, чтобы ты обо мне заботился, я хочу остаться здесь, – меня охватила паника, и я заплакал.

– Не ной! Мужчины не плачут, – брезгливо сказал пират и вышел из хижины.

Я плакал, сидя на полу, невольно осознавая бедственность своего положения. Не успел я отойти от смерти моей дорогой ведьмы, как судьба подбросила новые неприятности. Через несколько минут я успокоился, вытер слёзы и умыл лицо. Остаться на долгие годы с Эдвором – событие, грозившее стать наихудшим в моей жизни. Если трезвым этот пират пренебрежительно относился ко мне, то пьяным вымещал всю злость. Он винил меня во всём! Иногда даже в смерти Анохи. Как же мне её не хватало!

Мои прошлые синяки только зажили, и мне следовало поскорее сбежать, пока Эдвор не вернулся! Я вылез из хижины в проём, напоминавший окно. И побежал в сторону леса. Нужно было добежать до соседней деревни, встретиться с Элиз, а позже спрятаться, пока Эдвор не уплывёт. Потом можно было бы вернуться обратно в эту хижину. Я был так воодушевлён, что бежал со всей силой! Только вот под ноги не смотрел. Когда нога застряла в капкане, оставленном кем-то для охоты на диких зверей, я рухнул на землю. Это произошло далеко от деревни. Боль была ужасной! Я стал звать на помощь. Время тянулось долго и мучительно. Я не терял надежды и всё орал: «Помогите! Помогите, я здесь!». Наконец, послышался шелест деревьев и хруст веток на земле. Как же я надеялся, что это не дикий амаранский кабан, который хочет мной полакомиться. У этих мохнатых существ было по четыре глаза, а клыки торчали из пасти, как пиратские сабли. Эта встреча могла закончиться плачевно. Я затих и ждал. «Либо спасут, либо съедят...»

Из-за деревьев показалась человеческая фигура, и я воодушевился, даже боль от сжимавшего ногу капкана затихла. Но это оказался Эдвор. Кабан был бы куда лучше. Разве может быть такое, чтобы смерть была лучше жизни? Похоже, это был мой случай.

Эдвор подошёл и безмолвно нагнулся ко мне. Его мощные руки раздвинули капкан и освободили мою ногу. Острые шипы медленно выходили из моей плоти, и это было адски больно. Я орал. Когда нога освободилась от капкана, пришло облегчение. Эдвор поднялся и мне велел вставать. Деваться было некуда, бежать я уже не мог, пришлось повиноваться.

Пират схватил меня за руку, и мы пошли обратно. Идти было больно, я сильно хромал, но он тащил меня, приговаривая: «Больше-то ты не сбежишь...». Этот путь к нашей хижине показался мне вечностью. Мой опасный спаситель больше ничего не говорил.

Вернувшись в хижину, Эдвор посыпал рану на моей ноге сожжёнными целебными травами, перевязал чистой тряпицей и снова приказал мне собирать вещи. В этот раз я его послушался.

За пару часов до заката мы прибыли на корабль. Эдвор величаво называл его «Анн-Мей», в честь своих сестры и матери, покинувших этот мир, так он поведал по пути к причалу. Нас ожидало большое парусное судно с прямыми парусами на двух мачтах, а на третьей было косое парусное оснащение. Корабль сделали вручную из прочного красного дерева, что дало ему невероятную обтекаемость. Это был несомненно, один из самых быстрых пиратских кораблей. Мы взошли на борт по мостику и стали располагаться. В команде я насчитал тридцать два человека: все взрослые мужчины, от которых страшно несло спиртом.

Меня определили юнгой в общую каюту матросов. Кровати не дали, только гамак, как и у большинства пиратов. Вонь тут стояла невыносимая: перегар не мог сравниться с запахом грязных тел. А я-то надеялся, что буду в капитанской каюте Эдвора, но просить его об этом не смел. Хотя, возможно, оно и к лучшему.

Встречный ветер подгонял корабль в сторону торговых путей. Днём я драил палубу. Изредка кто-то из матросов показывал мне основы морского дела: названия частей корабля, морские узлы и прочее. Я не старался что-то запомнить.

Однажды на горизонте показалось другое судно. Среди красного неба Амарана виднелись белые паруса. Мы взяли курс на сближение. Я стоял на палубе, облокотившись на левый борт, чтобы наблюдать за происходящим. Эдвор в тот день был в парадном синем камзоле и в капитанской треуголке, которую очень редко одевал. А меня не покидала мысль: «Неужели захват чужого судна он считает парадным событием?».

Эдвор стоял ближе к носу корабля, и кричал: «Лево руля!», и штурман ловко вертел штурвал влево, отвечая: «Да, капитан!». Вся команда всполошилась в предвкушении добычи. Капитан бросил на меня взгляд и подбежал ближе.

– Когда начнётся штурм, спускайся в трюм и не выходи, пока всё не закончится! Ты меня понял? – грозно приказал он.

– Да, капитан, – без особого энтузиазма ответил я.

– Молодец. Не хватало ещё, чтобы ты умер при первой же вылазке! – он саркастически усмехнулся и ушёл.

Мы подходили всё ближе к огромному торговому судну. Противник явно пытался «удрать» от нас. Это был парусный фрегат, сделанный из обычного дерева. Я насчитал три палубы и пять мачт. Передние несли прямые паруса, а задние – косые, как и у нашего корабля.

Нам удалось нагнать его только через пять часов. «Анн-Мей» приблизилась борт к борту к торговому судну. Наш корабль казался небольшим судёнышком рядом с ним. Только вот наш был вооружён «до краёв»: пушки с ядрами, ружья, пистолеты, топоры, короткие сабли и тесаки. А фрегат, по всему, не имел мощного оружия.

Пираты закинули абордажные крюки на торговое судно и приставили три мостика к борту противника. Дюжина пиратов забралась на чужую палубу. Я слышал много криков, но было не видно, что происходит на другом корабле. Затем вверх забралось ещё пятеро пиратов, а за ними и Эдвор. Поднимаясь, он окинул меня недоброжелательным взглядом, и я понял, что пора бежать в трюм.

Где-то через полчаса матросы стали заносить в трюм добычу. Было много бочек с хмельным напитком, горы еды. Они вносили то разноцветные ткани, приятные на ощупь, то сундуки с разной утварью, то клетки с диковинными зверями. Было ещё много вещей, которые я не успел рассмотреть. Один из пиратов зашёл, держа в руках красивое ожерелье из бирюзового металла с зелёными камнями. Я раньше всего этого не видел и был ошеломлён, поэтому подбежал к одному чернокожему пирату и стал расспрашивать:

– Какая красивая вещь! А что с ней будет? – я показывал пальцем на украшение.

– Когда приплывём в пиратский порт, обменяем на изуриновые монеты. Изурин – это самый драгоценный металл, за него можно купить всё, что угодно, – ответил пират, убирая подальше свой «кусок» награбленного, чтобы я не положил глаз на его вещь.

– Я не знал. В моей деревне мы обменивались вещами. Мы в основном давали людям травы и магические зелья, – рассказывал я, пожимая плечами.

– В большом мире расплачиваются иначе, тебе пора уяснить, – пират смотрел на меня пренебрежительно.

– А что произошло с большим кораблём?

– Мы используем давно проверенный способ. Торговцы вместо пушек берут на борт побольше товаров в надежде, что не встретятся с нами. Жадность губит их. Жадность! А когда приходим мы, они трясутся от страха и готовы отдать всё, лишь бы им сохранили жизни. Сначала поднимается треть нашей команды, мы запугиваем экипаж и собираем всех на палубе в одном месте. Обычно самое долгое – выяснить, кто капитан. Потом даём команду нашему капитану, и он поднимается для переговоров. Мы забираем всё ценное, иногда ещё и капитана прихватим, затем спускаем их паруса, чтобы не могли быстро догнать нас. Оставляем столько провизии, чтобы им хватило добраться до берега. Затем отшвартовываемся и уплываем, – объяснял пират с горящим в глазах безумием.

– А зачем забирать капитана торгового корабля?

– Чтобы убить! – ответил пират с усмешкой.

– Но зачем его убивать? – пробормотал я в смятении.

– Так мы запугиваем всех остальных, чтобы торговцы не хотели сражаться за свои ценности, и у нас не было потерь. Запомни пиратское правило: захватил корабль – убей капитана!

Пират уже собирался сбежать от моих расспросов, но я остановил его и спросил, не скрывая печали:

– Так, получается, что мы злодеи?

– Нет, мы – не злодеи! На островах этих людей много товаров и возможностей, поэтому они богатеют, пока мы едва сводим концы с концами. Мы лишь пытаемся выжить, чтобы наши родные не гнили в нищете! – пират говорил яростно, словно я задел за живое.

В тот же миг меня окрикнул другой пират: «Маркус! Капитан зовёт!». Я медленно пошёл на палубу, не понимая, зачем. За все дни пребывания на судне Эдвор ни разу меня не звал, и, казалось, даже сторонился. Я поднялся на главную палубу, там пираты окружили связанного человека в парадном мундире. Рядом с капитаном ограбленного корабля возвышался Эдвор. Красиво одетый человек с кляпом во рту стоял перед ним на коленях. Эдвор держал в руках пистолет и жестом велел мне подойти к нему. Я повиновался.

Капитан пиратов наклонился ко мне и, протягивая оружие, заявил:

– Сегодня ты станешь мужчиной, мой мальчик. Убей этого человека.

Эдвор был спокоен, а пленник изнемогал от ужаса.

– Но я не могу, я не убийца, – в страхе бормотал я.

– Можешь. Вот, возьми, – он вложил пистолет в мою руку и спокойно продолжал: – А теперь направляй прямо ему в голову. Он – наш враг, понимаешь?

Я почти скулил, пытаюсь не заплакать.

– Я... я не могу...

– Можешь!

Эдвор взял мою руку с пистолетом в свою. Положил мой маленький палец на курок и поверх него опустил свой. Он направил мою руку с пистолетом на цель. Я не мог себя заставить. Никак. Уже в тот момент я понимал, что у меня нет права отбирать чью-то жизнь. По моей щеке скатилась слеза. А пленник всё стонал и качал головой, словно умоляя: «Не надо, пожалуйста», пот струился с него ручьями, а глаза закатывались в ужасе от неминуемого конца. Я зажмурился и отвернулся, не в силах противостоять сильной руке Эдвора. И пират нажал

своим пальцем на мой. Курок опустился. Прогремель выстрел. Я повернулся и увидел лежащего на палубе мужчину с простреленным лбом, а через пару мгновений матросы выкинули его тело в кроваво-красное море.

Я завопил от ужаса. Эдвор отпустил мою руку, забрал пистолет и грозно сказал:

– В следующий раз ты сделаешь это без моей помощи, – и ушёл в свою каюту.

Я остался стоять на палубе, вытирая слёзы и не понимая, зачем было нужно заставлять меня убить человека. «Я не хочу быть злым! Злых людей боятся и сторонятся, как после моего «фокуса» с лягушкой. А, может, добра и зла вовсе нет, если верить рассказам пиратов?»

Ночью мне не спалось из-за размышлений о произошедшем. Внутри меня таилось предчувствие ужаса. Какие только идеи не приходили мне в голову, чтобы больше никого не убивать. Я словно испытал всю боль убитого! Мне хотелось выпрыгнуть за борт! Так всё во мне противилось убийству.

С каждым днём погода становилась жарче. Потные пираты расхаживали без рубашек и закатывали штаны. Несколько раз «Анн-Мей» останавливалась, чтобы пираты могли вдоволь наплаваться в открытом море. Освежившись, они несколько часов ловили рыбу.

Следующий корабль мы встретили через неделю плавания. Это судно было меньше прошлого. К этому времени пираты рассказали мне, как различать всевозможные корабли. И этот, новый, напоминал трёхмачтовый фрегат с единственной грот-мачтой. На одной только оружейной палубе я насчитал четырнадцать фунтовых пушек, которые заставляли меня тревожиться. Примерно за час до сближения одноногий кок передал мне, что в этот раз я пойду с ними по приказу капитана.

Пушечные выстрелы прогремели раньше, чем «Анн-Мей» приблизилась к фрегату. Большинство ядер утонуло в открытом море, но одно всё же задело нашу заднюю мачту. Пираты ловко бросились снимать сначала паруса, а затем и саму мачту. Она развалилась по всему кораблю, и плотники поспешно хотели её поправить.

Капитан выкрутил манёвр, при котором мы становились вне досягаемости другого корабля. «Анн-Мей» встала боком к корме фрегата. Он пошёл на разворот, как только прогремели наши пушки. Палуба подо мной задрожала. Прошло всего несколько минут, пока мои уши оправились от оглушительного залпа орудий, но прогремели следующие. И так пять раз. Я прятался под палубой, и слышал, как с треском пробивается обшивка кормы. Закрывал уши руками, но это не помогало.

Я вышел из убежища, когда выстрелы пушек затихли и корабль, как мне казалось, совершил разворот. Пираты уже накидывали абордажные крюки на фрегат, на главной мачте которого висел огромный белый флаг.

«Анн-Мей» ударилась о борт чужого корабля, и пираты стали перекидывать мостики. Команда фрегата ожидала их. Люди сдали оружие первому пирату, поднявшемуся на борт. Мы с Эдвором замыкали цепочку. Он взял меня за руку, как родного сына, чему я был искренне не рад.

– Нашли капитана? – грозно спросил Эдвор у своих людей.

– Да! – крикнул один из пиратов с верхней палубы.

Мы поднялись на верхнюю палубу по лестнице, и Эдвор по-прежнему не отпускал мою руку. Всё происходящее казалось страшным сном, и я взглянул на небо. Долго всматривался в перистые облака, пока капитан что-то выяснял. Я его даже не слушал. Сквозь перину облаков мне померещилось что-то блестящее. Я сощурился, чтобы рассмотреть получше. Это что-то блеснуло ещё раз, и в моей голове раздался тихий невнятный шёпот. Я пытался его разобрать, но Эдвор вопросительно потянул мою руку.

– Маркус! Ты ответишь? – спрашивал он.

– На что отвечу? – с удивлением переспросил я.

– Что мы сделаем с этим человеком? – Эдвор показал на человека, одетого в одежду, напоминавшую одеяния прежде убитого нами капитана. Руки его также были связаны, но он стоял с гордо поднятой головой.

– Я...я не знаю... – пробормотал я, опустив голову.

– А что мы сделали с предыдущим капитаном? – напомнил Эдвор.

– Убили, – тихо ответил я, и по моей щеке скатилась слеза.

– Этого должен убить ты, – капитан снял с пояса свой однозарядный пистолет и протянул мне.

– Как же бесчестно! – прокричал капитан фрегата.

– Да что ты знаешь о чести? – рассвирепел Эдвор.

– Мы сдались и согласились на ваши условия взамен сохранения жизни команде и кораблю. А капитан – главная часть команды! – чётко объяснился пленник.

– Живым ты отсюда не уйдёшь, – капитан пиратов зловеще рассмеялся, отпустил мою руку, вкладывая в другую пистолет и пригрозил уже мне: – В этот раз сам, Маркус! Иначе я вас обоих отправлю на корм рыбам!

Он продолжал дьявольски смеяться.

Мне было неопишимо страшно. Этот страх не оставил выбора.

– Ты не обязан это делать, – пленник обратился ко мне.

– Простите, – прошептал я.

Слёзы катились по моим щекам. Мне едва удалось снять пистолет с предохранителя и поднять его вверх на дрожащей руке. Зажмурив заплаканные глаза, я нажал на курок, но промахнулся и попал пленнику в плечо. Тот упал на спину. Эдвор выхватил у меня пистолет, приговаривая: «Учись попадать с первой попытки!». Затем он вырвал из рук рядом стоявшего пирата длинную изогнутую саблю, наклонился к раненому мужчине и перерезал ему горло.

– В следующий раз будешь доделывать сам! – крикнул Эдвор, подбежал и снова схватил меня за руку, скомандовав остальным пиратам: – Забираем всё ценное и уходим!

Мы вернулись на «Анн-Мей», и только там он отпустил меня, велел идти в трюм и помогать команде складировать добычу. А ночью во сне я проживал ужас смерти снова и снова, просыпаясь в холодном поту.

На следующий день я узнал, что мы держим курс в пиратский порт для обмена награбленного на изуриновые монеты. Что потом с ними делают, мне никто так и не объяснил. Они же точно предназначались не только для закапывания на островах. Порт находился в трёх днях пути при встречном ветре.

Эти дни я занимался своими обычными обязанностями юнги, но палубу уже драил меньше. В жизни на корабле был один неотъемлемый плюс: Эдвор почти не обращал на меня внимания и не трогал, за исключением моментов захвата судов. Мне даже разрешили помогать разносить харчи матросам. По вечерам было свободное время, пираты тогда упивались спиртным, а я расспрашивал их обо всём.

Оказалось, бывших пиратов не бывает. Это какая-то зависимость, такое же чувство, как от вдыхания пепла калиона. Это такое растение. Когда человек вдыхал его пепел, испытывал удовольствие. Каждый третий пират ежедневно по вечерам дышал этой дрянью, потому они и казались всё время счастливыми. Я тоже хотел попробовать, но они мне сказали, что я ещё мал для таких развлечений. Большинство разбойников кровавого моря занимались грабежом до самой смерти, а когда запасы изуриновых монет превышали их нужды, пираты прятали сундуки с сокровищами на необитаемых островах и только своим детям рассказывали, где искать богатства.

Пиратские истории убеждали меня в том, что такой судьбы я не хочу. Словно внутри меня горит огонь, который требует чего-то большего. И этот огонь сопротивляется жизни на корабле.

В последний вечер перед прибытием в порт я подносил еду в каюту Эдвора. Уже изрядно пьяный он сидел за столом, опустив голову. Обычно я боялся с ним разговаривать, но тут любопытство одержало верх. Зная, что в хлам пьяный капитан не сможет меня догнать, если рассвирепеет, и наутро точно не вспомнит моих вопросов, – а он часто забывал, что происходило с ним в разгар глубокой попойки, – я рискнул разузнать кое-что о нём подробнее.

– Ты тоже прячешь клады на островах? – неуверенно начал я, но остался стоять ближе к выходу из каюты.

– Эм...да. А кто дал тебе право спрашивать, маль-чиш-ка? – запинаясь прорычал пират.

– Мне интересно...

Эдвор залпом опустошил стакан с мерзким напитком, а после приложил руку ко рту и рыгнул. Помещение наполнилось диким смрадом. Но я сделал вид, что не заметил.

– Я скучаю по ней... – едва проговорил я и умолк.

На это Эдвор усмехнулся, но глаза выдавали грусть, скрытую под маской кровожадного пирата.

– Я рас-ска-жу-у тебе кое-что, но лишь по её п-просьбе. Иначе о-она меня и на том свете до-ста-нет... – язык его заплетался так, что я с трудом разобрал сказанное.

– Про твой тайник с изуриновыми монетами? – становясь увереннее, переспросил я.

– Они т-там т-тоже есть, но не их о-она просила т-тебе отдать ещё п-при жиз-ни...

– Что же это? – допытывался я, уж так хотелось сохранить хоть какую-то память о женщине, заменившей мне мать.

Неожиданно, после очередного глотка пойла язык Эдвора резко развязался, и он заговорил вполне сносно:

– На одном из захваченных кораблей я нашёл небольшой сундук. В нём находился сияющий ярко-красный камень, по форме напоминавший т-треугольник. Размером примерно с моей ладонь. Если смотреть на него дольше пяти минут, в голове появляются неведомые голоса на другом языке. Я т-так и не понял, что это такое, но люди с корабля бились за него насмерть. Это люди с белой кожей, некоторые из них были в странных одеждах, да и вели они себя как-то иначе. Зачем отдавать жизнь за камень? – он посмотрел мне в глаза и, помолчав, добавил: – Вот и я не знаю. Когда ты вырастешь, я тебе расскажу, где его искать, и, может быть, ты разгадаешь эту загадку. Ну, а если я умру раньше, то подсказка зарыта под нашей хижиной глубоко под землёй. Всё равно мне больше н-некому оставить свои богатства, – говорил капитан пиратов, тяжело вздыхая на последних словах.

Но взгляд его по-прежнему оставался холодным и злым.

– А когда... – я начал, было, говорить, но тут же осёкся, боясь возможного ответа.

– Что «когда»? – капитан нахмурил брови и косо посмотрел на меня.

– Когда я смогу жить самостоятельно на суше и найти этот камень? – договорил я и попытался дальше в сторону выхода.

– Не раньше четырнадцати лет, если выживешь! – яростно заорал он и стукнул ладонью по столу. – Но к тому времени ты уже не захочешь на сушу!

Закончив свою тираду, капитан разразился дьявольским смехом, затем встал из-за стола и налил ещё пойла из бутылки. Эдвор смотрел на меня налитыми кровью глазами, и я знал этот взгляд. После таких моментов на мне обычно и оставались синяки, потому я поспешил убежать. Но капитан, к моему счастью, был настолько пьян, что не стал догонять.

Я засыпал с мыслью, что должен сбежать, чего бы мне это ни стоило. Жизнь грязных пиратов не была для меня примером, тем более, если могла затянуть и меня в свою паутину.

Рано утром «Анн-Мей» причалила в порту Неларус: в одном из крупнейших пиратских портов с большим рынком для обмена. Сюда приезжали люди с других островов и материка, чтобы дёшево скупить награбленную добычу. Полдня мы перетаскивали содержимое трюма на

рынок. Мне, как ребёнку, доверяли самое лёгкое – рулоны тканей. У меня не укладывалось в голове, как это награбленное с двух огромных торговых кораблей поместилось на нашем судёнышке!

Днём, когда от меня уже не требовалась помощь, Эдвор дал мне несколько монет, чтобы я что-нибудь присмотрел на рынке для себя. К закату мне велено было вернуться на корабль.

Сначала я долго бродил возле прилавков, но меня манил лес неподалеку, уходивший куда-то вверх, в гору в самом центре острова. Вопреки указаниям мне не терпелось отправиться туда, но только далеко не уходить.

Совсем не густой лес поднимался всё выше и выше в гору, оттуда открывался хороший вид на порт. Рыночный шум доносился даже туда. Зверей в лесу было мало, и кругом росли диковинные растения. Изредка я встречал даже редкие красные деревья.

Поднявшись довольно высоко, я наткнулся на маленькую речушку с кристально-прозрачной водой и решил пойти вверх по течению. Ещё через какое-то время порт остался далеко позади.

Глава 2. «Гемиль»

Я не спеша шёл по чёрной земле на берегу горной реки, любуясь видами леса и слушая пение диковинных птиц с разноцветным оперением. Неожиданно мне встретился белокожий старик в необычном белом костюме с прямыми брюками. Он набирал воду из реки в странную ёмкость с ручкой наверху. Я спрятался за деревом и тихо наблюдал издалека.

К старику подошёл мальчишка лет десяти, одетый в белую рубашу с коротким рукавом и такого же цвета штаны. Ребёнок забрал наполненную водой ёмкость, отдавая старику пустую. И так продолжалось много раз: к реке подходили разные дети. У всех на шее были металлические ошейники с мигавшими синими огоньками.

Мне было крайне любопытно, что это за престарелый мужчина. Похоже, что он не представлял никакой угрозы: дети запасались водой, только вот не понятно, куда её относили. Пресной воды было полно и внизу. Я осмелился подойти к ним и всё узнать.

Старик в белых одеждах всё ещё набирал воду, а я тихо подкрался к нему.

– Здравствуйте, а почему вы не набираете воду в порту? – спросил я.

– Что?

Незнакомец вздрогнул, явно неготовый к моему появлению. Он поднёс палец к уху и как будто что-то нажал на нём.

– Ну, почему вы набираете воду именно тут? И почему вы так странно одеты? Эти дети – рабы или работают на вас? – я показал пальцем на уходившего мальчика.

– Дитя, как ты здесь оказался? И где твои родители? – с улыбкой спросил старик.

– Я первый спросил.

– Хорошо. Давай так: сначала ты ответишь мне, а потом отвечу я?

Он передал наполненную ёмкость следующему ребёнку.

– Ладно. Я с пиратского корабля. Мне разрешили погулять по рынку, и вечером я должен вернуться на корабль.

– И почему же ты пошёл в лес? – недоумевая спросил странный незнакомец.

– Ну, мне просто захотелось погулять тут, – я показал рукой на лес.

– И никто не знает, что ты тут? – старик радостно заулыбался, и это меня смутило.

– Нет, мне велели далеко не уходить. Теперь ваша очередь отвечать!

– Хорошо, я – доктор Гемилион Новис. Мы с ребятами остановились на этом острове, чтобы пополнить запасы провизии и воды. Дети помогают мне в исследованиях, и мы путешествуем вместе. Они сироты, а я спас их всех от гибели, – при этих словах он уже наполнял следующий резервуар с водой.

– Так почему же вы набираете воду именно здесь? И где ваш корабль? – моё любопытство никак не унималось.

– Понимаешь ли, мальчик, у нас очень необычный корабль. И нам удобнее делать именно так, чтобы нас никто не видел и не задавал лишних вопросов.

– А почему вы не хотите вопросов? И что вы исследуете?

– Моё исследование – строжайшая тайна, – серьёзно ответил старик, передавая воду следующему ребёнку.

Я заметил, что ни один из детей не подходил дважды. Они косились на меня, как будто хотели что-то сказать, но не смели.

Когда уходил очередной ребёнок, я подбежал к нему и спросил:

– Тебе хорошо с этим стариком?

Мальчишка был ростом с меня, и у него была белая кожа и короткие русые волосы.

– Это лучше, чем смерть. Но если у тебя есть другой выбор, лучше не надо, – грустно ответил он.

Его речь была понятной, но странной, он делал ударения не на тех слогах. Мальчик быстро скрылся в лесу, я даже опомниться не успел. Но его слова заставили меня задуматься.

«Может, попробовать напроситься к ним? Всё лучше, чем жизнь пирата», – подумал я и снова подбежал к старику.

– Может, вам нужен ещё один помощник? – спросил я воодушевлённо.

– Помощников у меня больше, чем нужно. А тебе это зачем?

– Я не хочу быть пиратом. Не хочу убивать людей, – ответил я и потупился.

– Никто не хочет. Но чем ты отличаешься от других? – он едва заметно улыбнулся.

– Ну... – я помолчал и, наконец, нашёл, что ответить: – Меня раньше учили магии.

Может, это вам пригодится?

– Хм, интересно! – доктор прекратил набирать воду и пристально посмотрел на меня. – А что ты умеешь?

– Я могу заставить маленькие предметы воспарить над землёй, знаю несколько заклинаний про погоду, умею варить целебные зелья из трав. А ещё умею обращаться мелких существ в пепел и... – я остановился, не зная, как правильно сказать.

– И? – доктор смотрел на меня в ожидании.

– И у меня иногда получается заставлять цветы снова распускаться, – открыто похвастался я и уставился на него.

– То есть, увядшие цветы? – переспросил старик.

– Да.

– А сможешь показать? – он резко подошёл ближе и ошарашенно посмотрел на меня.

– Ну, я могу попробовать. Давайте поищем что-нибудь засыхающее.

– Давай поищем. Трёхлистный папоротник подойдёт?

– Наверно, – ответил я и пожал плечами. – С папоротником ничего не обещаю, не пробова.

Доктор велел детям самим набирать воду, чему они, похоже, не обрадовались. А мы пошли в чашу леса, свернув влево от речки, в поисках цветов или хотя бы папоротников. По пути старик вспомнил, что я не назвал своё имя и вежливо попросил меня представиться.

– Маркус меня зовут, – ответил я, и мы молча пошли дальше.

Поблуждав немного, мы, наконец, нашли одно больное растение. Первым его заметил старик и подозвал меня. Это был загнивший папоротник. Три его нижних листа поникли к земле. Здоровые листья стремились вверх. Вокруг кружились мелкие шестикрылые насекомые, питавшиеся гнилью растения.

Я подошёл к папоротнику, присел на колени и с неохотой собрал в руку три гниющих листочка, лежавших на земле. Затем закрыл глаза и напряг все силы, чтобы захотеть оживить его. Через несколько минут я приоткрыл один глаз.

– Получилось!

Листья папоротника позеленели и устремились вверх. Растение было исцелено! Но радость быстро сменилась грустью. Как только я заулыбался, листья папоротника рассыпались пеплом.

– Поразительно! – вскрикнул доктор.

– Я пока точно не понял, как это работает, – пробормотал я, пытаясь оправдать неудачу.

– Это не важно, Маркус. Главное – наличие способностей. Удивительно, но, если всё получится, ты сможешь исцелять людей!

– Вы в это верите? И мне не придётся никого убивать? – в надежде спросил я.

– Не придётся, обещаю.

– Это значит, вы позволите мне пойти с вами?

– Конечно! Но ты же понимаешь, что пути назад не будет? – теперь доктор хитро улыбался.

– Спасибо! – я подбежал к старику и обнял его. – Вы меня спасаете!

– Не стоит, – доктор дивился моему поведению. – Пойдём, я покажу тебе наш корабль. Тебе понравится.

Мы повернули обратно к речушке. К этому времени детей там уже не было. Гемилион объяснил, что все приготовления к путешествию закончены. И ещё добавил, что ответит на все вопросы позже, поскольку их у меня будет очень много. Мы прошли немного вверх по течению и наткнулись на ещё одну большую поляну. Удивительно, что деревья вокруг неё были повалены, и никаких растений, кроме примятой травы, на лужайке не было.

– Мы пришли.

– Но, тут же ничего нет! – вскричал я, оглядываясь по сторонам.

На секунду я усомнился в здравомыслии спутника.

Гемилион приложил два пальца к губам и звонко просвистел, а после взмахнул рукой. Поднялся сильный ветер на пару мгновений. Тогда в нескольких шагах от нас открылся проход и спустилась металлическая лестница. И тут я понял, что корабль невидимый. Но почему он не на воде?

Всё это показалось совсем странным, но страшно не было. Мне настолько хотелось бежать от Эдвора, что я быстро поднялся вверх по необычной лесенке – вперёд, к неизвестному!

Я оказался внутри вместе с доктором. Это был совсем не обычный корабль, стены и пол его были сделаны из серого металла. Я застыл на месте и разглядывал всё вокруг. Доктор велел ждать на месте. Через несколько минут он вернулся с мальчишкой, с которым я пытался поговорить в лесу. Доктор представил его:

– Маркус, это Валекиан. Вы будете с ним в одной каюте, и он тебе всё расскажет, а мне нужно подготавливать корабль к взлёту. Через пару часов мы уже будем в космосе.

Я доверчиво кивнул, хотя не понял, где мы будем, и зачем взлетать, если море неподалеку. Гемилион ушёл.

– Пойдём, я тебе всё объясню, – позвал меня Валекиан, уходя в сторону длинного коридора.

Я побежал за мальчишкой, попутно задавая ему вопросы:

– Что это за корабль такой? И почему тебе тут не нравится?

– Нам нужно подготовиться к взлёту, надо спешить, – только и сказал он, сохраняя спокойствие.

– К какому ещё взлёту? Куда мы идём?

– В каюту, там будет безопасно, пока не включится искусственная гравитация на всем корабле.

– Я ничего не понимаю! – громко возразил я.

– Делай, как я говорю, и чуть позже всё поймешь. Мне тоже было сложно понять.

В пустом коридоре оказалось много белых дверей с номерами. Благо, Аноха научила меня считать, и я смог разобрать цифры. Мы дошли до номера «46», и Валекиан нажал кнопку на двери, она отодвинулась в сторону. Мальчик зашёл в комнату и велел мне тоже заходить. Дверь за нами закрылась сама собой. Это была небольшая каюта с такими же металлическими стенами и полом, невысокими потолками, без окон. По бокам комнаты стояли две кровати, заправленными белым бельём. В одном углу разместился небольшой белый столик, а в другом – комод. Удивительно, но вся мебель была прибита к полу. Валекиан достал из нижнего ящика комода такую же белую одежду, как была на нём самом. Он протянул мне комплект и велел надеть после душа. Мы вышли из каюты, прошли мимо пары дверей, и в конце коридора была белая дверь с буквой «М» по центру сверху.

– Это душевая для мальчиков, соседняя – для девочек. Туда не ходи, – он показал пальцем на соседнюю дверь с буквой «W».

– Хорошо, – кивнул я.

Мы зашли, и Валекиан проводил меня к душевым кабинам, дал мыло и чистое полотенце, показал, как включить и выключить воду, и велел мне после процедуры возвращаться к нему в каюту. Свою одежду я должен был положить в урну, которая тоже была прибита в полу и открывалась сама при приближении человека, и закрывалась, как только в неё что-то бросали. Я сделал всё, как сказал Валекиан.

Когда я мылся, с меня стекала чёрная вода. После душа было приятное ощущение свежести, раньше такого я не испытывал и с удовольствием вдыхал аромат, оставшийся от мыла.

В новой одежде, широко улыбаясь, я возвращался в каюту. И уже сам нажал кнопку, чтобы дверь отодвинулась. Валекиан протянул мне белую обувь с необычными завязками.

– Это кроссы, в них очень удобно, – объяснил он, показывая, как их завязывать.

В новой одежде было очень удобно. А у меня было столько вопросов. Но не успел я снова начать допытывать соседа по каюте, как корабль затрясло. Валекиан закричал мне, что так и должно быть. Это продолжалось недолго. Затем неведомая сила оторвала меня от пола.казалось, что я потерял весь свой вес. Мы с Валекианом парили в воздухе и смеялись. Я переворачивался и пытался долететь до другого края каюты такими движениями, словно я плыл по воде.

– Это и есть невесомость! – прокричал Валекиан.

– Мне нравится, – я всё ещё «плыл» по воздуху.

– Ещё пару минут, и нас будет медленно притягивать обратно, – Валекиан тоже смеясь стал изображать пловца.

Мы подумались так ещё немного, потом мой вес стал медленно возвращаться, и мы постепенно опустились на пол. Валекиан назвал это «силой притяжения».

– Что это было? – спросил я.

– Корабль взлетел, мы вышли открытый в космос. Пойдём покажу!

Валекиан схватил меня за руку, и мы побежали из каюты в начало коридора, а оттуда свернули в другой коридор и вышли к огромному окну, которое мой новый знакомый называл «иллюминатором». Ошарашенно я посмотрел в него и даже приоткрыл рот. За стеклом была чёрная ночь, в глубине которой светило множество огней и разноцветных туманов, а посреди окна – огромный красно-розовый шар, от которого мы удалялись всё дальше.

– Это и есть космос. А это планета Амаран номер шесть, – Валекиан показал на красную планету, – с неё мы и взлетели. В этой звёздной системе все планеты называются Амаран, только под разными номерами, так объяснял доктор.

– Удивительно, – проговорил я и задумался.

Все вопросы из головы куда-то исчезли, и я больше ничего не мог сказать, только смотрел с удивлением в холодную пучину космоса. Было в нём что-то родное. В мои мысли закрался еле слышный, невнятный шёпот, но я узнал его: этот же голос рассказывал мне сказки.

– Мы на космическом корабле, доктор называет его «Гемиль». Если тебе интересно, как тут всё устроено, он объяснит, если спросишь. Я как-то спрашивал, но было столько непонятных слов, и я мало что понял. Знаю только, что корабль выглядит как небольшая гора с округлыми боками и может сливаться с окружающей средой.

– А чем вы здесь занимаетесь? – я начал постепенно приходить в себя, а мой сосед, похоже, был готов с энтузиазмом рассказывать обо всём.

– Мы принимаем участие в исследованиях доктора. Он спас жизнь каждому из нас, взамен мы стали его «подопытными». Он испытывает на нас новые лекарства, ставит уколы, проводит тесты с помощью разной техники. Обычно это не больно. И точно лучше, чем смерть, – последние слова Валекиан проговорил с едва заметной печалью в глазах.

– А ты тоже с Амарана? – я никак не мог оторвать взгляд от прекрасной планеты.

– Нет, доктор называл мою планету Дим-Бима, она далеко отсюда. Мой родной язык похож на ваш, поэтому я тебя понимаю, – его глаза стали влажными.

Было понятно, что мальчик пытался изо всех сил не заплакать. И тут я понял, почему он говорит со странным акцентом.

– Давно ты здесь? – я сочувствовал ему.

– Два стандартных года. Один такой год равен четырёмстам суткам, а сутки делятся двадцать четыре часа. И я бы очень хотел вернуться домой, – он помолчал немного и добавил: – Скоро будет ужин, и ты увидишь остальных детей. Мы все с разных планет, родной язык у всех разный. Тебе придётся выучить язык доктора, я помогу. Тогда ты сможешь говорить свободно, как с Гемилионом, так и с другими детьми.

– Но доктор же и так понятно говорил со мной, зачем? – спросил я, недоумевая.

– Он использовал коммуникатор, это такое устройство, которое вставляется в ухо и преобразует твою речь в речь на языке твоего собеседника, – Валекиан показал пальцем на своё ухо.

– И это устройство есть только у доктора?

– Да, коммуникатор всего один.

– А что за штука у тебя на шее? – я показывал на устройство в виде ошейника.

– Это чтобы никто не сбежал и не напал на доктора. Он сказал, что эта штука взрывается по его команде. И если самому попытаться его снять, тоже взорвётся.

– Ужас! – вскрикнул я.

– Доктор называет это «мерами предосторожности». Говорит, что мы без него не выживем.

Неожиданно прозвенел короткий звуковой сигнал. Валекиан объяснил, что это звонок на ужин, и нам пора идти. Мы прошли по коридору дальше и вышли в большой зал со множеством длинных столов. Постепенно подходили другие ребята, и все рассаживались. На столах уже стояла еда и напитки, которые также приносили другие дети. Валекиан повёл меня к нашему месту. Мы сели за стол, и я огляделся. Доктор сидел с книжкой в руках за отдельным маленьким столиком. Я насчитал приблизительно пятьдесят детей.

– А есть ещё кто-нибудь из взрослых? – спросил я Валекиана.

– Самым старшим детям тут по пятнадцать стандартных лет. Старше нет никого, кроме доктора. Мы сами готовим, убираемся, выполняем некоторые обслуживающие работы на корабле. А ещё составляем график дежурств, поэтому задействован каждый. Завтра и тебя туда внесём. Примерно раз в месяц делаем остановку на какой-нибудь неразвитой планете для пополнения запасов. Иногда доктор приводит оттуда новых детей.

– А что становится с теми, кто вырастает? Если тут нет взрослых... – тихонько уточнил я.

– Никто не знает. Я не встречал детей, которые живут тут больше шести лет. Бывает, дети пропадают независимо от возраста, – шёпотом ответил Валекиан. – Мне кажется, они пытались сбежать и взорвались от заряда на шее.

– Поэтому ты хочешь домой?

– Да... – ещё тише прошептал Валекиан, опустив глаза.

Мы принялись ужинать. На столах стояло пюре из амаранских стеблей ковентуса с мясом лесных кабанов. В блюде чувствовались какие-то неизвестные специи, что делало еду невероятно вкусной. Запил я это удовольствие компотом из лесных ягод.

После ужина все разошлись по каютам, и Валекиан сказал, что сейчас свободное время.

Мы сидели на кровати, сосед достал учебник и стал учить меня общему языку. Было очень интересно, и я легко запоминал целые выражения, словно уже слышал какие-то слова раньше. Так прошло несколько часов, а потом снова прозвенел звонок. Это был знак ко сну, мы разделись и легли в свои кровати. Прежде, чем уснуть, я поблагодарил Валекиана за помощь, и он улыбнулся мне в ответ. Спали крепко.

Проснулись мы от более продолжительного звонка, оделись и пошли в душ. По правилам – гигиенические процедуры были каждое утро, потом дети шли на завтрак. Сегодня была неизвестная мне каша с кусочками сладкой мяты. Но тоже было вкусно. После завтрака дети расходились по своим обязанностям, и Валекиан тоже пошёл работать. Он сегодня должен был заниматься уборкой душевых. Я остался в столовой вместе с доктором и детьми, которые убрали тарелки и протирали столы. Гемилион после трапезы сразу подошёл ко мне и присел рядом.

– Тебе нравится у нас? – с улыбкой спросил он.

– Да. Еда очень вкусная. Мы хорошо поладили с Валекианом. Он учит меня вашему языку.

– Замечательно!

– А чем я буду заниматься у вас? Меня надо вписать в график дежурств, – потребовал я.

– Пока не надо, – Гемилион усмехнулся.

– Почему? – удивился я.

– Сначала я хочу провести кое-какие тесты и узнать побольше о тебе и твоём даре.

– А больно не будет?

– Нет, конечно. Пойдём со мной.

Я пошёл за доктором. Мы дошли до конца столовой, а оттуда – в новый коридор с белыми дверями. Гемилион приложил какую-то карточку к одной из дверей, и та отодвинулась. Мы вошли в большую комнату. Там было очень много непонятных приборов и кушетки.

Старик велел мне снять рубаху и лечь на кушетку, я так и сделал. Потом он присоединил к моей голове и груди множество проводов, и сам сел у монитора. Больно не было, скорее, немного холодно от креплений датчиков. Гемилион смотрел в экран и размышлял над тем, что там видел. В какой-то момент его глаза сильно напряглись, и он посмотрел на меня с недоумением и спросил:

– А кто твои родители?

– Своих родных родителей я не знаю, меня вырастили ведьма и пират. Они верили, что Морской Бог принёс меня им, потому что у них не могло быть своих детей. Ведьма нашла меня на пляже после большой волны.

– Очень интересно, – пробормотал Гемилион.

– А почему вы спрашиваете?

– Видишь ли, строение твоего тела очень отличается от тел людей на твоей планете, – доктор развернулся ко мне, помолчал и, тяжело вздохнув, добавил: – Это значит, что ты родился не на Амаране.

– А где же тогда? – у меня вытянулось лицо от удивления.

– Понятия не имею. Но думаю, если ты когда-нибудь разгадаешь эту загадку, то узнаешь откуда твоя магия, – продолжал объяснять доктор, задумчиво глядя на экран своего прибора. – Магии осталось очень мало во Вселенной. С этим даром рождаются, и он передаётся по наследству только от союза двух магов.

– Значит, мои родители – маги?

– Да. И, скорее всего, первородные, поскольку твой дар очень сильный. Очевидно, они из какой-то знати с развитых планет, – Гемилион задумчиво потёр подбородок.

– Но вы же всё равно сможете использовать мой дар для помощи людям?

– Пока не знаю, нужно провести много тестов. Каждый день после завтрака приходи сюда. Хорошо?

– Хорошо, – согласился я, понимающе кивая.

Гемилион провёл ещё несколько исследований в этот день, взял у меня кровь из вены. Потом прозвенел звонок на обед. И только после обеда мы продолжили. А после ужина снова было свободное время, и мы также учили язык вместе с Валекианом.

На следующий день доктор поместил на моей шее такой же прибор, как у всех остальных, и объяснил его назначение. Это не порадовало меня, ведь означало, что я навсегда останусь на этом корабле. Раньше о своём будущем я думал только так: «стать кем угодно, только не пиратом», а теперь внутри меня всё изменилось, и мне захотелось чего-то большего. Это чувство напоминало крохотную искру, пока не способную разжечь в душе настоящий огонь.

В течение нескольких стандартных месяцев каждый мой день был похож на предыдущий, только иногда к исследованию подключались другие ребята. Гемилион делал им свои уколы, и они также неподвижно лежали на кушетках. На корабле не было других книг, кроме языковых учебников, и те все одинаковые. Мне удалось выучить общий язык месяца за три. Я стал спокойно разговаривать со всеми, а во время ужина подсаживался к другим ребятам и слушал их рассказы о прежней жизни. Все их истории заканчивались плохо. В период острой нужды их находил доктор.

Исследования надо мной закончились, и меня внесли в список дежурных. Я напросился на обслуживание корабля. Старший мальчик научил меня основам электрики, чтобы чинить мелкие поломки проводки.

Так прошло три года жизни на «Гемиле». Мне было уже одиннадцать стандартных лет, и я ловил себя на мысли, что жизнь среди пиратов была бы куда интересней. А здесь – всё одно и то же, день за днём. Искра внутри разгоралась, и мне казалось, что скоро вовсе не выдержу: сойду с ума. Я находил отраду в свободные часы. Долго смотрел в иллюминатор, вглядываясь в пучину космоса. В редкие мгновения возвращался уже знакомый шёпот. Мне хотелось понять то и дело вертящиеся в голове слова, но голос был настолько тих, что я не мог догадаться об их значении.

Доктор особо не уделял мне внимания и периодически брал кровь для исследований. Менялась только еда, – на разных планетах мы собирали разные припасы.

Каждая планета была уникальна и неповторима, я мог часами разглядывать местности при сборе провизии. А перед посадкой и после взлёта я надолго зависал у иллюминатора. Это было моей отдушиной. Я мог часами смотреть на звёзды, и они не казались мне безжизненными пятнами света в космической мгле. Было в них что-то особенное.

На самом деле, корабль только отчасти напоминал гору с округлыми боками. Я смог внимательно рассмотреть его на одной из посадок перед включением режима сливания с окружающей средой. Жилые помещения с многочисленными коридорами располагались по всей окружности корабля, а в центре за мощной обшивкой из видоизменённого углерода, как объяснял Гемилион, прятался огромный квантовый двигатель, и сам корабль напоминал широкое кольцо вокруг него. А вот как раз камуфлирующая обшивка и создавала эффект круглой горы.

В один из месяцев половина детей умерла. Над ними всеми доктор проводил эксперименты, я их расспрашивал ещё до случившегося. Сначала они сильно побледнели, как трупы, и двигались очень-очень медленно. Они постоянно испытывали слабость и хотели спать. А в одно утро эти дети бесследно исчезли. Вывод о том, что они умерли, я сделал на основе тайных наблюдений за Гемилионом.

Как-то ночью я подглядел, как доктор оставлял их тела, завернутые в простыни, в отсеке для выхода в открытый космос. Потом он сам выходил оттуда и открывал внешний шлюз. Тела детей пропадали за бортом.

Я очень переживал, что мы с Валекианом можем стать следующими жертвами экспериментов, поэтому всё ему рассказал. Он очень расстроился. Мы стали думать над планом побега. Всё портили злосчастные ошейники, которые нельзя было снять! Мы не смирились, и ещё несколько недель обдумывали разные варианты. Хотели даже с помощью моей магии снять их, но не получилось. Видимо, обращение в пепел работает только на животных и растениях.

Некоторые планеты мы посещали по два – три, а то и четыре раза, если они казались доктору безопасными. Поэтому для следующего пополнения припасов Гемилион хотел вернуться на Амаран номер шесть, откуда забрал меня. Об этом он сказал мне лично на ужине, а ещё добавил, что ягоды оттуда были такие вкусные, поэтому велел в этот раз набрать их побольше. При мысли об Амаране во мне просыпалась надежда, но она сразу затухала от осознания: как снять ошейник?

Мы совершили посадку на большом острове Амарана через несколько дней после решения доктора вернуться туда. Я спустился по трапу, вдохнул знакомый воздух и улыбнулся. Потом последовал вместе со всеми в лес для сбора еды и воды. Весь день я рвал ягоды по наставлению доктора и нарвал пять огромных корзинок. На следующий день тоже самое. Только в третий день я помогал со сбором воды, пока Гемилион не отправил всех детей обратно на корабль. Он оставил шлюзы закрытыми, и сказал, что уйдёт на некоторое время по делам. У меня даже не осталось возможности прогуляться по родной планете!

Пока доктора не было, я пытался пробраться в его лабораторию. Наверно, часа три разбирался с проводами двери. Когда у меня ничего не получилось, позвал на помощь старшего из детей, Лукаса, который и учил меня электрике. Пришлось ему тоже всё рассказать. Услышав страшную правду, он незамедлительно открыл крышку у стены, под которой прятались провода. Ещё часа два мы вместе пытались понять, что к чему, и, наконец, смогли открыть дверь.

Мы быстро осмотрели лабораторию в поиске хоть чего-нибудь, что нам поможет бежать. Я уже был готов остаться на любой планете, если смогу снять ошейник. В кабинете я нашёл маленькую отвертку, которая как раз подходила к заглушкам ошейника, и забрал её. Мой взгляд упал на записи доктора, на столе валялось множество исписанных листов. Я мельком их просмотрел и на одном обнаружил своё имя в заголовке. На листке и его обороте было множество цифр и непонятных данных, а в самом конце обведённое в кружок слово – «Гиронимус?». Я не понял, что это значит.

Лукас нашёл ещё маленький нож. Больше ничего полезного. Мы вернули все вещи на прежние места, починили и закрыли дверь, хорошо спрятав повреждённые провода среди прочих. Нам ничего не оставалось, как разойтись по каютам, так как доктор мог вернуться в любой момент. Я спрятал отвертку в комод и сам не заметил, как уснул.

Гемилион вернулся только после обеда. Я услышал, как шлюзы открываются и закрываются, пока чинил лампу в коридоре. Мне было грустно прощаться с родной планетой. Один из младших детей подбежал ко мне и сказал, что доктор меня зовёт. Я не спеша отправился в начало корабля к шлюзам. Гемилион стоял в окружении пятерых детей разного возраста. Одна девочка с белокурыми волосами в зелёной накидке стояла ко мне спиной. «Так похожа на Элиз! Должно быть, мне кажется. Не может быть! Лишь бы только не она!» – думал я, направляясь в их сторону.

– Маркус, иди сюда, – подозвал меня доктор.

Я приблизился, и мои опасения подтвердились, это всё-таки была она! Грязная старая одежда, лицо испачкано сажей. Но, точно, это она. Глазами, полными отчаяния, подруга моего детства смотрела на всё происходящее. А я не мог на неё насмотреться. Элиз выросла больше за эти годы. Она стала выше. Словно прошло больше двух лет.

– Вы знакомы? – спросил меня доктор.

– Да, – уверенно ответил я.

Только тогда Элиз подняла глаза, посмотрела на меня и тихо спросила:

– Маркус? Это, правда, ты?

– Это я! – ответил я на языке Амарана, а затем подошёл к ней ближе и крепко обнял.

Элиз расплакалась, сжимая мои плечи.

– Четыре года тебя не было, – её слезы ручьями стекали по щекам.

Год на Амаране был больше стандартного всего на два дня.

– Но прошло всего два, – удивился я.

– Корабль оснащён квантовым двигателем седьмого класса, который позволяет двигаться быстрее скорости света. Когда он работает, время на борту идёт медленнее, чем снаружи, – объяснил Гемилион. – Поэтому для девочки прошло четыре объективных года, а для тебя, Маркус, всего два – по корабельному времени.

Доктор рассудил, раз мы с Элиз знакомы, мне следует помочь ей освоиться, и я охотно согласился. Гемилион определил её и ещё одну девочку в каюту номер семнадцать. Я проводил их, выдал новую одежду и сопровождал в душ, но не смел заходить в комнату для девочек.

Элиз всё время плакала и ничего не говорила, видимо, у неё не было сил задавать вопросы. Я помог ей пережить взлёт, чтобы она не пугалась. Но она всё рыдала так, что её слёзы плавали маленькими шарами в невесомости.

К ужину Элиз успокоилась, и я познакомил её с Валекианом. Она была так расстроена, что не могла есть.

– Элиз, что случилось? Почему ты согласилась пойти с доктором? – тихо спросил я за ужином.

– Он сказал, что тут нас никто не убьёт, что у каждого будет своя кровать...

– Раньше всё было хорошо. Где же твои родители? – я удивленно смотрел на неё.

– Их больше нет, – она снова расплакалась. – Через год после твоего исчезновения началась война с пиратством.

– А Эдвор жив? – я протянул ей платок, чтобы она вытерла слёзы.

– Да. Я помню, когда пришла к нему после возвращения «Анн-Мей», чтобы повидать тебя, он будто состарился за это плавание лет на десять и уже с утра был пьян. С трудом мне удалось узнать у него, что ты исчез в каком-то порту, и тебя искали две недели. Эдвор заставил каждого человека искать тебя, они прошли остров вдоль и поперёк несколько раз, но ни единого следа не нашли. И теперь я понимаю, почему. Думаю, ты был ему очень дорог. Он сказал, что не теряет надежды тебя найти. Когда начался разгром, Эдвор был в плавании, поэтому, наверное, ещё жив, – рассказывала Элиз сквозь слёзы.

– Я не знаю, стоит ли жалеть, что я ушёл от него. В плавании мне приходилось делать страшные вещи, – я опустил глаза.

– Через полтора года после моей последней встречи с Эдвором, к нашим островам пришли большие военные галеоны и куча солдат. Они разгромили все пиратские поселения. Мои родители отбивались, как могли, дав мне возможность сбежать в лес. Там мы и прятались с другими выжившими, уже не знаю, сколько времени, пока нас не нашёл доктор.

– Если всё закончилось, то почему вы так долго прятались?

– Эти солдаты не успокоятся, пока не убьют последнего пирата. Как я понимаю, такой у них приказ. Они иногда прочёсывают лес в поиске выживших. Мы сначала приняли доктора за врага и чуть не убили. Он успел объясниться, и мы решили, что безопаснее всего пойти на его корабль. Но мы не ожидали, что его судно настолько диковинное и летает выше облаков.

– Я уверен, что пиратство победит, – сказал я, взяв Элиз за руку.

– Мы уже этого не узнаем, – включился в разговор Валекиан.

– И то верно, – я тяжело вздохнул.

После ужина Элиз успокоилась, и я рассказал ей всё, что успел узнать за время пребывания на корабле. Не стал только пока пугать экспериментами доктора и заставлять учить общий язык. Теперь, когда она тут, я точно должен найти способ сбежать!

Во время обходов корабля вместе с Лукасом мы снова думали, как безопасно снять ошейник. Было решено, что с помощью украденной отвёртки можно посмотреть, какие там провода, и попытаться отключить взрыватель. Сделать это нужно было в комнате с инвентарём, подальше от чужих глаз.

Сразу после завтрака мы отправились в инвентарную, а вот Элиз и всех новоприбывших забрал доктор. Как же я надеялся, что он ничего с ней не сделает!

Нам несказанно повезло, что доктор не разместил камеры по всему кораблю. Система видеонаблюдения была подключена только в рубке и каюте самого Гемилиона.

Лукас сначала пытался открутить болт на моём ошейнике, но ничего не получилось, болт слишком туго сидел. Тогда мы поменялись. На его ошейнике я с лёгкостью открутил четыре болта и открыл небольшое отверстие с проводами.

– Что ты видишь? – нервно спросил Лукас.

– Тут всего два провода: красный и зелёный.

– Это значит, – спешно пояснил он, – что один отвечает за питание, а другой за детонатор. Если перерезать провод питания, то детонатор не сработает.

– Откуда ты это знаешь?

– Мой отец обезвреживал бомбы. Но и подорвался на одной из них...

Пот стекал по лицу Лукаса ручьём.

– И какой провод надо перерезать?

– Красный! – мгновенно ответил он.

– Ты уверен? А что, если это неправильный?

– Тогда мы оба умрём! – сдавленно крикнул Лукас.

– Я не хочу умирать! – возразил я, думая уже оставить эту идею.

– Никто не хочет умирать, но и жить так я тоже не хочу. Предлагаю рискнуть!

– Надеюсь, ты прав, и красный провод верный, – говорил я, кусая губы.

– Уверен, всегда нужно резать красный, я уже это не раз делал! Не будь ребёнком! – прикрикнул на меня Лукас.

– Хорошо, хорошо, я сделаю!

– Так, давай на счёт «три»! – Лукас протянул мне кусачки для проводов.

Мы медленно считали вместе. «Раз», – и я взял кусачки из его руки. «Два», – и я захватил кусачками красный провод. «Три», – и щелчок. Провод перерезан.

Огонёк на ошейнике стал мигать всё быстрее, и запищал детонатор. Лукас оцепенел в ужасе, а я резко отбежал от него на пару шагов. Через секунду раздался взрыв. Меня отбросило к стене, было очень горячо, я упал на пол, ощутил дикую боль и потерял сознание. Комнату охватил огонь, отчего включилась сирена, от звука которой я и пришёл в себя.

Тело моего товарища разметало по всей комнате. Моя одежда сторела, я был весь чёрный, в саже, на мне остались кусочки обгоревшего тела Лукаса. Но огонь не мог ранить моей кожи. В голове отдавался звон после удара, и я понимал, что необходимо выйти из комнаты, иначе я умру, если не от огня, так от угарного газа точно! Перед глазами всё расплывалось. Кругом – пламя и дым. Я кое-как доковылял до двери. Её заело. Кнопка открытия не срабатывала, я стал стучать в дверь и звать на помощь, но никто не откликнулся. Сирена заглушала мой голос. Тогда в дыму я разглядел у двери короб, отвечающий за питание. Еле-еле я смог открыть его, но провода в моих глазах сливались в один комок. Я сообразил, что нужны кусачки, прошёл пару шагов в огне, стараясь не дышать, и вот нашёл одни с расплавленной ручкой. Я взял их, – как же горячо, словно кожу на руках разъедает! Но выбора не было. Я вернулся к двери.

Сирена замолкла, и за дверью были слышны голоса доктора и детей. Они пытались освободить меня. Я молча стал высматривать нужный провод, мы с Лукасом уже находили его, когда вламывались в лабораторию. Всё расплывалось перед глазами, но я не сдавался, и через пару минут смог отличить нужный провод. К тому моменту, как я его перерезал, ручка кусачек застыла в моей коже. И, наконец-то дверь открылась!

Из комнаты, наполненной огнём, я вышел почти невредимый. На мне остался один ошейник, который расплавился от огня и прикипел к коже. Я держался за голову, которая жутко болела. Доктор ошарашенно смотрел на меня, как только я показался из-за двери.

– Маркус! Что случилось? – вскричал он.

– Лукас... хотел снять ошейник... – пробормотал я, пытаюсь отдышаться на нормальном воздухе, и почти свалился с ног, но доктор вовремя подхватил меня.

Гемилион велел детям потушить огонь, снял с себя белый пиджак и накинул его мне на плечи. Потом он медленно проводил меня в душевую, где помог отмыться от гари и обгорелой плоти друга. Сам я был не в состоянии даже нормально стоять. Гемилион одел меня в новые штаны, также не спеша отвёл в каюту, уложил в постель и накрыл одеялом. «А с рукой мы завтра разберёмся», – сказал он, рассматривая припавшие к моей ладони кусачки. Мне было очень плохо, и я сразу же отключился.

Утром следующего дня звонок на завтрак меня не разбудил, я проснулся после обеда. Состояние было вялое, жутко болела голова. Валекиан сидел рядом.

– А я уж думал ты не проснёшься! – тревожно сказал он.

– Почему же так плохо? – пробормотал я, держась руками за голову.

– Может, потому что ты выжил после взрыва. Скажи мне, как? На тебе ни единого ожога!

– Не знаю, – я ничего не соображал, очень мешались кусачки, которые уже стали частью моей правой руки.

– Доктор велел отвести тебя к нему, как проснёшься. Ты готов?

– Да, – я тяжело вздохнул.

Путь по коридору был мучителен, я только и повторял про себя: «Когда же это всё закончится?». Мы шли медленно, меня шатало от бессилия. Друг придерживал меня за плечи. Он постучался в дверь лаборатории, и Гемилион встретил нас. Доктор велел Валекиану возвращаться в каюту и помог мне дойти до кушетки.

Казалось, вся моя спина – это один большой синяк, и я аккуратно присел. Гемилион придвинул стул и сел рядом со мной.

– Ты помнишь, что вчера произошло? – спросил старик, пристально глядя на меня.

– Отчасти, – я снова взялся за голову.

– Почему Лукас хотел снять ошейник?

– Он был самым старшим из нас, поэтому боялся, что скоро пропадёт, – честно ответил я.

– Ты знаешь, что именно, он сделал?

– Нет, он велел отойти, а я собирался выходить из комнаты, когда всё случилось, – я ещё крепче схватился за голову и говорил, изнывая от боли.

– У тебя может быть сотрясение мозга, мне нужно посмотреть. Ложись на кушетку.

Доктор присоединил к моей голове четыре провода, и минут десять что-то анализировал на приборах.

– Да, всё, как я и думал. Несколько дней покоя, и это пройдет. Пока поставлю тебе обезболивающий укол, – он снял провода с моей головы.

– Нет! – громко возразил я, насколько было сил. – Не надо никаких уколов!

– Маркус, иначе твоя голова будет болеть ещё долго. И только под действием обезболивающего я смогу снять расплавленный ошейник и кусачки.

– Я вам не верю!

– Что случилось? Я никогда не обращался с тобой плохо, – недоумевал старик.

– От ваших уколов умирают другие дети! – в отчаянии поспешно говорил я. – Я же не слепой!

Доктор замолчал и задумался. Он встал и ходил по лаборатории, то и дело потирая очки. Я вертелся на кушетке, боль не давала ровно лежать. Гемилион подошёл ко мне и спросил:

– Хочешь я расскажу тебе о тех уколах? Если ты позволишь потом поставить тебе обезболивающее

– Давайте, – еле ворочая языком, согласился я.

– Я хотел сделать тех детей особенными, почти как ты. Я вколол им сыворотку на основе твоей крови, и, честно, я был уверен в успехе, – последние слова он произнёс надорванным голосом.

– Но вы повторите этот опыт снова.

– Да, но тебе нет смысла бояться своей же крови, – старик усмехнулся. – Я надеюсь сделать её безопасной для остальных.

– Почему вы не спросите у детей: хотят ли они стать такими же, как я? – возмущённо закричал я.

– Я всегда говорю с детьми, когда спасаю их. Они в курсе, что пути назад нет. Тоже самое я говорил и тебе на Амаране.

– Вы спасаете детей, чтобы сделать из них подопытных! – от злости я почти во весь голос кричал.

– Я даю им лучшую жизнь! Да если бы не я, они бы умерли уже давно в том аду, что творится на их планетах! – в сердцах вскричал Гемилион, достал автоматический шприц, и по нажатию кнопки в него набралось содержимое из ампулы. – Ты готов?

– Да, – ответил я с недоверием, но ради избавления от боли уже готов был рискнуть.

– Боль пройдёт в течении пяти минут, ты будешь в сознании, так что мы всё сделаем вместе.

Я почувствовал облегчение уже через пару минут после укола и смог присесть. Гемилион приложил свою карточку от двери к ошейнику, предварительно набрав на ней какой-то код, и тот раскрылся на три части, но всё ещё соединялся с моей кожей.

Старик взял обычный скальпель и стал срезать прибор с моей шеи. Больно не было, только кровь полилась и залила верх белой рубахи, что была на мне, как и обычно. Потом доктор смочил бинты в голубой жидкости и обмотал мою шею. Я почувствовал легкую прохладу, и кровь больше не текла. С правой рукой он проделал тоже самое. С неё содралась почти вся кожа, так что я мог разглядеть мышцы ладони. Гемилион достал что-то из холодильника и объяснил, что положит на рану специальную биологическую плёнку, из которой потом восстановится моя кожа. Он вырезал два нужных лоскутка, один из которых приклеил к шее, а другой – к ладони.

Доктор сказал, что наденет мне новый ошейник через пару недель, когда я обрасту своей кожей, и добавил, чтобы я никому не смел рассказывать про его исследования, иначе ему придётся выкачать всю мою кровь до капли и сбросить тело в открытый космос. Я испугался его безумных глаз и обещал молчать. После моего согласия, он наложил бинты на шею и руку.

До каюты я уже смог дойти сам. Валекиан с нетерпением ждал меня. Мы сели на кровать, и он стал расспрашивать:

– Что с тобой делал доктор? Он сам снял с тебя ошейник? – сосед показал на мою шею.

– Обработал раны и убрал боль. Он сказал, что новый ошейник наденет потом. Но это не важно, – я выдержал паузу. – Мы должны избавиться от доктора, чтобы он больше никому не навредил.

– Но как?! Мы же все закончим, как Лукас, с этим ошейником! – он с силой всплеснул руками.

– Зелёный провод!

– Что? Какой ещё провод? – Валекиан смотрел на меня, как на сумасшедшего.

– Лукас сказал резать красный провод в его ошейнике, и это не сработало. Значит, мы обрежем зелёный, – чётко и уверенно ответил я.

– Ты предлагаешь деактивировать ошейники всем детям так, чтобы доктор этого не заметил? – сосед всё ещё смотрел на меня выпученными глазами.

– Да, мы выберем нужное время и сообщим всем заранее. Нужно будет сделать всё тихо и после отбоя.

– А как ты собрался убрать доктора? Кто тогда будет управлять кораблём? Я не хочу умирать тут от голода! – возразил Валекиан, нахмутив брови.

– Об этом я ещё не думал. А кто сейчас управляет?

– Доктор сам настраивает курс. Ему иногда помогает в рубке Куагон с планеты Милитра.

– Значит, мы всё у него и выясним!

Я был твёрдо уверен в своём намерении, хотя и обещал себе больше никого не убивать. Воспоминания об убитых людях часто приходили ко мне по ночам. И там я делал это снова и снова. Каждый раз оцепенев от ужаса. Но убитые мной капитаны не сделали мне ничего плохого, а доктор безжалостно обрекает невинных детей на смерть! Как позволить оставить в живых человека, на чьей совести десятки, а может, и сотни детских жизней? Конечно, его исследования могли привести к успеху, и он смог бы помогать людям. Но зачем им это такой ценой?

Несколько жизней ничего не стоят в масштабах Вселенной, и ты никогда об этом не задумаешься, только вот если ты сам или твои близкие к ним не относятся.

По пути на завтрак следующего дня мы обнаружили, что подлетаем к совсем необычной планете. Дети выстроились в ряд у иллюминатора и разглядывали её. Впереди нас была сотня других космических кораблей и все разные. Одни напоминали животных, типа кальмара или кита, другие имели форму круглой горы, как наш корабль. Они были разных размеров: от мелких орбитальных катеров до огромных межзвёздных лайнеров. Множество рядов космических кораблей стремились к планете, а какие-то улетали от неё.

У планеты не наблюдалось облаков, поэтому можно было разглядеть множество огней. Материков я тоже не заметил, словно она единый серый город, куда хочет попасть весь народ с кораблей. Суда пересекали голубое защитное поле вокруг планеты, оно раскрывалось большими окнами при их приближении.

Доктор нас заметил и тоже подошёл к иллюминатору. Стоя за спинами детей, он громко объявил:

– Мы должны свершить посадку на планете Домирон. После взрыва некоторые отсеки корабля повредились, и мы встанем там на ремонт. Выходить буду только я, и некоторым людям придётся зайти к нам для ремонта помещений. Вы не должны выходить из своих кают, пока здесь будут находиться рабочие. Запас еды и воды вам будут выдавать в столовой на завтрак каждый день, выходить можно будет после звонка вечером. Если кто-то выйдет днём, будет дежурить в туалетах до конца года! Всем понятно?

Дети, в том числе и я, молча кивали головами. Гемилион с улыбкой добавил:

– Замечательно. Мы прибудем на Домирон ближе к вечеру, поскольку здесь нужно соблюдать минимальный скоростной режим из-за пробок. Это значит, что после обеда вы все должны сидеть по каютам, не обязательно в своих, но так, чтобы я не видел, как вы ходите туда-сюда. Если пошли к друзьям с утра, то сидите там до вечера.

Дети снова закивали.

После объявления доктора все пошли на завтрак. Мы с Валекианом сразу нашли, где сидит Куагон, и спешно подсели к нему. Он был чуть старше нас. Рослый темнокожий парнишка выделялся на фоне множества бледнолицых детей. На его лице непропорционально совмещались пухлые губы и небольшой нос.

Мой сосед наклонился к нему и шёпотом спросил:

– Куагон, ты умеешь управлять кораблём?

– Умею, а тебе зачем? – Куагон недовольно нахмурил брови.

– Приходи после обеда в нашу каюту, и мы всё расскажем.

– Вы мне не нравитесь, ребята. Но я приду. Всё равно делать нечего, – ответил Валекиану парень, продолжая есть.

На обеде я уже сидели вместе с Элиз и также позвал её в свою каюту после того, как мы набрали еды. Она поблагодарила за приглашение и обещала прийти. Прошло чуть меньше недели с момента её прибытия на «Гемиль», и она по-прежнему не задавала почти никаких вопросов. Было видно, что грустить Элиз стала значительно меньше.

Мы собрались в каюте вчетвером и дождались посадки корабля. «Гемиль» сильно трясло при входе в атмосферу, но несмотря на это, приземлились мы достаточно гладко.

Вскоре раздался звук открытия шлюзов, что значило: доктор ушёл. Мы с Валекианом разделились: он рассказывал Куагону на общем языке, а я Элиз на амаранском. Мы поведали им о том, куда пропадают дети и об экспериментах доктора, затем рассказали наш план. Я утаил то, что сыворотку он делает из моей крови, чтобы ребята не отвернулись от меня и не сочли опасным. Мне крайне не хотелось повторения последствий «фокуса с лягушкой», а это было ещё жёстче, ведь умирали люди отчасти по моей вине.

Куагон заверил нас, что, если я сниму с него ошейник и устраню доктора, он сможет вывести детей по домам, или куда они сами захотят. Он сотни раз видел, как Гемилион управляет кораблём, и заверил, что это «проще простого», нужно только знать координаты конечной точки маршрута. Каждое наше приземление записывалось в бортовом журнале, который всегда лежал в рубке.

Элиз согласилась бежать только вместе со мной и только не на Амаран. Там у неё не оставалось больше ничего, кроме ужасающих воспоминаний. Я обещал ей, что мы сможем выбрать любую понравившуюся планету. Вчетвером мы решили, что каждый день будем приглашать других двоих – троих ребят, чтобы рассказать наш план и договориться. Мы сможем осуществить план, только если ошейники будут сняты со всех.

Когда мне удавалось посмотреть в иллюминатор, из него виднелась лишь серая стена, людей было не видно. «Гемиль» простоял на ремонте в Домироне почти две стандартных недели, и за это время мы с Валекианом успели договориться со всеми. Каждое утро мы звали в каюту нескольких ребят. Возражения, конечно, были у половины ребят, они не хотели возвращаться на свои планеты. Но умирать от экспериментов доктора тоже никто не хотел, и мне пришлось пообещать, что они смогут сами выбрать планету для новой жизни.

Мы взлетели с Домирона с обновлениями в устройстве корабля. Доктор решил добавить одну капсулу эвакуации для его же безопасности. Нам он строго-настрого запретил подходить к ней. Инвентарную комнату снабдили цифровым замком, и туда теперь тоже запрещалось заходить без разрешения. Ещё пару дней мы скитались по открытым просторам космоса, и я всё думал, как же избавиться от Гемилиона.

Он снова стал вызывать к себе детей после завтрака. Они говорили, что он готовит их к какому-то исследованию, и они боялись, но обещали не подавать виду перед ним. В один день он позвал и меня.

Гемилион осмотрел мои раны и сказал, что они почти зажили, значит, через пару дней можно будет надеть ошейник. Я в ответ кивнул, а сам подумал, что надо действовать быстрее. Доктор перевязал меня новыми бинтами, а затем посадил для взятия крови на кушетку. Он забрал так много, что я почувствовал сильную слабость. У меня кружилась голова, поэтому он лично отвёл меня до каюты. Обдумывать план не осталось сил, я мгновенно уснул и проспал так до ужина.

После последнего приёма пищи мы с Валекианом думали, как же обезвредить доктора. Поскольку он значительно больше каждого из нас, мы сначала хотели подговорить пять старших мальчишек, и всем вместе наброситься на него в лаборатории. Но нет, нужно идти уже без ошейников, а незаметно днём это не сделать. Ночью он спал в своей каюте, вход в которую осуществлялся только по паролю. А раскодировать дверь без лишнего шума у нас точно не получилось бы. И тут меня осенило! Если дети умирали от сыворотки, сделанной из моей крови, то что будет если доктору ввести мою кровь?

Старый вариант сыворотки мне точно не получилось бы достать, а от новой он мог не умереть. Я не стал обсуждать этот вариант с Валекианом, а только сказал, что мне нужно проверить одну теорию. В моём сознании снова всплыла картина «фокуса с жабой», и последствия осознавались чётко. Друг мог испугаться, чего я опасался больше всего.

Доктор всегда испытывал свои препараты сначала на мышах разных видов. Мыши находились в отдельной комнате, за ними ухаживала девочка по имени Сарин, самая младшая из нас, ей было около семи стандартных лет. За завтраком я подсел к ней и попросился сходить с ней к мышам во время её дежурства. Она удивилась, но после объяснения, что это нужно для прекращения исследований, она согласилась.

Я пришёл к Сарин после обеда, когда было время кормёжки животных. Она насыпала им корма, меняла воду в автоматических поилках. Пришлось попросить девочку посторожить у двери, чтобы она сама не увидела, что я делаю. Мне попала на глаза клетка с самой большой мышью, уплетавшей корм. Несколько дней назад, я стащил из столовой маленький нож и прятал его за резинкой штанов. Сделав себе небольшой надрез на пальце и отодвинув защёлку на дверце клетки, я со скрипом открыл её, и протянул руку с порезом внутрь. Несколько капель моей крови упали на гранулы мышиной еды. Я убрал оттуда руку и быстро закрыл клетку. Кровь на пальце свернулась за считанные секунды и больше не текла. Оставалось только наблюдать.

Мышь поела все гранулы подряд и очень быстро дошла до политых кровью. Она их съела, как ни в чём ни бывало, и продолжила с остальными. Я уже подумал, что глупее идеи придумать не мог, и пронаблюдав ещё, разочарованно пошёл к Сарин. Мы уже выходили из комнаты, как мышь резко завизжала. Я бросился к ней, чуть не забыв закрыть дверь. Мышь визжала, перевернувшись на спинку. Из рта у неё потекла красная пена, она побрыкалась немного и умерла. Я радостно вскрикнул:

– Сработало!

– Что ты ей дал? – спросила Сарин, дёрнув меня за край рубахи.

– То, что убьёт доктора, – уверенно ответил я.

– А если доктор захочет проверить от чего умерла мышь? – Сарин смотрела на меня большими умными глазами.

– Об этом я не подумал...

Я стал перебирать в голове варианты, куда деть труп грызуна.

– Может, засунем её в измельчитель отходов на кухне? – предложила девочка.

– А ты умнее, чем семилетка, – я похлопал её по плечу и одобительно улыбнулся.

Сарин сияла от гордости за свою идею. Мы сунули мышь в пакет, чтобы нигде не оставить крови, и быстро прокрались по коридору в столовую, где как раз убирались дежурные. Одному из них пришлось объяснить проблему с отравленной мышью. И мальчик брезгливо забрал у нас пакет и отнёс в измельчитель.

Этим же вечером я рассказал Валекиану про гениальный план решения нашей проблемы. Снова опасаясь последствий правды, пришлось соврать, что нашёл яд в подсобных помещениях корабля и немного припрятал. Мы долго думали, как его использовать.

Валекиан предложил подсыпать в еду, если особого привкуса не будет. А есть ли привкус у моей крови? Ответа на этот вопрос я не знал, но предполагал, что если это будет мясо с кровью, то он может и не заметить. Гемилион примерно раз в месяц баловал себя такими стейками, а их тоже готовили дети. Для него делали отдельную еду, получше, чем давали нам. Но как во время такого ужина снять со всех ошейники, чтобы он не успел никого убить?

За завтраком следующего дня я нашёл Катрин, которая каждый день готовила еду только для доктора. Больше никому он не доверял столь важную работу: безопасность всегда находилась на первом месте для Гемилиона. Но он и не подозревал, – доверие детей давно утрачено. Катрин шёпотом рассказала, что доктор ужинает ещё раз перед сном, и она лично приносит

ему еду каждый вечер. Обычно он ест в это время не мясо с кровью, а лёгкие смузи из овощей, иногда немного ягод или фруктов.

– А существует смузи красного или розового цвета? – поинтересовался я.

– Да, из листьев маракских томатов и лепестков цверии, – подумав, ответила Катрин.

– Когда ты будешь делать ему такой? Какой он на вкус?

– Сладковатый. У доктора нет чёткого расписания, поэтому я делаю любой, главное, чтоб не повторялись каждый день.

– А ты сможешь сделать его завтра и добавить то, что я тебе принесу?

Я глядел прямо в глаза девочке, которая была старше меня на пару стандартных лет.

– А если он заметит, что с напитком что-то не так? Он же убьёт меня! – шептала она, а в глазах читался ужас.

– Не заметит. – твёрдо сказал я. – Если что, я буду стоять рядом и сразу сниму с тебя ошейник!

– Хорошо, – неуверенно ответила испуганная девочка, но видимо понимала, что это наш единственный шанс.

После завтрака я нашёл Валекиана за уборкой в коридоре и прошептал на ухо: «Действуем завтра после ужина, оповести всех, чтобы пришли снять ошейники». Дети находили друг друга и перешептывались вплоть до ужина следующего дня. Они ходили воодушевлённые появившейся надеждой на освобождение.

После ужина я пошёл в комнату для мальчиков и закрылся в уборной. Я разрезал левую ладонь тем же маленьким ножом и сжал кулак, поставив под руку небольшую ёмкость, которую мне выдавали для анализов. Мои расчеты были таковы: чтобы убить человека, нужно в двадцать раз больше капель, чем для мыши. Рана затягивалась раньше, чем набиралось нужное количество, и я резал ладонь снова и снова. Минут через десять мне удалось набрать примерно сорок миллилитров, что равнялось половине ёмкости. Кровь была густая и тёмная. Выйдя из уборной, я тщательно смыл кровь с руки в умывальнике. Моя регенерация работала хорошо, и рана больше не кровоточила. Я мог не бояться оставить следы на белой одежде.

Ёмкость с кровью удалось спрятать за резинкой штанов сзади, рядом с ножиком. После этих манипуляций я направился в каюту к Катрин. Она сразу открыла мне дверь, как только я постучал. Я передал ей ёмкость со своей кровью.

– Что это? – спросила она, хмурясь и разглядывая баночку.

– Это яд, я смешал кое-что, – ответил я почти шёпотом, держа порезанную руку за спиной.

– Смузи получится более насыщенного красного цвета, чем обычно, – говорила она с опаской.

– Скажи, что розовых лепестков было мало, и ты добавила больше томатов, – я пожал плечами.

– Попробую. Ты бы знал, как мне страшно! – её глаза говорили о том же самом: глубокий, ни с чем не сравнимый страх, скрывать который не осталось сил.

– Я буду рядом, и, если что, у меня припрятан ножик. Мы убьём его в любом случае, как только он выйдет из своей каюты.

– Хорошо, а теперь тебе пора идти, я выйду на кухню чуть позже.

Я быстро вернулся в свою каюту и достал из комода две отвертки, которыми можно был открутить болтики на ошейниках, и двое кусачек для проводков. Всё это я взял уже из новых наборов для электрика, которые доктор принёс с Домирона. Первым делом я хотел снять ошейник Валекиана, но мой сосед безумно нервничал. Я старался его успокоить и делать все очень быстро.

– Всё получится, обещаю! – говорил я, глотая слова.

– Лукас тебе также говорил! – возразил Валекиан, тяжело дыша.

– Доверься мне, Валекиан, прошу! – я протянул ему свою руку.

– Хорошо, – неуверенно ответил он.

Валекиан ни на шутку разнервничался. Он повернулся ко мне спиной и присел, а с головы его уже ручьём стекал пот. Буквально минута ушла у меня на то, чтобы выкрутить болты, открыть отсек с проводками и перерезать зелёный. Ошейник раскрылся на три части, и упал на пол, лампочка на нём погасла. Мой сосед тяжело выдохнул и застыл на мгновение. А после радости Валекиана не было предела, он обнимал меня, наверно, ещё минут пять, пока к нам не постучались.

Дети постепенно подходили по очереди, как мы и договорились с ними заранее, и я снимал ошейники с каждого. Ребята переживали не меньше моего соседа, но видя его без ошейника, сразу успокаивались. Первые пять я снял сам, а с остальными мне помогал Валекиан. Часа за два мы дезактивировали все ошейники, кроме того, что был на Катрин. Элиз подошла одной из последних, и её «украшение» я снимал дольше, с особым трепетом.

Близилось время к отбою, и я направился к каюте доктора, чтобы проследить за Катрин. Мне удалось спрятаться неподалёку от неё за углом, я наблюдал со стороны. Ровно ко времени Катрин подошла к каюте с подносом, на котором находился красно-розовый смузи и тарелка с фиолетовыми ягодами. Она переложила поднос в одну руку и постучалась в дверь. Через пару секунд он открыл, и девочка вошла. Ещё через минуту она вышла с одним только подносом, но большими от страха глазами, и быстрым шагом направилась ко мне. Отвертка и кусачки уже были заготовлены, поэтому я быстро снял с неё ошейник, и она убежала по коридору к остальным детям, не сказав ни слова.

Я наблюдал за каютой, было тихо. Где-то полчаса оттуда не было слышно никаких звуков, и я уже думал, что не сработало, и стал разрабатывать план убийства ножом. Но неожиданно дверь открылась, и появился доктор. Он был явно дезориентирован и шёл по коридору, как пьяный пират, в обратную сторону от меня. Должно быть, Гемилион направлялся в лабораторию, но сделав ещё несколько шагов, упал, держась за сердце. Тогда я и подбежал к нему, испытывая облегчение на душе.

– Маркус, у меня, видно, инфаркт, помоги дойти до лаборатории, – он бормотал мне, протягивая руку, чтобы я помог ему встать.

– Нет!

– Если я умру, ошейники остальных детей активируются. Ты убьёшь не только меня, но и их тоже, – он упал на пол, корчась от боли.

– Нет! Больше вы не будете ставить над нами эксперименты! – с такой злостью я ещё никому не возражал.

– Я обещаю... Я отпущу всех... только помоги... – его глаза наполнились кровью, и он захрипел. – Пожалуйста... Без меня и ты пропадёшь...

В его глотке послышалось бульканье крови.

– Ошейники сняты, кораблём управлять мы умеем. Вы не нужны нам, доктор! Я даже не буду облегчать вашу смерть.

– Ты никогда не узнаешь, кто ты... – на его лице показалась усмешка, а изо рта уже шла кровавая пена.

– Вы что-то знаете о моих родителях? – я резко наклонился и потряс его за плечи, но доктор больше не мог говорить, мучаясь в судорогах.

Я с брезгливостью смотрел, как он умирает и молчал, но мне не было его жаль. Это убийство не было похоже на те, что меня заставлял совершать Эдвор. В этот раз без слёз и истерик я ощущал свою полноправную силу. Мою душу уже не терзал непреодолимый ужас, скорее, наоборот: я испытывал облегчение. Но разумом я всё же надеялся, что эта смерть на моей совести будет последней. Искра в моей душе разгорелась, и тепло пролилось по всему

телу. Я не знал, что это. Искра не боялась причинить боль другим, а другая – разумная часть меня – страшилась происходящего.

Я оттащил тело доктора к шлюзам для выхода в космос, и сделал с ним тоже самое, что он делал с мёртвыми детьми. Через несколько минут его тело скрылось в пустоте тёмной бездны.

Там, вдалеке, виднелась красивая голубая планета. На несколько мгновений я забыл обо всём, разглядывая её. Такую крошечную, но непревзойдённо красивую. Через пару минут я уже побежал к остальным детям, с криками: «Получилось! У нас получилось!». Все проблемы померкли, и я, наконец-то, открылся истинному счастью быть свободным! Давно я так не радовался.

Дети услышали мои крики и вышли из своих кают. Они стали по очереди обнимать меня. Элиз, казалось, прижимала меня к себе крепче, чем все стальные, и благодарила за храбрость. – Теперь мы свободны! – прокричал я.

На что освобождённые хором кричали: «Свобода!», и так несколько раз, пока один из детей не спросил с недоумением:

– Что мы теперь будем делать?

Я на секунду задумался и сообразил, что нам нужно узнать курс корабля. Мы с несколькими ребятами побежали в рубку для прокладывания нового курса. А другие остались в столовой праздновать.

Куагон сел в кресло штурмана и стал нажимать нужные кнопки на сенсорной панели. Я встал рядом и наблюдал. Он долго смотрел на мониторы и сверял данные с бортовым журналом.

– До Амарана лететь два месяца, – сказал он, наконец, развернувшись ко мне.

– Нам не нужно на Амаран. Какая ближайшая планета? –я облокотился на кресло и посмотрел в монитор.

– Земля. А почему ты не хочешь обратно? – Куагон слегка нахмурился.

– Элиз не хочет туда, и мне там тоже делать нечего. Меня там ждёт участь пирата, убивающего всех подряд. И то, если выживем и найдем знакомых...

– Да, это так себе счастье... Я бы хотел прилететь на развитую планету, стать пилотом и узнать, как использовать этот корабль в мирных целях. Он же теперь наш?

– Да, ваш. Но я хочу пожить там, где будет спокойно. В бортовом компьютере есть какие-то данные о Земле?

– Эмм... Сейчас гляну.

Куагон поискал информацию. На экране высветилась карточка планеты:

«Третья по удалённости планета от звезды Солнце, относится к третьему типу (близко ко второму). Большая твердотельная планета Солнечной системы. Площадь поверхности – 510 072 000 км². Земные сутки равны 24 часам, а земной год составляет 365 дней».

Земной год на тридцать пять дней был меньше стандартного, а сутки почти не отличались от тех, по которым мы жили на корабле, а вот про тип планеты я ничего не понял. В карточке было ещё очень много цифр, не дающих никакого понимания о планете, и я попросил Куагона пролистать дальше.

Мы прочитали историю формирования Земли, выяснили, что на ней комфортный для проживания температурный режим и низкая радиация, атмосфера состоит из пригодных для дыхания газов – азота и кислорода. Их соотношение в цифрах было такое же, как у нашего корабля. Все эти данные оказались очень важны, ведь на некоторые планеты мы раньше высаживались в кислородных масках, а на каких-то детям становилось плохо из-за жары. Но люди ко всему приспосабливаются – такой вывод я сделал из всех своих путешествий. Наконец-то, мы дошли до обитателей:

«Население – гуманоиды типа человек. Развита информационные технологии. Основное достижение – интернет. Полёты в космос уже осуществляются. Посадка строго запрещена! Искусственные спутники!».

Последние два предложения на мониторе выделялись большими красными мигающими буквами.

– Мы можем подлететь к ней поближе? – спросил я Куагона.

– Да, но я рисковать не буду, не просто так же предупреждение...

– Хорошо. Посмотреть издали нам никто не запрещает, – я развёл руками.

Мы пролетели вдали от красной планеты – Марса, и Куагон включил режим сливания с окружающей средой. Так наш корабль подошёл ближе к орбите спутника Земли. Подлетев чуть дальше расположения Луны, Куагон сбросил скорость, приостановил двигатель, и я смог насладиться видом из иллюминатора в рубке.

Таких красивых планет я точно ещё не встречал. Она казалось сине-голубой: океаны жидкой воды покрывали большую её часть. На материках не было глубоких кратеров, в отличие от многих обитаемых планет, а континенты казались зелёными. Планету покрывали белые облака, что придавало ей ещё больше загадочности. Где-то внутри облаков были еле заметны огни больших городов на обратной стороне от Солнца.

– Как думаешь, какие люди там живут? – спросил я, не отводя глаз от иллюминатора в рубке.

– Тут этого не написано. Мы в любом случае не сможем сесть на неё, – ответил Куагон. – Полетели обратно? Нужно составить список мест, куда вас всех отвезти.

– Я что-нибудь придумаю, – неожиданно для самого себя объявил я.

– Что? Ты хочешь туда? Нет никакой гарантии, что тебя там сразу не убьют! – наш новый пилот посмотрел на меня с широко открытыми глазами.

– Я ещё точно не решил, – ответил я вполне спокойно. – Есть ещё какие-то сведения?

– Минуточку, – бормотал Куагон, быстро перебирая пальцами на сенсорной панели.

– Я могу зайти позже, если нужно время найти, – я уже собирался покинуть рубку.

– погоди, тут есть несколько литературных произведений людей с Земли, переведённых на общий язык. Ты можешь почитать, если интересно, а я пока поговорю с остальными, куда они хотят.

Куагон вывел на экран одно произведение, освободил мне кресло и пошёл с бортовым журналом к другим детям, которые уже к этому времени радостно разбрелись, кто куда. Я сел в его кресло и долго читал. Так я узнал, что такое стихи, и кто такие поэты. Кроме языкового учебника на корабле, я, вообще, ничего не читал. Авторы указано не было, но стихи сильно отличались друг от друга, вызвали разнообразные чувства и яркие впечатления, даже несмотря на то, что в них что-то пропадало из-за перевода. Люди, которые сочинили их, должно быть, очень чувственные. Земляне проникались невероятным состраданием друг к другу. Большинство из описанных ими чувств, я не испытывал и только мог догадываться, как они прекрасны.

После чтения поэзии Земля стала всё больше манить меня. Очень не хотелось ещё несколько месяцев провести на этом корабле в поисках нужной планеты. А какая она, нужная? Может, как раз эта?

Я решил обсудить планету Земля с Элиз и пошёл искать подругу. К моему удивлению, она стояла у большого иллюминатора возле столовой и не отрывала глаз от бело-голубого шара. Я медленно к ней подошёл, и она, услышав мое приближение, повернулась ко мне и прошептала:

– Я хочу туда...

– Я тоже. Подобных планет я ещё не видел. Она прекрасна, – ответил я, посмотрев на Землю.

– Так давай спустимся туда? – Элиз умоляюще смотрела на меня.

– В бортовом компьютере написано, что посадка запрещена.

– Почему? – спросила она с сожалением.

– Видимо, они не знают о нашем существовании, и их спутники вокруг планеты могут нас засечь. Я так это понял.

– Совсем нет никого способа? – она взяла меня за руку.

– Надо хорошо подумать...

Через пару минут молчаливого рассматривания планеты в иллюминатор меня осенило. Я отпустил руку Элиз, сообщив, что у меня появилась идея, и быстро побежал искать Куагона. Все каюты детей были открыты, и я нашёл его вместе с Катрин, обсуждавшими её планету. Наш новый пилот что-то записывал в бортовой журнал с обратной стороны. Без предупреждения я забежал к ним и крикнул:

– Мы ведь можем спуститься в шлюпке?

Куагон хмуро посмотрел на меня, задумался и вяло ответил:

– Не знаю, надо посмотреть её программу.

Мы пошли к отсеку с небольшой спасательной шлюпкой. Верх и низ её были сделаны из коричневого металла, а стенки из закалённого асбестинского гибрида стекла и графена, способного выдержать, наверное, всё, кроме ядерного удара. Из такого же гибридного стекла делали иллюминаторы на кораблях. Это мне ещё доктор рассказывал неделю назад. По форме шлюпка напоминала шар. Только у этого шарика были ровные пол и потолок, способные вместить двух человек на борту.

Куагон включил маленький сенсорный монитор в стене возле шлюпки. Он внимательно изучил программу, а после заключил:

– Я могу сделать её тоже невидимой, и вас никто не заметит. Нужно сделать так, чтобы вы попали на орбиту земли, но корабль к ней не приближался.

Он был сильно озадачен.

– Она не оснащена квантовым двигателем, как на корабле?

– Двигатель сам по себе больше, чем эта шлюпка, – он усмехнулся и стал дальше тыкать в монитор.

– Как же тогда быть?

– Секунду, – Куагон что-то набирал на мониторе, замолчал и спустя несколько мгновений сказал: – Она оснащена примитивным реактивным двигателем. Удивительно. Я попробую запрограммировать шлюпку, чтобы она сама добралась до орбиты Земли и вошла в атмосферу. Ты действительно так сильно хочешь на эту планету?

– Да. Она восхитительна. Элиз тоже хочет туда, – ответил я с довольной улыбкой.

– Хорошо. Сейчас я всё настрою, а ты пока можешь собираться и звать подругу.

– Спасибо!

Я быстро вернулся к Элиз и радостно прокричал, подбегая к ней:

– Мы летим! Нашёлся способ!

– Правда? – она впервые так радостно улыбнулась.

– Да! – я подошёл к ней поближе.

– А как мы там выживем? – спросила Элиз, видимо, осознав, что забыла самое главное.

– Я что-нибудь придумаю, обещаю! Пойдём скорее! – я снова взял её за руку.

Мы отправились к шлюпке, а по пути я задумался: «И, правда, как нам выжить на незнакомой планете? Может, люди Земли нам помогут? Они должны быть милосердными, если пишут такие красивые стихи».

Я шёл медленно, но Элиз торопила. И, уже почти отказавшись от идеи о Земле, вспомнил о коммуникаторе доктора. К счастью, я забрал его карточку перед тем, как выбросить его тело в космос, и потому отпустил руку подруги и сказал:

– Иди к шлюпке, а я догоню, – и быстро побежал в лабораторию.

В основном помещении коммуникатора не отказалось, и в поисках я открывал все двери. Наконец, в личном кабинете доктора я нашёл нужное устройство в одном из запертых ящиков стола, которые пришлось выламывать. Незамедлительно я вставил коммуникатор в ухо и закрепил его с помощью специальных ушных зажимов.

От предвкушения я чуть было не забыл попрощаться с Валекианом. Большинство детей устроили праздник в столовой. Никогда ещё этот корабль не слышал столько смеха и радостных возгласов.

Мой друг пританцовывал, наливая себе компот из большой миски. Я подошёл к нему и объяснил своё желание лететь на Землю. Это было сложное прощание. Мы обнимали друг друга, как совсем маленькие дети, и я даже пустил слезу. Валекиан выразил надежду увидеться со мной вновь, а я ответил на это с улыбкой:

– Если так уготовано судьбой, то мы ещё увидимся. Надеюсь, при лучших обстоятельствах.

Он пожелал мне удачи на новой планете, и я отправился в путь.

Элиз уже ждала меня возле шлюпки. Куагон показал, как аппарат открывается изнутри, и, как управлять им в случае непредвиденной ситуации. Ещё несколько минут он заканчивал настройки, и сказал, что двигатель активируется автоматически. Шлюпка открылась, и мы зашли на борт. Места хватало только на то, чтобы стоять, кресла не были предусмотрены. Я вручил Куагону карточку доктора.

– Она тебе понадобится. Теперь ты – капитан! – сказал я с улыбкой.

– Спасибо. Ты нам всем очень помог. Желаю вам спокойной жизни на Земле! – он пожал мне руку по традициям своей планеты в знак благодарности.

– Мы будем вспоминать вас. Может, ещё увидимся в лучшей жизни, – тихо сказала ему Элиз.

– Надеюсь, что нет, – он рассмеялся. – Когда я уйду из отсека, шлюпка выйдет в открытый космос, двигатель сам включится. Нужный курс уже запрограммирован. Если мои расчёты верны, то вы приземлитесь в воду у материка, и там вам, надеюсь, кто-нибудь поможет. Я включил невидимый режим, чтобы никто не понял, откуда вы. Вам лучше оставить шлюпку прямо в океане и больше не вспоминать о ней.

Я с улыбкой кивал в ответ. Куагон попрощался с нами, и дверь за ним автоматически закрылась. Он вышел из промежуточного отсека, и тот также плотно автоматически задрался.

Глава 3. «Земля»

Шлюпка со скрипом отсоединилась от корабля. Сразу включилась искусственная гравитация, поэтому мы всё ещё ровно стояли. Элиз крепко сжимала мою руку, чем выдавала свой страх перед неизвестностью. Затем заработал реактивный двигатель внизу шлюпки, и мы медленно приближались к Земле. С его помощью наша капсула легко миновала открытое космическое пространство и подлетала к верхним слоям атмосферы. Мы только и успевали сверху наблюдать, как двигаются перистые облака над голубой планетой, которая становилась всё ближе и ближе.

При входе в атмосферу шлюпку сильно затрясло, а двигатель почему-то отключился. Мы стремительно падали. Двигатель периодически включался, когда скорость падения становилась настолько стремительной, что низ капсулы начинал гореть от трения о воздух. Спуск получался рывками, и нас с Элиз потряхивало. Она крепко обняла меня и закрыла глаза, чтобы не смотреть на происходящее. С каждым рывком подруга сжимала меня всё сильнее. Искусственная гравитация всё ещё работала, мы стояли ровно, и нас изредка потряхивало от включения двигателя.

Если снизу кто-то и наблюдал наш спуск, он смог бы заметить только мигающие огоньки в небе. Скорости свободного падения мы достичь не успевали, поэтому спуск занял около получаса. Последний раз двигатель включился на пару секунд невысоко над водой, а после шлюпка плюхнулась в море.

Где-то минуту мы были под водой, пока шлюпка не всплыла. Капсула болталась на поверхности, словно поплавок. Вдалеке виднелся длинный песчаный берег, а позади него множество высоченных зданий, сделанных, словно из стекла, и между ними зелёные пятна пышных крон деревьев. Меня сразу заворожило голубое небо с белыми облаками, плывущими по нему. Нам нужно было как-то добраться до берега и найти людей.

- Ты же умеешь плавать? – спросил я.
- Да. Мы постоянно плавали в детстве на перегонки. Разве забыл?
- А до берега доплыть сможешь? Смотри, тут довольно далеко.
- Я смогу, – ответила Элиз уверенно.
- Надеюсь, коммуникатор не сломается в воде. С людьми, если что, я сам буду говорить.
- Хорошо.

Я снял рубаху, чтобы она не мешала плыть. Стекланный шлюз нашей шлюпки открылся, и мы прыгнули в воду. Мне не терпелось вдохнуть полной грудью земной воздух. Кажется, таким чистым воздухом нам ещё не доводилось дышать. Запах воды был свеж и приятен. Через пару минут плавания, дверь шлюпки автоматически закрылась, и наша невидимая капсула исчезла из виду. Земная вода казалась значительно мягче, чем на Амаране. Мы плыли легко, иногда делая остановки, чтобы Элиз передохнула. В такие моменты она держалась за меня, пока я оставался на плаву на одном месте. Вода была прохладной.

Это было физически сложное для нас испытание, особенно, для Элиз, но мы справились, и, наконец, смогли выйти на песчаный берег. Мы рухнули на песок, чтобы отдышаться. Я увидел других людей, гулявших по пляжу, и сразу активировал коммуникатор, нажав на него пальцем. Благо, устройство оказалось влагонепроницаемым.

Мы сидели на пляже и рассуждали, стоит ли подойти к кому-нибудь, но мужчина с собакой сам подошёл к нам.

- Ребята, здравствуйте. А где ваши родители? – спросил человек на земном языке.
- У нас их нет. Вы можете нам помочь? – ответил я с помощью коммуникатора.

Мужчина сильно удивился и попросил следовать за ним. Удивительно, но с расспросами он к нам не приставал. Мы прошли мимо нескольких пляжных домиков, а затем больших зданий с огромными стеклянными окнами, которые становились всё выше по мере нашего удаления от пляжа. Вдалеке виднелись здания, чьи крыши касались неба. И повсюду нам встречались деревья, клумбы и кустарника самых разнообразных видов. Стены невысоких старых домов укрывали выющиеся зелёные растения.

Вскоре наш провожатый нашёл другого человека в странной одежде, но явно при власти что-то решать. Улыбчивый чернокожий мужчина в форме сказал, что он полицейский и отведёт нас в отдел по делам несовершеннолетних. Я скрыл коммуникатор в моих чёрных волосах, которые отросли до плеч. К этому моменту они уже подсохли, так что инопланетный прибор никто не заметил. Удивительно, но полицейский тоже не задавал вопросов, видимо, ему хватило информации от мужчины с собакой. Мы с ним пришли в небольшой участок, который представлял собой двухэтажное здание, где три стены из четырёх также покрывали выюны, и он попросил нас ждать на кушетке в приёмной.

Я держал Элиз за руку, чтобы она меньше переживала, успокоить словами я её не мог, чтобы никто не услышал амаранского языка. Мы просидели так минут десять, пока за нами не пришла белокожая женщина в красной рубашке и прямой чёрной юбке. Она позвала нас в кабинет. Мы вошли за ней, сели на стулья.

– Мне передали, что вы попросили о помощи. Можете рассказать, что случилось? – женщина закрыла дверь кабинета и села к столу.

– Наш корабль затонул, родители погибли, мы еле-еле добрались до берега, – быстро придумал я и постарался изобразить испуг.

– Вы знаете, где затонул корабль? Я отправлю туда береговую охрану.

– Не знаю, – я пожал плечами, прикинувшись дурачком.

– Как вас зовут и из какого вы города? У вас остались родственники, которых мы можем найти? – спокойно продолжала женщина.

– Родственников нет, мы ни из какого города, так как плавали в море с родителями. Они что-то исследовали, но я не знаю, что.

– Как вас зовут? Вы брат и сестра?

– Я – Маркус, а это Элиз, мы – хорошие друзья с детства.

Дальше женщина спрашивала, как назывался наш корабль, как звали родителей, как произошло кораблекрушение, и это всё я тоже придумывал на ходу. А когда она спрашивала географические названия мест, где мы плавали, я только и отвечал, что не понимаю, и нам не говорили. Я даже придумал, что мы единственные спаслись, потому что родители в тот день закрыли нас за книгами в герметичном отсеке корабля, и мы смогли всплыть, когда буря на море утихла.

Женщина всё время что-то записывала. Интересно, она догадалась, откуда мы? Надеюсь, что нет. Она удивилась, что Элиз не отвечает на вопросы. Я сказал, что моя подруга плохо понимает слова, что это какая-то болезнь, и ей сложно учиться. Женщина, вроде всему поверила и определила нас в приют, пока она будет искать, кто мы, и есть ли у нас опекуны по завещанию родителей. От этого решения я выдохнул с облегчением.

Она отвезла нас на электромобиле в «Приют святого Павла». Это было невысокое старое здание из красного кирпича со стеклянными окнами. Торцы здания и пожарные лестницы также обвили растения. Но внутри стены были окрашены в яркие цвета, а на некоторых разместились радостные детские рисунки.

По прибытии нас осмотрела медсестра и сказала, что с нами всё в порядке. К счастью, на мои уши она не смотрела, её больше интересовало: почему Элиз ничего не понимает. Из медицинского кабинета нас забрала воспитательница, звали её Виола, и она распределила нас

по комнатам. Это была белая невысокая, немного полноватая женщина со строгим лицом и добрыми глазами. По пути она выдала нам по несколько комплектов цветной одежды и обуви.

Все дети жили в отдельных комнатах по четыре человека в каждой. Их распределяли в зависимости от пола и возраста, поэтому мы с Элиз оказались на разных этажах. Тут, также, как и на корабле, были комнаты только для мальчиков и только для девочек. Но больше всего меня порадовала разная одежда на детях, был в этом знак какой-то свободы.

В моей новой комнате жили трое ребят такого же возраста, как я. Они радостно встретили меня и стали безудержно расспрашивать обо всём, а я в ответ тоже донимал их вопросами. О себе, конечно, выдумал такую же историю, что и для женщины в участке. Старался не путаться в показаниях, а это оказалось сложно, не зная, вообще, ничего о местных обычаях. От своих новых соседей я узнал, что на Земле шёл 2118 год. Ребята сильно удивились, что я не знал истории прошлого века, и поспешили рассказать в самых ярких красках, то и дело дополняя друг друга. Эта история поистине поразила меня.

«В 2032 году случилась всемирная ядерная война, которая продлилась не больше недели, но стёрла с лица планеты добрую половину человечества. Самые большие города и их окрестности были выжжены атомным оружием. Планету охватила ядерная зима, поскольку ветры в стратосфере окружили сажевой пылью весь земной шар. Из-за атомных взрывов ось Земли сместилась почти на два градуса, и начались катаклизмы. Континенты стремительно двигались, вулканы извергались, а ещё пригодные для жизни участки суши затапливались водами океанов. Цикл этих бедствий в кратчайший срок унёс жизни ещё половины оставшихся в живых людей и животных.

Выжившие объединились, чтобы свергнуть зачинщиков катастрофы, виновных в непомерном желании поработить мир. Вскоре половину глав государств публично казнили за истребление человеческой расы. Оставшиеся люди бросили все силы на восстановление планеты. Семь лет ушло на то, чтобы развеять скопившуюся в атмосфере Земли сажу и вернуть нормальное поступление солнечного света к поверхности. И только спустя десять лет после этого учёные смогли придумать способ очистить планету от последствий ядерного оружия. Люди работали вместе и к 2060 году уже смогли засеять опустошённые бомбами земли. Теперь там, где ещё пятьдесят лет назад возвышались мегаполисы, были высажены тысячи гектаров леса.

Люди образовали новые крупные города на нетронутых землях, и все силы отдавали восстановлению экологии и здоровья. Сначала они перестали добывать нефть, и очень быстро перешли на экологически чистые источники энергии. В последствии были безопасно утилизированы все автомобили, работавшие на бензине, и люди стали выпускать только электромобили. Земляне навсегда избавились от пластика, а любое сырьё сортировали и использовали повторно. Все производства, загрязнявшие окружающую среду, были реформированы под безопасные или вовсе закрыты. Загрязнение Земли остановилось, и люди стали учиться жить в гармонии с природой и технологиями одновременно. Планета смогла расцвести заново, не смотря на технический прогресс.

В 2065 году все страны объединились в одну общую земную республику, а президентов и королей заменили общенациональным парламентом. Люди назвали это Великой революцией, после которой не было и не будет войн. Религии у землян остались разные, но вот языки планеты постепенно сливались в один – земной. Это была непонятная смесь всех популярных среди людей языков, которые существовали ещё сто лет назад. Учебники по общеземному языку появились примерно пятьдесят лет назад, когда человечество объединилось в одну цифровую сеть для помощи каждому разрушенному уголку планеты.

Сначала учёные стали писать труды на едином земном языке, затем он перешёл в СМИ, и самые популярные люди планеты начали открыто на нём говорить, затем его стали преподавать в школах как второй, и к 2085 году вся планета заговорила едино.

Остались и те, кто не хотели меняться: изменять язык и мировоззрение. Такие люди вскоре отделились от новых больших городов и стали жить в небольших деревнях, где могли свободно разговаривать на родном наречии.

Медицина резко шагнула вперёд, когда смогла избавить пострадавших от лучевой болезни. К двадцать второму веку человечество забыло о самых страшных болезнях, таких, как рак. Чистая экология и развитая медицина позволяли землянам жить в среднем до ста тридцати лет, поэтому до сих пор можно встретить тех, кто пережили все беды прошлого века. Только вот на освоение космоса у людей не оставалось ни ресурсов, ни сил, поэтому они возобновили исследование космического пространства всего пять лет назад и только готовятся к новым открытиям...»

Я узнал, что у каждого человека после двенадцати лет имелась своя мульти-сфера в виде тонкого металлического браслета, которая тонкими нейронитями соединялась с нервной тканью внутри запястья и могла отслеживать здоровье организма. Также в ней хранились данные о носителе, и ею можно было расплачиваться. Люди давно перешли на единую цифровую валюту. Мульти-сфера выводила голограмму на руке, с помощью которой можно было выходить в общую сеть: искать информацию или общаться. Она работала с помощью сети интернет. Подзарядки браслет не требовал, он брал энергию напрямую из организма носителя.

Дети до двенадцати лет ходили с обычными мульти-карточками, которые были привязаны к браслетам родителей. Я, конечно, наврал соседям, что моя карта утонула вместе с предками. Оказывается, всем детям выдавали ещё смарт-бук – это особые сенсорные устройства ограниченного выхода в интернет для общения между людьми и для учёбы. Там можно было найти любой учебник или книгу на общеземном языке. Взрослые использовали все эти функции в мульти-сферах, но детям для удобства обучения было проще использовать смарт-буки. Удивительно, но все устройства землян, кроме детских мульти-карточек, было запрещено отслеживать, чтобы не нарушать прав свободы человека.

Я не предполагал, что у меня могут быть какие-то права, которые другие не могут нарушить. Свод законов Земли охранял благополучие людей, и это поразило меня ещё больше, чем история прошлого века планеты.

Соседи объяснили, что все дети должны ходить в школу, но сейчас лето, поэтому они отдыхают и ходят только в разные секции в приюте. К моему удивлению, у меня было право выбрать любые предметы и развивающие программы. Ребята сказали, что я могу хоть завтра посетить пробные занятия и записываться, если понравится. Они предложили столько всего, что я даже растерялся. Это были спортивные секции, научные клубы, художественные кружки.

Земля показалась мне настоящей утопией по рассказам соседей. Невероятно, что люди сразу нам помогли и ещё позволили учиться и развиваться в абсолютно любой сфере!

Я переоделся в новую одежду, и ребята отвели меня в столовую, у них уже настало время обеда. Много детей разных возрастов резво бегали с подносами и звонко смеялись. Я быстро нашёл в толпе Элиз и подсел к ней. Казалось, она одна грустила в этом царстве радости. Она наклонилась и прошептала мне на ухо на единственном хорошо знакомом ей языке: «Я совсем их не понимаю». В ответ я также тихо ответил: «Не переживай, думаю, мы за несколько месяцев выучим язык».

Трое моих новых соседей вскоре подсели к нам за стол. Я ненавязчиво поинтересовался, как долго дети живут в приюте, и они рассказали, что дети живут тут до окончания школы, а потом сами выбирают: учиться дальше, работать или стать «волонтером планеты». Еда на Земле была невероятно вкусной, видимо, потому что люди выращивали все сельскохозяйствен-

ные культуры экологически чистым способом, не используя химикаты, и животных разводили на больших фермах, где у тех было много места для выгула.

Нам с Элиз выдали смарт-буки уже через несколько дней, и мы смогли найти массу учебников для изучения земного языка для начинающих. А ещё через неделю моя подруга пыталась коряво говорить, и её снисходительно понимали. Никто сильно не удивился её речи, все были уверены, что она больна и сильно отстаёт в развитии. Но это было не так, и через два месяца Элиз общалась с землянами совсем без акцента. Взрослые списали этот феномен на стресс после кораблекрушения и на мою дурость. Я выучил общеземной примерно за такое же время, поэтому надёжно спрятал коммуникатор в одной из стен приюта, где как раз шёл ремонт, и никто ничего не заметил.

Мы стали выбирать секции по своим интересам впервые в жизни. Элиз понравились танцы, рисование и театральный кружок. Я записался на борьбу, бег, плавание и в научный клуб. Первое время умные дети не понимали, что мне нужно в их объединении, но за пару месяцев плотного изучения физики и математики по учебникам я смог догнать остальных. Участники научного клуба делали свои мини-проекты изобретений, рассказывали различные теории, и это было безумно увлекательно с тех пор, как я начал понимать, о чём они говорят. Мне даже удавалось представлять свои собственные идеи, и некоторые были радушно приняты клубом.

А вот магии на Земле совсем не было, и люди утратили веру в сверхспособности. Мне бы очень хотелось развить свой талант, но я мог читать только старые легенды о магии и в шутку сочинённые учебники, в которых не было никакого смысла. Видимо, ещё в древности магия существовала на этой планете, но полностью утратилась из-за смешения крови. Последние упоминания о более реальной магии я увидел, изучая времена расцвета Древней Греции.

Когда мне исполнилось двенадцать по земным меркам, на мою руку надели мульти-сферу. Было больно в первую секунду, когда иглы-нити браслета мгновенно проникли под кожу. Мне было не по себе от того, что он сразу покажет отклонения в моем организме, – ведь я немного отличался от землян, но всё прошло гладко. Мульти-сфера отслеживала пульс, давление и состояние крови, у меня показатели были в пределах нормы. В последствии, когда меня приглашали на какое-то обследование организма, я сразу отказывался, аргументируя это тем, что у меня фобия врачей. Благо, люди не настаивали, у них любое действие с человеком и даже ребёнком было допустимо только с его согласия. Элиз тоже успешно надели мульти-сферу ещё раньше меня, потому что она была на два года старше.

Дети приюта ходили в ближайшую школу, нас возили на электробусах туда и обратно. Учёба давалась мне очень легко, не приходилось тратить много времени на основные предметы. Я читал много земной литературы и всё также восхищался человеческими эмоциями. Чувства были настолько глубокими, что иногда мне их вовсе не удавалось понять, но это только подогревало интерес.

Через какое-то время я немного увлёкся латынью и древнегреческим. В этих языках было много слов, заимствованных, похоже, из общего языка с корабля покойного доктора Гемилиона. Ответ на вопрос «почему?» должен был находиться где-то в истории древней Земли, но я не нашёл подобного в учебниках. Воспитательница Виола говорила, что латынь мне понадобится при поступлении в медицинский, если я захочу в дальнейшем оказывать людям помощь. Она возлагала на меня большие надежды именно в этой сфере, хотя я не испытывал никакого интереса к лечению людей. Как-то мне попался учебник по медицине для третьего курса колледжа из цифровой библиотеки, он показался мне невероятно скучным и примитивным. Своего призвания я так и не нашёл, поэтому изучал всё подряд.

Элиз удочерили, когда ей исполнилось тринадцать земных лет. Ей подобрали хороших опекунов, и мне позволили её навещать раз в неделю. Новая семья моей подруге понравилась,

у неё теперь была своя большая комната. Она постоянно благодарила «родителей» за возможность обрести новый дом. Больше я не видел её грустной.

До семнадцати земных лет я жил и рос в этой утопии, хотя по стандартным годам мне было ещё только шестнадцать. Ростом не выделялся: был чуть выше среднего, но вот моей худобе и бледно-белой коже ребята иногда поражались. Они надо мной смеялись и колко подшучивали, будто я живой труп. Может, поэтому меня никто так и не усыновил. Но жалоб на здоровье у меня никогда не было, и я совсем не болел. Всё ещё носил волосы до плеч, хотя это уже считалось не модным. Да и как-то не очень хотелось лишний раз стричься. Как по мне, проще завязать их в хвост и идти себе дальше.

По мере взросления у меня на шее, со стороны спины, проявлялось небольшое родимое пятно в виде латинской буквы «G». Меня всегда удивляло то, как точно природа изобразила его на моем теле. Это, должно быть, обычная случайность, но такие случайности не переставали поражать. Подобных пятен я ни у кого не видел, у остальных родинки, скорее, напоминали кляксу, овал или круг, но никак не букву. Хорошо, что мою особенность скрывали волосы. Сначала я одевался по-разному, но потом понял, что мне нравятся сочетания чёрно-белых кед с синими джинсами и футболки с чёрным пиджаком, рукава которого закатаны до локтей.

Первые годы на Земле мне очень хотелось выделяться из толпы сорванцов. Я по-прежнему быстро учился и с лёгкостью запоминал прочитанное. Чтобы освоить какой-нибудь учебник полностью мне хватало нескольких часов. Всё ещё занимаясь в спортивных секциях, я смог превзойти своих друзей в навыках боевых искусств и удивлял всех своей выносливостью. В какой-то момент я заметил, что нагрузки не вызывают у тела должного напряжения, и тело больше не потеет. Поначалу побеждал в соревнованиях, но после пятнадцати лет решил не выделяться, и если обгонял соперников, то совсем немного. Моё тело удивляло, – в стрессовые моменты оно не чувствовало боли, холода и огня. И с каждым годом становилось выносливее. Первое время я спорил с ребятами на какую-нибудь вещь, что смогу продержать руку над горящей свечой пять минут, и всегда выигрывал в споре, потом так же решил не привлекать лишнее внимание. Иногда чувства обострялись до предела, и я мог слышать музыку, которая звучала в ушах у человека через беспроводные наушники для мульти-сферы.

Чем старше я становился, тем больше времени в течении дня проводил за стенами приюта. Мы с Элиз часто ходили на прогулки в большом городском парке. Природа там жила по своим естественным порядкам. Мы научились у землян чувствовать, но по их меркам все равно были очень «холодными».

На моё удивление, не все земляне были добрыми и чувственными. В новостях по мульти-сфере часто говорили о минимальном уровне преступности. Обычно происходило что-то типа: «Приверженец старых порядков из такой-то деревни пытался украсть что-то». Не понятно, почему эти люди не могли выучить язык и перебраться в большие города, если им не хватало провизии. Я как-то спросил у Виолы почему так, и она объяснила, что человеческая гордость куда сильнее.

Те дети, которых не усыновили до десяти лет, обычно оставались в приюте до совершеннолетия. Всегда находилась какая-то причина, почему именно они оказались никому не нужны. Вот и мои соседи по комнате не стали исключением, у них уже были приводы в полицию. Алекс, Себастьян и Нори были несколько раз пойманы за мелкими хулиганствами. Видимо, им не хватало художественного кружка, и они расписывали граффити стены старых зданий по ночам. Они были лучшими друзьями с малых лет и старались всё делать вместе. После того, как Элиз удочерили, я проводил всё больше времени с ними.

Алекса пытались усыновить трижды, видимо, из-за его миловидной внешности и спокойного характера, но он то и дело сбегал из приёмных семей, его находили, и он был рад вернуться в приют.

Мои друзья по комнате были задирами, хотя меня они не трогали, а вот других детей могли обидно подраживать. Конечно, воспитательница их за это наказывала, запирая в комнате, но они с лёгкостью сбегали из окна по пожарной лестнице.

Алекс был светловолосым мальчишкой обычного телосложения, и ростом чуть ниже меня, на вид. Он хорошо учился и был весьма сообразителен. Рисовать не любил, но ему нравилось проводить время с друзьями.

Себастьян был его полной противоположностью. Высокий чернокожий мальчик был невероятно вспыльчив, и иногда агрессивен. Он мог так унижить любого, чтобы тот поверил бы в свою никчёмность. Учился Себастьян из ряда вон плохо и еле-еле переходил на следующий уровень обучения, не без помощи друзей, конечно.

А вот Нори был настоящим художником. Это был слегка полноватый мальчик с маленькими узкими глазами и смуглой кожей. Он давно перестал посещать художественный кружок, там ему было больше нечему учиться. Нори обожал граффити, они привлекали гораздо больше внимания у окружающих, чем его гениальные рисунки. Себастьян всегда помогал ему с изображениями на стенах, но большую часть работы всё равно делал Нори. Они сбегали так время от времени, в основном, во время наказаний.

Был как раз такой вечер, Себастьян и Нори обидели какого-то мальчугана лет на пять их младше, и Виола закрыла нас всех. С наступлением темноты ребята ушли через окно и звали меня развлекаться с ними. Они всё кричали мне, что будет весело, и чёрт меня дёрнул согласиться. На улице было прохладно, поэтому я накинул на себя чёрную толстовку вместо пиджака.

Мы дошли до пляжа, и Себастьян с Нори принялись разрисовывать пляжный домик. Нам было весело, мы шутили и смеялись, с моря дул сильный ветер. Алекс подсказывал пропорции рисунка. Нори дорисовал контур атомной бомбы на стене, и выбросил закончившийся баллончик чёрной краски. На нём я прочитал о сто процентном растительном составе краски. Вроде аэрозоль, а экологически чистая. Нори уже потянулся за следующим баллончиком, как нам послышались непонятные голоса, и мы сразу замолчали. Ребята оставили сумку с красками, мы и быстро спрятались за стеной пляжного домика. Голоса становились громче и отчетливее, слышалось шорканье по песку. Мы молча стояли и не двигались в надежде, что нас не заметят.

Чужаков было не видно, но отчётливо слышно, как они подходят к нам всё ближе и ближе, и что-то говорят на непонятном языке. Это были отверженные – те, кто не принял новый сложившийся строй на Земле. Мы услышали, звук бьющихся друг об друга баллончиков, что означало обнаружение нашей сумки отверженными. Себастьян одолевал страх, и он зажмурился, сжимая руки в кулаки. Не прошло и минуты, как нас окружили пятеро странных людей со старыми автоматами, которые я видел только в учебниках истории. Чужаки были одеты в ветхую одежду, которая уже превратилась в лохмотья.

Один из них, худой седой мужчина с длинной бородой, подошёл к нам ближе, и приложив указательный палец к губам, произнёс продолжительное: «Тсс», видимо, чтобы мы молчали. Он жестом показал вытянуть руки с мульти-сферами вперёд. Мне не было страшно, в отличие от ребят, которых одолевала паника. Их изрядно потряхивало от происходящего. Мы послушно вытянули руки, и к нам подошли четверо других чужаков. Они наклеили на наши браслеты какую-то чёрную штуку, размером всего в сантиметр, и браслеты отключились, но вот только снять с рук их было невозможно. Потом ближе подошёл первый из чужаков, и связал наши руки электросетью, так, что мои были связаны вместе, и через метр продолжение синей мерцающей веревки уже держало моего друга. Так, мы четверо были связаны воедино, и чужаки, показывая и направляя на нас автоматы, велели идти с ними. Трое шли впереди нас, а двое – сзади.

Электросеть сжимала руки сильнее, если я прикладывал усилия, чтобы разорвать её. Пути спасения не было. Мы шли, наверно, часа четыре, сначала по берегу, потом свернули в лес по тропинке, пока Себастьян не набрался смелости тихо проговорить:

– Как думаете, они нас убьют?

– Хотели бы убить, давно бы это сделали, – шёпотом ответил ему Нори, привязанный рядом.

– Они обменяют нас на что-то у города. Я читал, что отверженные иногда так делают, – пробормотал Алекс с конца строя.

– И быстро город реагирует на такие заявления? – спокойно спросил я у него.

– Долго. Я слышал, что люди неделями сидели в заложниках, потому что похитители требуют слишком многого. Городу сложно с ними договориться.

Чужак с длинной бородой услышал нас и подошёл. Он резко что-то забормотал, показывая на автомат. После этой угрозы мы молчали ещё очень долго, пока не дошли до их деревни.

Когда мы увидели домики вдали поляны, уже светало. Это было поселение в старинном стиле, все дома – деревянные, и никаких машин, люди пользовались телегами. Небольшие домики располагались далеко друг от друга. Вокруг каждого – свой огород. Мы прошли несколько таких, пока не дошли до заброшенного сарая из полусгнивших досок.

Похитители сняли с двери старинный замок и жестами показали нам, что нужно зайти внутрь. Мы вошли первыми, а за нами один из мужчин с автоматом.

Внутри было много сена и пахло сыростью. Похититель что-то бормотал, нашёл раскладной стул и сел, уставившись на нас. Мы сообразили, что они будут держать нас здесь, и кое-как уселись на стог душистого сена. Позже вернулись другие похитители, сначала сфотографировали нас на старый фотоаппарат, а затем перевязали каждого отдельной электросетью, но теперь руки находились на расстоянии примерно тридцати сантиметров друг от друга. Они принесли нам много бумажных книг на их языке, видимо, чтобы мы не скучали. Но толку от них особо не было, мы не понимали этот странный язык. Отверженные сменяли друг друга каждые три часа, чтобы следить за нами. Нам уже разрешали разговаривать, и похитители не обращали внимания на это. Видимо, они нас не понимали также, как и мы их. Сейчас бы пригодился коммуникатор, чтобы понять, что они собираются с нами делать, или как-то договориться. Я впервые пожалел, что не ношу его с собой.

Спали мы на сеновале. Похитители приносили нам три раза в день каждому по порции овсяной каши и овощи с огорода в сыром виде. Так прошло несколько дней без каких-либо известий из города. Я внимательно наблюдал за всем происходящим. А вот Себастьян начинал ныть:

– Когда же нас уже заберут отсюда!

– Мы знаем не больше твоего! – возмущённо отвечал ему Нори.

– Давайте лучше придумаем план побега. Если мы вчетвером накинемся на охранника, когда он отвлечётся, сможем его вырубить и забрать автомат, – предложил я.

– Что?! Да они нас убьют, не моргнув! – возразил Нори.

– А я согласен с Маркусом. Лучше попробовать, чем сидеть тут месяцами, испражняясь в ведро, – поддержал меня Алекс, брезгливо отводя глаза в угол сарая.

– Ты не подумал, что нам самим не снять электросеть! – резко сказал Нори.

– У охранника с длинной бородой есть деактиватор сети в кармане, я за ним следил, – возразил я ему.

– Хорошо, а как мы побегим? Вокруг полно отверженных, и они нас услышат, – тихо спросил Алекс.

– Если бежать ночью, не услышат. Нужно действовать быстро и тихо.

– А если он закричит и нас, поймают? – снова засомневался Нори.

– Один из нас закроет ему рот, потом остальные вырубят, он и опомниться не успеет.

Ребята ещё подумали и согласились с моим планом. Я обещал им, что всё пройдет гладко, хотя и сам не был в этом уверен.

Мы договорились, что ночью один из нас будет притворяться спящим, чтобы увидеть, когда на пересменку придет нужный охранник. В первую ночь он так и не пришел. Во вторую ночь дежурил Себастьян, и тот пришел. Мой друг немного подождал, чтобы охранник потерял бдительность, и стал сильно ворочаться, чтобы мы проснулись. Это сработало, и мы лежали неподвижно, чуть приоткрывая глаза. Я тихо прошептал ребятам: «Начинаем по моей команде». Охранник сидел на стуле с автоматом на коленях в паре метров от нас.

Я резко вскочил с сеновала и мгновенно подбежал к мужчине сзади, закрыв его рот руками. Он только успел потянуться к автомату, как ребята выхватили оружие и стали избивать его. Отверженный стонал и пытался оттянуть мои руки от себя, но сил у него на это не хватало. Почувствовав свою силу, я убрал одну руку от его рта, чтобы обмотать его шею электросетью. Второй рукой я затягивал её со всей силы. Ребята увидели это, и перестали его избивать. Мне хватило пары минут, чтобы его глаза закрылись. Я подождал ещё несколько секунд и отпустил его. Он сразу упал со стула на грязный пол сарая. Ребята стали искать деактиватор по карманам охранника, а я подобрал автомат.

Нори нащупал нужное устройство у чужака в кармане на груди и обрадовался, но через несколько секунд побледнел и пробормотал:

– Кажется, он не дышит...

Алекс проверил пульс и объявил, что мы его убили. У всех ребят в глазах было смятение, они растерялись. Тогда я резко, но так же тихо сказал им:

– Это не важно. Нам надо скорее уходить, пока никто не заметил!

Нори с помощью небольшого устройства быстро снял с нас электросети.

У меня не осталось времени понять, что я чувствую от очередной смерти по моей вине. Не осталось времени чувствовать, нужно было бежать...

Мы приоткрыли дверь сарая, она скрипнула, из-за чего ребята напугались. Я вышел первым, а они проследовали за мной.

– Тихо идём к тропинке, – прошептал я, обернувшись к ним.

Мы пробирались вдоль домов, аккуратно проползая у заборов. Оставалось всего несколько избушек до выхода к поляне и нашей свободе. Мы нагибались у последнего невысокого забора, проползли мимо ворот к дому. Себастьян шёл последним и, видимо, наступил на сухую ветку. Раздался едва слышимый хруст, и мы замерли. Я ещё раз прошептал: «Тихо», и мы двинулись дальше. Не успели пройти и пары метров, как раздался лай собаки. Она громко облаяла нас из-за забора, и в доме включился свет.

Мы остановились в надежде, что нас не заметят. Но свет включился и в доме напротив. Не прошло и минуты, как из окна выглянула женщина с криками на своём непонятном языке, показывая на нас рукой. Она продолжала кричать до тех пор, пока свет не включился во всех окрестных домах. Мы были в растерянности, но сдаваться я был не намерен.

Потому окрикнул ребят:

– Сейчас очень быстро бежим к лесу!

И мы резко побежали. Из домов уже выходили мужчины, и направлялись в нашу сторону. Я быстро добежал до края леса, который находился на небольшой возвышенности, и заметил, что мои друзья сильно отстают. Свет от домов еле-еле освещал поляну. Нори уже почти догнали отверженные. Тогда я вскинул автомат, направил его в мужчин, бежавших за другом, прицелился и убрал предохранитель. Через секунду я выстрелил и попал в одного из них. Похитители замешкались, и Нори смог оторваться. Я выстрелил ещё пять раз, и ранил троих мужчин, догонявших Алекса и Себастьяна. Отверженные остановились и в страхе посмотрели на меня. Ребята смогли добежать до леса, и погоня отступила.

– Что это было? – спросил Себастьян, пытаясь отдышаться.

– Ты даже не дрогнул! – заметил Алекс.

– Откуда ты знаешь, как стрелять? – спросил Нори.

– Я не знал, но тут легко разобраться. Иначе бы они вас схватили. Пойдёмте скорее, они могут вернуться большим числом! – холодно ответил я.

Мы двинулись в лес, но ребята ещё что-то бормотали себе под нос.

Где-то час мы бежали по тропинке, ведущей через лес, пока ребята не устали, и мы сменили бег на быстрый шаг. Была глубокая ночь, и мы старались не сходить с тропы и держаться вместе. Ребята тяжело дышали, еле перебирая ногами, когда мы вышли к пляжу. Стало чуть светлее, сияние Луны отражалось от моря. Мы ещё долго шли по пляжу. Нас радовало отсутствие погони, но мы почти не разговаривали. Ребята были обессилены долгой дорогой к городу и тем, что произошло.

Всю дорогу я мысленно пытался оправдать свои действия. Мою душу терзали волнения только по поводу того, что я могу быть самым настоящим злодеем. Я уже не испытывал ни раскаяния, ни ужаса, наполнявшего сердце, но не мог принять тот факт, как легко меня преследуют смерти.

Солнце уже выходило из-за горизонта, освещая небо красными переливами, когда мы дошли до первых пляжных домиков и свернули к зданиям. Улицы были пустынные, и мы рассуждали, куда идти. Ребята сделали вывод, что, если идти сразу в приют, нас всё равно отвезут в полицейский участок для дачи показаний, поэтому мы решили идти сразу к полицейским. Да и участок находился всего в паре домов от нас, а до приюта пришлось бы топать ещё несколько кварталов.

Алекс постучался в дверь участка и приоткрыл её. Мы вошли и увидели спящего дежурного в будке у входа. Он сопел, и его кепка съехала на лицо.

Себастьян громко крикнул:

– А вы нам не поможете?

Полицейский резко вскочил со стула, так что его кепка упала на пол. Он поспешил её поднять, а потом посмотрел на нас удивлёнными сонными глазами. После нескольких секунд ступора он всё же спросил:

– Вы же те ребята, которых похитили отверженные?

– Да, – ответил Алекс.

– В новостях только о вас и говорят. Они вас отпустили? Как такое возможно?

– Мы сбежали. Так вы нам поможете? – настойчиво спросил я.

– Да. Я позвоню капитану, он занимается вашим делом. Вы можете пока в приёмной посидеть. Там есть чай и печенье, если вы голодные, – он указал рукой на скамейки недалеко от холла.

Мы согласились и пошли наесться печеньем в приёмной капитана полиции. Ребята были безумно рады, что всё закончилось. Они уже снова шутили и, казалось, забыли, что я сделал.

Капитан примчался через полчаса. Запыхавшись, он вбежал в кабинет и тут же начал задавать вопросы. Мы ему рассказали всё, как есть. Он сказал, что раньше никому не удавалось сбежать от отверженных, и был поражён нашим сообщением. Но ещё больше его удивил я. Капитан решил, что мне понадобится помощь психолога после этого происшествия. Я пытался отказаться, объясняя всё состоянием аффекта, но он настоял.

Полицейский успел договориться с психологом из приюта и рассказать нашей воспитательнице, что нас нашли. Она радовалась до слёз, это было слышно из мульти-сферы капитана. Закончив уточнять все нюансы нашего побега, он велел другому полицейскому сопроводить нас в больницу. Для него было важно узнать, что отверженные ничего с нами не сделали: не отравили ядами медленного действия, не вживили чипы для слежки. Мы, конечно, сказали, что такого не было, но он всё равно решил проверить.

Нас отвезли в больницу на полицейском электромобиле. Врачи вызывали нас один за другим. Ребята проводили в кабинете не больше двадцати минут, а я вызвался идти последним. Двое врачей меня полностью осмотрели и отсоединили мульти-сферу с руки. Её некогда ярко красные иглы почернели. Мне сообщили, что новый браслет можно будет надеть через неделю, когда рука заживет, поскольку старый её повредил во время отключения от сети.

Врачи обработали моё запястье и аккуратно забинтовали. Они хотели взять у меня кровь на анализ, но я не давался, аргументируя отказ фобией уколов. И снова притворился самым настоящим глупцом. Врачи битый час меня уговаривали, потом позвали полицейского. Тот сказал, что без анализа крови никого не отпустят. Ещё через полчаса им всё же удалось меня уговорить: кровь всего-навсего проверят на токсины, и больно не будет. Я закрыл глаза, делая вид, что мне страшно, и они быстро поставили катетер в вену. Врачи наполнили несколько пробирок, достали катетер. Кровь в месте прокола быстро свернулась, и они решили не забинтовывать. Наконец-то, я мог вернуться в приют.

Дети встречали нас радостными криками, а воспитательница и вовсе обняла каждого и проводила в нашу комнату. До ужина мы спали, а после я решил навестить Элиз и предупредил об этом Виолу. Она даже предложила сопроводить меня, но я вежливо отказался.

Я встретил Элиз после занятий в театральном кружке. Она лелеяла мечту стать актрисой большого театра, и меня поражала её настойчивость в обучении. Ей уже были хорошо известны самые знаменитые пьесы Земли.

Элиз выглядела, как всегда, прекрасно в этот вечер. Летнее платье длиной до колен придало ей изящества, а жакет как элемент школьной формы – немного солидности. Её нежно-розовая кожа светилась от солнечных лучей на закате. Лёгкий весенний ветер развеивал белокурые волосы. Я мог бы, наверное, сутками смотреть в эти глубокие голубые глаза, которые хранили в себе больше тайн, чем все океаны планеты.

Мы встретили друг друга искренними улыбками и объятиями, а потом пошли по тропинке в парке, ведущей прямо к её дому. На улице пахло весной, и бабочки порхали над клумбами. Мы часто так бродили в последние месяцы.

Элиз тараторила:

– Я не ожидала, что ты придёшь сегодня, – она слегка покраснела от этих слов. – Я видела тебя в новостях и думала, что ты ещё несколько дней будешь приходить в себя. Ты не представляешь, как я рада тебя видеть! Вся наша семья переживала за тебя, пока ждали новостей.

– Я тоже рад, Элиз. Ты очень многое для меня значишь. Мне хотелось увидеть тебя...

– Знаю. И мы уже говорили об этом, – ей было неловко и она старалась смотреть в сторону деревьев. – Знаю, что ты хочешь быть со мной. Да и я хочу, ты же понимаешь! Ни к чему снова этот разговор. Я каждый раз плакала, видя тебя в новостях, настолько страшно мне было тебя потерять. А когда сказали, что вы вернулись целые и невредимые, я плакала уже от радости, – улыбка снова заиграла на её лице.

– Позволь мне проводить тебя домой? – больше ни о чём я и не смел просить.

– Конечно. Я ещё хочу, чтобы ты пришёл послезавтра. У меня будут сокращённые занятия, и мы сможем погулять подольше, – говорила она, утончённо улыбаясь мне.

– Я приду.

– Обещаешь? – она усмехнулась.

– Обещаю!

Я рассказал Элиз всё, что произошло во время похищения и побега. Казалось, она ничуть не удивилась моим действиям. Эта девочка знала меня лучше всех на этой планете.

Мне нравилось смотреть, как Элиз разглядывает порхающих бабочек, и больше не хотелось ничего говорить, только вечно любоваться ею. Подруга слегка касалась моей руки, и я улыбался, а затем она отходила на пару шагов и краснела, смеялась и прикрывала лицо ладо-

нями, пряча пунцовые щёки. Элиз пыталась ловить бабочек, а если у неё получалось, она тут же отпускала этих прелестных существ на волю, любуясь тем, как они улетают прочь.

В нашем детстве не было ни парков, ни бабочек, поэтому Элиз могла зависать так часами. Но вот мы подошли к её дому, и я крепко обнял подругу на прощание, ещё раз пообещав вернуться послезавтра.

После расставания долго бродил по улицам города и раздумывал над произошедшим при побеге. Казалось, запах кожи Элиз ещё не выветрился с моей одежды и через час после прощания с ней. Уже стемнело, когда я вернулся в приют. У меня в голове был план подарить Элиз большой букет лилий – её любимые цветы на Земле.

Я вернулся в свою комнату по пожарной лестнице, которая вела к каждой комнате, где жили дети. Перила обвивали растения, чем-то напоминающие извилистые лианы, и не позволяли цепко держаться.

Мои друзья уже крепко спали, и мне хотелось уснуть, но я с удивлением обнаружил на подушке небольшой конверт. А ведь бумагу для передачи информации тут почти не использовали. Послание внутри конверта гласило: «Встретимся завтра в четыре часа дня в парке Ост Ривер. Буду сидеть под дубом. Узнаешь меня по серому костюму» и подпись: «Твой друг О.Т.». Ещё больше меня удивило то, что послание было написано на общем языке, который использовали на корабле Гемилиона. Я понятия не имел, кто был автором этой записки, и стоит ли ей верить. Это только больше встревожило меня.

Ещё несколько часов я пытался вспомнить был ли на «Гемиле» кто-то с инициалами «О.Т.», но ни одно имя не подходило. Аноним добавил слова «твой друг», чтобы я наверняка ему поверил. А вдруг это засада, и меня хотят закрыть для опытов? Маловероятно. Ради такого ценного инопланетного экземпляра меня бы нашли, где угодно, и я уже был бы заперт в клетке. Сотню раз пожалел, что согласился сдать свою кровь. Надо было бежать от врачей, куда подальше!

Любопытство одержало верх над сомнениями, и я прибыл в указанный парк заблаговременно. Целый час наблюдал за дубами, которых насчитал с десятков и не заметил ничего подозрительного. Было немногочисленно. Большинство людей срезали дорогу через парк.

За пять минут до времени, указанного в приглашении, я увидел, как седовласый мужчина в сером костюме, который был ему явно велик, прошёл по аллее к одному из дубов и присел на лавочку под ним. Старик безмятежно смотрел по сторонам и ничем не выделялся среди прочих отдыхающих. Я медленно подошёл к нему и подсел на противоположный край скамейки.

– Это вы оставили мне записку? – спросил я на общем языке.

– Мои опасения подтвердились, – печально пробормотал он вместо ответа.

– Что это значит, и кто вы такой? – я нахмурился и подсел поближе.

– Не важно кто я, важно кто ты, – старик с усмешкой ткнул меня в плечо указательным пальцем.

– Я – Маркус, – ехидно выдал я. – Нет во мне ничего особенного.

– Ох, как же ты заблуждаешься, – он тяжело вздохнул.

– Может, хватить говорить загадками?

Старик начинал выводить меня из себя.

– Да, конечно, давай расскажу с самого начала, – он посмотрел на меня, потом на аллею, на которой практически никого не было, и начал свой рассказ: – Меня зовут Окто Тейлис, и мой корабль потерпел крушение на Земле тридцать два года тому назад, – он говорил медленно и прерывисто. – Ох, и наделал я тогда шумихи! Из моего экипажа выжил я один, и меня раненого спасли земляне. Несколько лет я провёл в их лабораториях, а после договорился остаться на этой планете и работать на них. Собственно, другого выбора у меня не было. Помощь не смогла бы спуститься сюда из-за запретов...

– Мне жаль, что с вами так случилось, но при чём тут я?

– Так вот, – старик, похоже, даже не обратил внимания на мою резкость и спокойно продолжал говорить, – я стал работать в секретной организации, где всего несколько человек знают истинную правду о жизни вне Земли. И всего десять лет назад эту планету подключили к вселенской базе ДНК. А за её работу до сих пор отвечаю только я. Код каждого человека во всей Вселенной хранится в этой системе, но у меня есть доступ только к земным данным. Их обновляют каждый раз, когда кто-то новый сдает кровь в больницах. Так вот, вчера я заметил крайне интересную цепочку ДНК и целенаправленно повредил её данные, чтобы дать тебе время.

– Время на что?

– Подготовиться или спрятаться, – с усмешкой ответил Окто.

– Ничего не понимаю, – я смотрел на старика широко открытыми глазами.

– Это было очень давно. База ДНК создавалась изначально для выявления интересных геномов, что используются в высшей генной инженерии, – старик ослабил галстук своего костюма. – А после её перенастроили для поиска определённых цепочек. Твою система сразу выделила важностью первого уровня. А это значит, что тебя будут искать. И если ты, правда, так нужен, то может начаться настоящая охота...

– Что такого система нашла в моей ДНК?

– Я же не генный инженер и не могу тебе сказать точно, – собеседник снова усмехнулся. – База на Земле очень ограничена и расшифровку не показывает.

Я сидел в ступоре, не зная, что ответить. Тогда Окто продолжил:

– Из уважения к внеземной жизни расы людей я решил предупредить тебя. Раз система выделила тебя первым уровнем, охотники не побоятся спуститься на запрещённую для посадки планету.

– Что же мне делать? – пробормотал я себе под нос.

– Не знаю, Маркус. Могу только пожелать тебе удачи. Но, если тебя найдут, обо мне не упоминай, слишком уж полюбилась мне эта планета.

Окто снова тяжело вздохнул и встал со скамейки. Размеренным шагом, не оборачиваясь, он пошёл по алле в сторону выхода из парка. Я не смог вытянуть из себя ни единого слова на прощание, но мысленно поблагодарил старика.

Этой ночью мне приснился открытый космос. Я видел его так отчётливо, словно всё происходило наяву. Звёзды светились небольшими фонариками на тле чёрного немого пространства. Казалось, что я медленно парил в невесомости. Мимо меня проплывали уникальные экзопланеты. Какие-то казались голубыми с фиолетовыми пятнами на материках, а где-то удавалось даже разглядеть горные хребты и озёра. Я видел цветные облака: они то переливались пурпурными красками, то были привычно белыми. Завораживающая картина. В пучине мрачного космоса мне чувствовалось что-то родное, что-то отдающее теплом в груди. Словно я рыба, давно позабывшая вкус воды...

Прозвенел будильник, и картина в голове размазалась. Мне хотелось ухватиться за ближайший астероид и витать дальше. Но я все же проснулся и стал собираться в школу.

Занятия прошли, как обычно, скучно, я давно изучил программу, и в кружке по плаванию снова всех обогнал. Тренеры пытались меня отправить на спортивные межгородские соревнования, но я привычно отказался. Не поехал обратно на электроавтобусе вместе со всеми детьми, хотел прогуляться пешком. Летняя свежесть пропитывала воздух. Пиджак я нёс в руках, наслаждаясь теплом. Помня о предупреждении Окто, я старался сохранять бдительность. Мне нужно было встретить Элиз, она уже ждала. Я решил срезать путь через улочки старых домов.

В пустынном закоулке мне навстречу вышли три ничем не примечательных мужчины. Я бы прошёл мимо, но они остановились передо мной. На миг я застыл, испугавшись.

– Ты же Маркус? – бесцеремонно спросил один из них.

– Да, я. Что вам надо? – совершенно спокойно ответил я и попытался их обойти.

– Тебе следует пройти с нами, – ответил тот же мужчина, а другой тем временем перегородил мне путь.

– Нет, – внешне я был спокоен, но внутри закипала злость.

Мужчина в центре попытался замахнуться на меня. Но я вовремя увернулся, пряча голову от удара, и чуть не упал. Тогда замахнулся второй, но мне снова удалось увернуться и ответить ударом ноги ему в живот. А вот третий, который говорил со мной, снял перчатку и резко схватил меня за горло металлической рукой. Видимо, это был кибернетический протез, о каких я только в фантастике читал. Нападавший с лёгкостью поднял меня и приложил к стене.

– Тебе повезло, что ты нужен нам живым, – по-дьявольски зло пробурчал он.

– Я не тот, кто вам нужен, – прохрипел я, пытаясь высвободиться.

Мне становилось тяжело дышать, а эти ублюдки ждали пока я отключусь. Через несколько секунд стало невыносимо жарко. Это странное ощущение, будто сгорю изнутри. Неожиданно взгляд мужчины, державшего меня за горло, сменился удивлением, и его хватка ослабла. Через несколько секунд я упал на асфальт, пытаясь отдышаться и прокашляться. А с шеи вниз стекало расплавленное железо. Двое других достали пистолеты, которые я видел только в книгах, и уже направили их на меня, целясь в ноги.

Неожиданно выстрел из-за угла лишил моего мучителя головы, размазав её по асфальту и обрызгав меня кровавой массой. Его тело простояло ещё несколько секунд, прежде чем рухнуть на землю. Из-за того же угла, откуда слышался выстрел, вышел Окто и продолжил стрелять в других нападавших. Те отстреливались, удирая из переулка. Я закрывал голову руками в страхе словить шальной заряд. Моё тело медленно остывало. Окто стрелял до тех пор, пока нападавшие не убрались. А после он подошёл ко мне и помог подняться. Еле сдерживая рвотные позывы, которые вызывали останки чужой плоти на мне, я с трудом спросил:

– Как ты меня нашёл?

Мне было тяжело дышать.

– Проследил от школы. И они, видимо, тоже, – старик демонстративно пнул обезглавленное тело.

– Спасибо.

– Тебе лучше спрятаться. Следом придут охотники поопытней, и я тебя защитить не смогу.

– Я не хочу прятаться.

Мне кое-как удалось стереть с лица обгоревшие останки покойника.

– Тогда жить тебе останется недолго...

– С чего вы это взяли? – возмутился я. – И почему помогаете мне?

– Я помогаю не тебе. Раньше я служил в королевском флоте, и моей прямой обязанностью была защита высокородных... Сейчас по инерции делаю тоже самое... – он посмотрел на мою шею, на которой уже остывал металл. – Я отведу тебя в больницу, и сделаю так, чтобы вопросов там не задавали. Служба безопасности и тут всё почистит.

Я молча кивнул. Окто связался с начальством по мульти-сфере, объяснил ситуацию и попросил предоставить «группу зачистки».

– Откуда у вас такое оружие? – спросил я по пути в больницу.

– Осталось с моего корабля. Плазменные пистолеты не требуют подзарядки, – он снова достал небольшой пистолет и показал мне портативный реактор для автоматической зарядки.

– Что они хотели сделать со мной? – спросил я.

– Продать ген-инженерам подороже... Старая схема.

Пришлось перенести встречу с Элиз на завтра. В больнице я провёл весь остаток дня. Окто не соврал, и все вопросы задавали ему. Как я понял, он объяснил мои повреждения тем, что я оказался случайно вовлечённым в разборку с отверженными. Второй раз на этой неделе. Но и неудивительно, они тоже могли хотеть мести. Мою шею обезболили, и расплавленный

металл соскоблили вместе с кожей, нанеся на её место искусственную с помощью особого спрея. Забинтовывать это не потребовалось, кожа должна прирасти в кратчайшие сроки. Окто покинул меня ещё в больнице, но просил связаться с ним, если потребуется помощь. Прятаться я наотрез отказался.

На следующий день после завтрака я, как обычно, вышел из приюта с остальными детьми и направлялся к электроавтобусу, но меня догнала и остановила уже знакомая мне женщина, дотронувшись до моего плеча. Это была та самая инспектор, которая опрашивала нас с Элиз в полицейском участке после нашего тайного прибытия на Землю. Она встревоженно сказала мне:

– Маркус, я, наконец-то, нашла твоих родителей. Пойдём со мной.

– Что? Мои родители утонули в море. Этого быть не может!

Инспектор уже не слушала меня и отошла в сторону от электроавтобуса, подзывая меня идти за ней. Я на мгновение застыл в смятении, но подошёл.

– Послушайте, это какая-то ошибка!

– Ошибки быть не может. Маркус, мы сверили ДНК. Тебе нужно собрать вещи, и тебя скоро заберут.

– Откуда у вас моя ДНК? – я был в смятении.

– Ты кровь в больнице сдавал. Раньше ты отказывался, и мы не могли занести твои данные в базу. А вчера, наконец-то, смогли. Понимаешь, по системе ДНК проще искать родственников.

– В больнице это сделали без моего разрешения. Они говорили, что только проверят на токсины!

Я был дико возмущён. Но чему тут удивляться, Окто же предупредил...

– До твоего совершеннолетия они имеют право добавлять данные в базу и без твоего согласия, – объяснила инспектор.

Я помолчал пару минут и спросил:

– А если я не захочу идти к родителям?

– Боюсь, сейчас у тебя нет выбора. Но если что-то в семье покажется тебе неприемлемым, ты можешь вызвать меня, и я верну тебя в приют на законных основаниях. Но, – инспектор выдержала небольшую паузу, – тебе понравится новый дом.

– Почему вы так решили?

– Скажу тебе по секрету, что со мной связался один из высших чиновников. Видимо, твои родители уже давно тебя ищут. Я предполагаю, что они очень богаты или влиятельны, если у них есть друзья в парламенте. Так ты будешь собираться? За тобой уже вот-вот придут! – она проверила время на мульти-сфере.

– Иду, – раздосадовано ответил я.

– Я буду ждать тебя у входа, – почему-то в этих её словах мне послышалось, будто она нервничает.

Я поднялся в комнату и уже принялся собирать свои вещи, как в голову пришла мысль сбежать по пожарной лестнице. Но окно нашей комнаты выходило на фронтальную сторону здания, меня бы заметили. Тогда я придумал подняться на крышу и спрятаться на какое-то время там.

Вещи уже были собраны в рюкзак, и я открыл окно, чтобы подняться наверх. В этот момент к приюту подъехали три солидных чёрных электромобиля. Из центрального вышли двое высоких мужчин в чёрных костюмах. Они встали у задних дверей машины, один из них распахнул дверь и подал руку женщине, которая выходила. Я пристально на неё смотрел. Это была молодая женщина с мертвенно-белой кожей, прямо как у меня. Выше меня примерно на голову, если сравнивать с окружающими, но при этом она казалась миниатюрной. И на носу у неё горбинка, опять же, как у меня! Глаза женщины скрывали солнцезащитные очки. Незнакомка была одета в длинное атласное чёрное платье, а на ногах поблёскивали такие же

чёрные туфли. Я не мог отделаться от чувства, что где-то уже видел её. К неизвестной подошла инспектор из службы по охране детей, которая, должна была ждать меня у входа, и они о чём-то разговаривали. Я уже усомнился, стоит ли мне от неё бежать, и в полном смятении продолжал смотреть в окно. Не о ней ли предупреждал Окто?

Неожиданно в комнату вошла Виола, и я обернулся от распахнутого окна.

– Маркус, ты готов? – спросила она.

– Да, – неуверенно ответил я и закрыл окно.

– Мы будем скучать по тебе, – воспитательница подошла и обняла меня, отчего я немного смутился.

– Я тоже. Вы прощаетесь с ребятами за меня?

– Конечно! – она грустно улыбалась.

Виола проводила меня к машинам. По пути она всё рассказывала, как же мне повезло, что нашлись родители, и у меня будет нормальная жизнь. Я слушал её через слово, мои мысли занимала только женщина в атласном платье. Неужели и, правда, она может быть моей родственницей?

Инспектор снова напомнила, что в случае чего можно связаться с ней в любой момент. Я поблагодарил её и воспитательницу. А женщину, которую видел из окна, уже снова сидела в машине. Мне казалось, что она хотя бы встретит меня, но я ошибся. Один из мужчин открыл передо мной дверь электромобиля, и я сел в машину. Через секунду дверь захлопнулась, а я всё ещё смотрел на приют. Мы тронулись, и только тогда я взглянул на женщину, сидящую рядом. На её лице не было ни морщинки, словно ей не больше тридцати стандартных лет. Она непреклонно молчала, глядя в одну точку перед собой, до тех пор, пока я не заговорил первый:

– Кто вы? – тихо спросил я на общеземном языке.

– Твоя мать.

Она отвечала угрюмо, словно и вовсе не рада меня видеть. Хотя так, наверно, и было. Женщина отвернулась к окну.

– У меня нет родителей, в этом я уверен, – заявил я.

Собеседница тихо рассмеялась и добавила:

– У всех живых существ есть родители.

– Что вы хотите этим сказать?

– Не у всех из нас было радостное детство, но мы все как-то появились на свет, – безразлично ответила она.

– С чего вы взяли, что именно вы моя мать?

– ДНК не врёт. Я искала тебя уже давно.

Женщина говорила холодно. За её длинным светлыми волосами я заметил что-то знакомое. И меня осенило, это же коммуникатор! Тогда, вероятнее всего, женщина говорила правду.

– Куда мы едем? – спросил я уже на общем языке с корабля Гемилиона, надеясь, что она меня поймёт и ответов будет больше.

– Домой, – она ответила на таком же языке, и отключила свой коммуникатор. – Откуда ты знаешь этот язык?

– Давайте сначала вы ответите на мой вопрос, а потом я на ваш. Так будет честно. Как вас зовут?

– Химера, – произнесла она. – А ты знаешь, как зовут тебя?

– Маркус. Или вы дали мне какое-то другое имя?

– Я думала над этим, но, в целом, и имя «Маркус» сойдёт. Маркус Гиронимус – более полное имя. Звучит неплохо, – казалось, она на мгновение задумалась.

– Так «Г» – это значит, Гиронимус? Эта буква на моей шее? – спросил я, отодвигая прядь волос, за которыми пряталось родимое пятно.

– Да, этот знак на теле есть у всех прямых потомков, – ответила мать и показала свой – такой же – за длинными волосами. – Так, как ты попал на Землю, Маркус?

– Я некоторое время путешествовал на корабле одного доктора, который спасал детей, чтобы потом убивать их своими экспериментами. Это если коротко.

– А что же с ним стало? – у неё плохо получалось изображать интерес.

– Я его убил, – ответил я с усмешкой. – Так всё же, куда мы едем?

– На планету Лоракс. Ты слышал о такой?

Я отрицательно помотал головой и спросил:

– Что это за планета?

– Увидишь, как прилетим. Это не описать словами.

Химера говорила с наигранным воодушевлением.

– Я смогу вернуться на Землю, если мне там не понравится?

– Полагаю, мы что-нибудь придумаем. Но тебе не может там не понравиться, – уголок её рта слегка приподнялся в подобие улыбки.

– Почему вы так в этом уверены? – спросил я с иронией.

– Ты всё увидишь, и тебе всё расскажут. Я, если честно, думала, что ты вырос на Земле, и нам будет гораздо сложнее преподнести тебе мир другой планеты.

– Я вырос на Амаране номер шесть и видел ещё десятки разных планет. Не думаю, что меня можно удивить.

– Интересно... – она замолчала на мгновение и добавила: – Поверь, самое интересное тебя ждёт впереди.

Её слова привели меня в замешательство. Мне казалось всегда, что я несказанно обрадуюсь встрече с кем-то из родителей, но теперь не испытывал к матери ровным счётом ничего. Искра любопытства пронизывала моё сознание. Возможно, это был шанс, которого я ждал всю жизнь, а, может, большая ошибка.

Электромобили припарковались возле аэропорта. Мужчины вышли и открыли нам двери. Я покорно вышел и последовал за ними. Мы не пошли к кассам покупать билеты или на регистрацию, как другие пассажиры в аэропорту, а отправились сразу на посадку – напрямик к взлётной полосе. Нас ждал огромный самолёт, на нём виднелась одна только буква «G» вместо привычного названия авиалинии. Ни у кого, кроме меня, не было с собой багажа. Мы сразу поднялись по трапу на борт. Вскоре все двери были закрыты, и самолёт резко начал взлетать. Всё происходило очень быстро.

Раньше я видел самолёты только на картинках или голограммах. Наше воздушное судно показалось внутри необычным. Не прозвучало просьба пристегнуть ремни безопасности, и все сидели без них. Только через пару минут я заметил, что этих ремней и вовсе нет у сидений. А мест в кабине было восемь, что очень странно для такого огромного снаружи лайнера. Внутри он был не больше моей комнаты в приюте. На борту находилось всего восемь человек: я, Химера, пятеро её охранников и один пилот. Удивительно, но в кабине не было ни одного иллюминатора, а рядом с каждым креслом стоял столик, не прибитый к полу. Возле Химеры даже стояла ваза с земными розами. Они казались огненно-алыми на фоне бледной кожи моей матери.

После быстрого взлёта включилось искусственное освещение кабины, и самолёт освещался изнутри зеленоватым свечением с пола и до потолка. Оно чем-то напоминало лампы для роста растений, которые использовали земляне на фермах. Через несколько минут полёта, Химера обратилась к одному из сопровождающих мужчин, сидящему напротив меня:

– Люциус, у тебя лучше получится объяснить Маркусу, что сейчас произойдёт.

Он вежливо ответил:

– Конечно, Ваше Величайшее Величество.

Что значит «ваше величайшее величество»? Она – принцесса или, быть может, королева? А кто тогда я, да и зачем я ей нужен? Вопросы накапливались в голове. Ну, по крайней мере, меня не собирались продать по частям генным инженерам...

Люциус, статный темнокожий мужчина без волос на голове, напоминал мне великана, выше меня на две головы, а в ширине плеч могли поместиться трое таких, как я. Верзила с пониманием посмотрел на меня и после некоторой паузы объяснил:

– Вам, должно быть, это всё в новинку, но Вы летите на планету Лоракс...

Пока он говорил, мне казалось, что я снова сплю. Оказалось, самолёт – это обман зрения для землян, на самом деле, мы сидели в шлюпке космического корабля. На нашей капсуле было «надето» несколько тонн муляжа, поэтому внешне она напоминала земной самолёт. Инженеры с этого Лоракса давно придумали простой способ, чтобы попадать на Землю и оставаться незамеченными. Оказаться на Земле проще, чем улететь с неё.

При входе в атмосферу шлюпка включала режим сливания с окружающей средой, и на нижних слоях замедляла скорость двигателя по максимуму, чтобы радары землян её не засекли. И дальше – самое интересное! Капсулу помещали в специальный ангар и переделывали под самолет, который уже отгонялся в аэропорт. Либо сразу шлюпку переделывали под «самолёт» на другой планете, но тогда подготовка занимала больше времени, и приходилось выбирать капсулу с хорошим защитным полем.

Люциус сделал паузу в этом увлекательном рассказе, очевидно, уточняя время, и незамедлительно проинформировал меня:

– Через десять минут по местному времени радары ближайших городов отключатся на полчаса, и мы спокойно выйдем за пределы атмосферы. Там тонны муляжа автоматически отвалятся от шлюпки, и сгорят, не долетев до земли. Нет смысла брать с собой всю эту маскировку на королевский корабль, который уже ожидает нас, чтобы доставить вас на Лоракс.

– Мне только одно не понятно, как вы заставите радары землян отключиться? – я, наконец, вышел из оцепенения от услышанного.

– Некоторые люди в парламенте Земли уже знают о нашем существовании и с радостью помогают нам оставаться незамеченными, пока время раскрыться не придёт, – с улыбкой ответил верзила.

– А когда же придёт это время для Земли?

– Это зависит только от землян. Они подходят под все условия, кроме развития космической промышленности. Обычно планетам сообщают о том, что они не одни во Вселенной, когда её жители уже близки к тому, чтобы самим это понять. Поэтому мы внимательно следим за подобными планетами.

Всё случилось так, как говорил Люциус. Через пятнадцать минут шлюпка стремительно полетела вверх, и мы вышли за пределы атмосферы. Раздался треск вокруг кабины, и тонны муляжа отсоединились. Шлюпка летела очень ровно, ни на секунду не потеряв искусственную гравитацию. Ещё через двадцать минут, раздался непродолжительный скрип вверху кабины, и она медленно остановилась. Это шлюзы большого космического корабля открывались для нашей шлюпки.

Глава 4. «Локаркс»

Одна из стен кабины свернулась, словно жалюзи, и мне в глаза ударил яркий белый свет. Через минуту мы уже спустились по трапу в грузовой отсек громадного космического лайнера. Я сразу огляделся.

Освещение было ярким, а искусственная атмосфера позволяла легко дышать. Я почувствовал лёгкость в ногах, словно сила притяжения тут значительно меньше. Снаружи наша шлюпка напоминала объёмный вытянутый овал серо-металлического цвета с небольшими царапинами на корпусе, которые видимо остались от муляжа.

Корабль поражал меня своими масштабами. Он мог бы спокойно вместить целый земной город, в котором мы находились ещё чуть больше часа назад. Отсек для небольших космических кораблей напоминал огромную подземную парковку, где десятки маленьких аппаратов были припаркованы над своими шлюзами. Мы вышли в длинный белый коридор, на стенах которого красовались картины с различных планет в люминесцентных рамках.

Химера оставила нас с Люциусом, чтобы тот отвёл меня в комнату и ответил на неизбежные вопросы. Мы прошли несколько красивых залов с колоннами, соединявшими коридоры корабля, пока не вышли к огромному иллюминатору, тянущемуся сквозь весь проход, и я застыл. Земля оставалась такой же прекрасной, как и пять стандартных лет назад. Мой взгляд манили её движущиеся скопления белых облаков. Я разглядывал эту прекрасную планету ещё минут десять, пока Люциус не позвал меня идти дальше.

С каждым поворотом коридоры со множеством расписных дверей становились всё больше и красочнее. Вскоре мы вышли в огромный роскошный зал в старинном стиле, с изящными дверьми в каждой стене двух этажей. Мы поднялись наверх по винтовой лестнице со светящимися белыми ступеньками. Люциус открыл одну из дверей, которая, казалось, была вдвое выше моего роста, и мы вошли. Каюта напоминала комнату королевского замка из старых земных книжек, только со всеми современными удобствами. Посреди неё стояла большая кровать с белым кружевным покрывалом. Вся мебель комнаты не имела ножек, а фиксировалась в воздухе с помощью силы обратной гравитации. Люциус подошёл к стене и нажал выключатель у светильника в углу. Поверхность поднялась, словно жалюзи у окна, и моему взору открылся огромный иллюминатор с пола до потолка. Я присел на угол мягкой кровати.

– Нам лететь до Лоракса примерно пять стандартных дней, и за это время мы три раза достигнем скорости света перед совершением квантовых скачков, чтобы преодолеть миллиарды световых лет. Для вашей безопасности находитесь в своей каюте всё это время. Я заберу вас по прибытии, – объяснил Люциус.

– А почему нельзя пересечь расстояние за один прыжок? – удивлённо спросил я.

– Корабль оснащён квантовым двигателем первого класса, и значит, мы будем двигаться с самой высокой скоростью, которую только может вообразить человек. В сотни раз превышающей саму скорость света. Но корабль не может пройти там, где большие скопления космических тел. Для этого расчищают космические пути. Вы можете представить, что будет с планетой, если в неё врезаться с такой скоростью? – он на мгновение посмотрел в мои округлившиеся от удивления глаза. – Мы будем двигаться по расчищенному пространству и замедляться там, где находятся планеты вселенской сети, чтобы их не повредить. Поэтому и три прыжка.

– Это всё так удивительно и ново для меня, – пробормотал я. – Но больше всего удивляет то, что тут меня не хотят убить и распродать по частям.

– Скоро вы не сможете себе представить жизнь без этих технологий, – усмехнулся Люциус. – А ваша собственная жизнь и, правда, высоко ценится, поэтому я приставлен для охраны.

Почти весь остаток дня я смотрел в иллюминатор. Мимо корабля стремительно проносились тысячи планет. А после квантового скачка картинка космоса резко менялась, и скорость корабля замедлялась. Тогда в моей голове просыпался странный шёпот. Всё ещё не внятный.

Я бы мог вечно смотреть на бесконечные просторы галактик и одиноких звёзд, пытаться сосредоточиться на этом шёпоте в голове, но Люциус прервал меня, принесёв обед. Такой еды я ещё не пробовал: она не имела вкуса, если не считать специй, казалась чем-то искусственным, в отличие от земной.

После обеда Люциус вежливо предложил:

– Если хотите, могу показать вам корабль.

Я обрадовался и воскликнул:

– Конечно, хочу!

В большом зале за дверью моей каюты, по словам Люциуса, располагались каюты для членов моей семьи. Затем мы снова оказались в изящных длинных коридорах с картинами, где располагались каюты для команды корабля и множество подсобных помещений. Но мой сопровождающий хотел показать мне отнюдь не скучные стены, а комнаты отдыха персонала.

Мы спустились на нижний уровень космического судна, где играла весёлая музыка, и все развлечения находились в одном помещении. Сотни членов экипажа смотрели голо-фильмы, пили коктейли у светящегося яркими красками бара, общались, сидя на воздушных креслах, или танцевали.

Люциус предложил присесть за один из столиков возле бара, где музыка играла не слишком громко. У стульев и самого стола не было ножек опоры, как в земных вариациях мебели, они держались за счёт той же силы обратной искусственной гравитации. Мой спутник взял в баре два коктейля из дендрисового вина голубого цвета и тарелку закусок, напоминающих обгорелые куриные крылья. Тарелки и стаканы были сделаны из белозерного хрусталя, который был тоньше иглолки в несколько раз, но и в разы прочнее её.

– Можете спрашивать меня, о чём угодно, пока у меня есть время ответить на интересующие вас вопросы, – предложил Люциус.

– Спасибо, в самом деле, у меня столько вопросов. Вы можете объяснить: насколько далеко Лоракс находится от Земли?

– В световых годах сказать не могу. Млечный путь находится на границе Вселенной, а Лоракс – в самом её центре. Их отделяют друг от друга несколько миллиардов световых лет. Лоракс – необычная планета, каких во множестве вы могли наблюдать в космосе. Это столица Вселенной с резиденцией вашей семьи. Про ваш род меня просили не рассказывать. По прибытии вас встретят другие родственники и всё объяснят.

– Граница? Мне всегда говорили, что Вселенная – это безграничное космическое пространство, – удивлённо выдал я.

– Да, граница, – он сделал большой вдох и отпил коктейля, – Мы с вами находимся внутри гигантского космического шара, который имеет свойство расширяться. За счёт такого расширения образуются облака из межзвёздного газа и пыли, которые собираются в новые звёзды, а те постепенно порождают новые галактики. Это называется процессом галоформирования. Если вдруг корабль пересечёт такую границу, то окажется на равноудалённой границе в другой стороне Вселенной, то есть, влетит с одной стороны, а вылетит с другой. Но такие перемещения очень опасны: в процессе пересечения границ клетки наших тел умирают с бешеной скоростью, поскольку меняется время и пространство. Люди, которые совершали подобные прыжки, редко выживали, а если такое случалось, они возвращались глубокими стариками.

– Поразительно, – сказал я и отпил сладковатого коктейля из своего бокала. – Но всё же я так и не понял, чем Лоракс отличается от других планет?

– Это самая большая планета в известной Вселенной. Она настолько огромна, что её освещают две звезды, которые вращаются вокруг неё на равноудалённом расстоянии.

– Разве такое возможно? Это нарушает все законы физики, согласно которым планеты вращаются вокруг звёзд. Получается, что там всегда день?

– С Лораксом всё возможно, – Люциус рассмеялся и продолжил свой рассказ: – Согласно легендам, эта планета была одной из первых в нашей Вселенной, тогда даже законы физики работали иначе. Остальные планеты такого типа давно разрушились после взрыва их звёзд, а звёзды Локарса смогли вовремя заменить с помощью могущественной древней магии космоса. Но это легенда из учебников вселенской истории, и никто не знает, насколько она правдива. Во время одних суток на Лораксе проходит два дня и две ночи. Темноты, конечно, меньше, чем света, но на восемь часов сна хватит.

– А на Лораксе магия ещё сохранилась?

– Эх, – Люциус тяжело вздохнул, – магии так мало осталось во Вселенной. Но есть древние дома, которые намерены её сохранять и дальше, поэтому они тщательно выбирают, с кем породниться.

– А остались ли люди, которые могут научить меня магии? – воодушевлённо спросил я с лёгкой улыбкой.

– Вы, видимо, не верно поняли, магами не становятся, ими можно только родиться.

– Но те, кто рождаются со способностями, где-то же учатся их развивать? – не сдавался я, эта тема интересовала меня превыше остальных.

– Да, во Вселенной осталось всего три академии магии, но, чтобы поступить туда, нужно доказать комиссии, что у вас, и правда, есть способности, – он на мгновение задумался. – А они у вас есть?

– Да, но я давно не практиковал...

Я поглядел на стакан с голубым напитком и ещё несколько минут так пристально смотрел. Мне стоило больших усилий поднять его на десять сантиметров от стола. Мне не удавалось удержать равновесие, и напиток начал расплёскиваться. Я закрыл глаза, и бокал опрокинулся вместе со всем содержимым прямо передо мной.

– Такого фокуса мало, чтобы поступить в академию, – рассмеялся Люциус. – Но, думаю, если у вас прирождённый талант, ваша семья не поскупится на репетитора, – сказал он уже без иронии, подзывая бармена для уборки на столе.

– Я на это надеюсь, – улыбаясь, произнёс я.

Дендрисовое вино слегка ударило в голову, а музыка в комнате, переливающейся огнями, веселила душу. Я попросил Люциуса сопроводить меня к голо-фильму, и он любезно согласился, взяв с собой ещё целую бутылку голубого напитка. В этом углу помещения почти не было слышно музыки, и десятки человек сидели на антигравитационных стульях вокруг проектора с голограммой. Это была весёлая комедия о каком-то рыцаре и его путешествиях в древней Вселенной. С ним постоянно случались казусы, и от этого все смеялись. Когда мы досмотрели фильм, была уже глубокая ночь по земному времени, и в комнате отдыха оставалась всего пара человек. Я уж было хотел попросить включить следующий фильм, но Люциус сказал, что очень устал за день, и проводил меня до каюты. По пути, он попросил меня не рассказывать своей матери о том, что я выходил, чтобы ему избежать неприятностей.

По ощущениям я проспал минимум часов двенадцать. Так сладко мне давно не спалось: эта кровать была, несомненно, самой удобной в моей жизни. Проснувшись, я ещё долго лежал, поглядывая в огромный иллюминатор. Вслушивался в космический шепот, так манящий меня. Я решился расстаться с кроватью только, когда принесли обед.

Время шло медленно. После плотного обеда я ещё час провалялся в своей личной ванне, а по возвращению в спальню удивлённо обнаружил, что кровать аккуратно заправлена, и на ней лежат новые вещи. Мой взгляд упал на чёрный пиджак с большими острыми шипами на плечах, каждый из которых размером с палец. Я поспешно примерил наряд, к которому шли металлические туфли в цвет шипов пиджака, но они показались слишком громоздкими, и я

остался в своих самозавязывающихся чёрно-белых кедах. Вместо странной рубашки я решил скомбинировать пиджак и зауженные брюки того же цвета с классической белой футболкой, которую забрал с Земли. Стянув волосы в хвост, я стал разглядывать новый костюм в левитировавшее в углу комнаты зеркало.

Не прошло и минуты, как моя бодрая улыбка сменилась удивлением. В отражении я увидел за стеклом иллюминатора движущийся к кораблю космический катер. Он стремительно приближался, и я подошёл вплотную к иллюминатору, чтобы разглядеть получше.

Трёхместный катер с острым носом и прозрачным верхом двигался туда-сюда вдоль нашего корабля. Не прошло и десяти минут, как он поравнялся с моим иллюминатором. На обшивке мелкого судна виднелась большая наногравировка в форме буквы «G», поэтому сначала я подумал, что оно с нашего космического лайнера. В катере находились трое: одна женщина в облегающем белом скафандре и двое мужчин – в чёрных. Они поспешно закрыли шлемы, а женщина не отводила взгляд от меня. Мне следовало бы испугаться и позвать на помощь, но я был спокоен. Стекланный верх катера, словно свернулся, и женщина встала в полный рост. Видимо, её ноги крепко примагнитились к полу. Не прошло и секунды, как неизвестная положила себе на плечо длинную протонную пушку, чем-то напоминавшую продвинутую версию огнемёта, и усмехнулась, а я только и успел прочесть по её губам: «Не думала, что это будет так легко». Страх мгновенно охватил меня, и я бросился бежать к двери. Женщина выпустила протонный заряд в иллюминатор.

Я не успел добежать до двери, как взрывная волна откинула меня к стене. Резкая боль пронзила лоб справа. Я не успел ничего понять, как меня вместе с воздухом выкинуло из каюты в открытый космос. Сознание отключилось на время.

Когда я очнулся, в ушах ещё слышались отголоски взрыва. Мне уже не было больно. Я попытался сделать вдох, но не мог, вокруг не было кислорода, и тело, словно автоматически, отключило эту потребность. Глаза с трудом открылись только через пару минут, и я осознал, что парю в невесомости далеко от нашего остановившегося корабля. Мне не было холодно. Я чувствовал лёгкую слабость в теле. Не спеша поднял голову и развернулся в вертикальное положение. Тело парило в космосе, словно это его родная среда. Но смотрел я не на корабль матери и не на удирающий катер нападавших, а на самую яркую звезду вдалеке.

Тепло пробежало по телу, оно словно почувствовало невидимую связь со светилом. Внутри моих глаз ощущалось нечто горячее и пылающее. Они заслезились, и несколько капель влаги оказались в невесомости и плыли рядом со мной. На несколько секунд я почувствовал в себе мощь, невидимого радаром, пылающего светила. И этих мгновений хватило, чтобы рефлекторно отправить огненную силу звезды к вражескому катеру. Пылающий луч пронзил мелкое судёнышко своим светом, и мощи его хватило, чтобы расплавить катер в одно мгновение.

Не успел я опомниться, как пространство вокруг меня наполнилось пеплом сгоревших тел и мельчайшими обгоревшими обломками катера. Моё тело, словно наполнилось воодушевлением самой звезды. Словно это вовсе не моих рук дело. Я уже не думал о смерти, а испытывал небывалый восторг. Как будто я – рыба, которая соскучилась по воде. Моё окровавленное от ран лицо расплылось в адской улыбке, и ещё долго я наслаждался чувством самого настоящего удовлетворения, какого не испытывал никогда!

Вскоре мои мысли вернулись в прежнее русло, и я обернулся к лайнеру, и только тогда смог увидеть его во всей красе. Это была громадная чёрная металлическая сфера, с симметричным равновесным корпусом. Но она не была цельной. Корпус пронизывало множество космических коридоров, которые сходились к центру, где находился громадный квантовый двигатель. А множество гидроламп со специальной светящейся жидкостью, обвивали и освещали сферу корабля со всех сторон. С каждой стороны сферы красовалась наногравировка в форме буквы «G».

Нижние шлюзы лайнера открылись, и оттуда стремительно вылетел катер такого же типа, как у нападавших, только двухместный. Он медленно подлетел ко мне, и я смог рассмотреть Люциуса за штурвалом. Катер спасения остановился возле моего парящего тела. Люциус поспешно надел на себя шлем от его большого чёрного скафандра, и пристегнул себя ремнями к креслу. Зеркальная крыша опрокинулась назад, и я смог немного проплыть в невесомости вперёд, чтобы ухватиться за угол кабины. Затем я оттолкнулся от неё и перепрыгнул на борт катера. Моё тело приземлилось в кресло второго пилота, но невесомость не давала мне опуститься полностью, и Люциус сразу отдал команду катеру задрать люк. Включился режим искусственной гравитации, и я резко упал на сидение. Люциус отправил наш катер обратно в шлюзы большого корабля.

Мы летели не больше пяти минут, пока космический аппарат не оказался в грузовом отсеке. Шлюзы под нами быстро закрылись, и катер остановился.

Люциус незамедлительно дал команду кораблю свернуть люк, и помог мне выйти из кабины. Он снял шлем и с улыбкой сказал:

– А вот с такими фокусами вас точно примут в любую академию магии!

Я в ответ усмехнулся. От резкого прилива воздуха у меня закружилась голова, и я чуть не упал, но верзила подхватил меня и, придерживая за спину, помог встать ровно. К нам шла Химера. На ней было длинное мерцающее синее платье с объёмными у плеч рукавами. Лицо матери было спокойно, словно ни капли переживания или радости в этот момент она не испытывала. Её сопровождала личная охрана. Химера подошла совсем близко ко мне и спросила:

– Маркус, как ты это сделал? – она наклонилась, и положила руку мне на плечо.

– Я... Не знаю... – мне было тяжело говорить, и я запинаясь. – Оно как-то само получилось.

– Что с твоими глазами? – в её голосе послышалась нотка удивления, она оглядывала меня своим пронзающим взглядом.

– Ничего, я хорошо вижу, – я потёр глаза руками.

– Маркус, твои глаза полыхают огнём.

Химера ещё больше наклонилась и пристально смотрела на меня. В её глазах я увидел отражение своих – в них постепенно меркло сияние загадочного пламени. Меня начинало тошнить, и я еле сдерживал рвотные позывы, голова раскалывалась так, словно её отбивали молотком.

– Тебе плохо? – также холодно спросила Химера.

– Немного, – с трудом ответил я.

– Люциус отведёт тебя к бортовому врачу, а потом в новую каюту. Я приставлю к тебе ещё двоих охранников.

Я поблагодарил мать одним только словом «спасибо», это было всё, на что хватило моих сил. Она ушла, больше не проронив ни звука, а излучаемый ею холод, словно шлейфом тянулся за ней.

Люциус придерживал меня, пока мы недолго шли до медицинского отсека корабля. Пошатываясь, я шёл с закрытыми глазами, стараясь не свалиться от бессилия. Этот путь оказался мне вечностью.

Я открыл веки только тогда, когда Люциус уложил меня на антигравитационную кушетку медпункта. Всё расплывалось перед глазами. Помню несколько размытых человеческих фигур, нависших надо мной...

Моё сознание отключилось на несколько дней, как выяснилось позже. Я проснулся в другой каюте, очень напоминавшей предыдущую. Иллюминатор в стене был закрыт, а свет включился автоматически, как только я поднял голову с подушки. В теле ощущалась слабость, но боли уже не было. Я медленно встал и заметил, что меня переодели в белую пижаму. Большое левитирующее зеркало находилось в паре шагов от меня. Я медленно подошёл к нему и

посмотрел на себя. Вид оставлял желать лучшего: казалось, что моя бледная кожа стала ещё бледнее, лицо опухло, и образовались большие синяки под глазами. А вот от поперечной раны на лбу осталась небольшая полоска, почти зажившей кожи. Мне страшно хотелось есть и пить. Но как только я собрался выйти из каюты, чтобы кого-то позвать, двери открылись, и вошёл Люциус с подносом еды.

Я сел на кровати и принялся жадно есть. У супа был непонятный искусственный привкус, но в тот момент и он казался чем-то божественным. На подносе пометилось несколько блюд, и закончив есть суп, я тут же приступил к следующему.

Люциус активировал переносной антигравитационный стул и сел на него напротив меня. Он сначала поинтересовался о моём самочувствии. Я с набитым ртом пробормотал, что уже всё хорошо. Тогда Люциус рассказал, что день после происшествия я лежал под автокапельницами в медицинском пункте корабля, потом меня перенесли сюда. Он объяснил, что у меня два сердца, которые почему-то на время замедлили свой ход.

Я очень удивился факту наличия двух сердец в моём организме, раньше об этом никто не говорил. Хотя после корабля Гемилиона я больше никогда не давался на полные обследования, а покойный доктор говорил, что я сильно отличаюсь от других детей.

Еды на подносе больше не осталось, – и чувства голода, как не бывало. У меня не нашлось слов, чтобы что-то ответить на рассказ Люциуса. Он, видя моё смятение, подошёл к белой стене и открыл такой же огромный иллюминатор, как в прошлой каюте.

Люциус посмотрел на освещаемый звёздами космос с виднеющимися планетами вдали и вдохновенно сказал:

– Это Лоракс.

Он указал на большую планету, которая с каждой секундой становилась всё больше. Я замер. Это была настолько величественная планета, что звёзды на её фоне казались мелкими пучками света. Её усеивали туманы и облака разных цветов: от ярко-голубого до зелено-жёлтого. Ещё через пару минут я увидел океаны планеты тёмно-голубого цвета, которые составляли малую её часть.

Две звезды освещали Лоракс на равном расстоянии так, что между двумя полушариями света скрывалась темень. Но самое удивительное, что это были не обыкновенные одиночные светила, а целые звёздные системы. На их орбитах кружились другие планеты разных цветов и размеров. Вокруг планеты вращалось множество искусственных спутников, отливающих блеском в космической мгле. По истине завораживающее зрелище.

Мой новый друг сказал, что мы прибудем в резиденцию нашей семьи в течение часа, и мне нужно переодеваться. Он вышел из каюты, и чуть позже другой член команды принёс новый костюм, созданный из незнакомой мне ткани – гладкой и приятной на ощупь. Верх состоял из пышной рубахи тёмно-синего цвета, а низ – из объёмных брюк. К одежде полагалась невиданная блестящая обувь чёрного цвета, но я увидел, что в углу комнаты всё ещё стояли мои кеды, которые уцелели после выхода в открытый космос, и я предпочёл их. Поверх костюма полагалось надеть длинную чёрную мантию с капюшоном, а волосы я привычно стянул в хвост.

Космос остался далеко позади, и из иллюминатора виднелась поверхность Лоракса со своими туманностями. Перед нами открылось окно защитного электромагнитного поля, подобное тому, что я видел на Домироне в детстве. Только вот поле Лоракса оказалось в несколько раз толще. Ещё через пару минут мы спустились к облакам, и в иллюминатор можно было наблюдать красивую белую дымку.

Люциус пришёл за мной, и мы последовали к главному шлюзу с трапами. Как я понял, мы выходили последними с корабля. Космическое судно приземлилось в огромном космодроме под землёй, на потолке закрывались шлюзы. А за ними я успел увидеть светлое небо и очертания зелёной планеты вдали.

Экипаж корабля расходился по сторонам, Химера не попалась мне на глаза. Множество людей в чёрной и синей форме с нашивкой в форме буквы «G» на груди, разбегались, вынося с судна огромный багаж. Большая часть грузов выносилась на антигравитационных подушках, которыми уже и управляли члены экипажа. Мне хотелось всё рассмотреть, но Люциус торопил, приговаривая, что моего прибытия ждут. Только вот непонятно, кто ждёт...

Мы вышли из космодрома в небольшой коридор, ведущий к гравитационному лифту. И за минуту поднялись на поверхность.

Из пункта перемещений мы последовали по длинной аллее, ведущей к замку неописуемых размеров. Конца и края стен с земли не было видно. А сверкающие в дневном свете звёзд башни вздымались в небо. По обеим сторонам аллеи росли высокие деревья, напоминавшие земную японскую вишню, только цветы их были не нежно-розовые, а ярко-голубые. Они источали приятный сладковатый аромат, который разливался повсюду. Да и бабочки тут были совсем необычные: в несколько раз больше своих земных сородичей, их крылья переливались всеми цветами: от светло-оранжевого до пурпурно-чёрного. Они кружили вокруг красочных бутонов. Яркими цветами был усыпан весь сад по обе стороны аллеи.

Мы приближались всё ближе к нашему родовому замку. Подобных построек я не видел никогда, даже на самых отдалённых планетах. Он был выстроен из серо-чёрного камня и ярусами, башнями вздымался ввысь, так, что даже за облаками виднелись ещё парящие башни замка. Огромные стрельчатые окна окаймляли рамы из чёрного металла. И даже под светом двух солнц они казались необычайно мрачными. Но цветные витражи, резные розетки в стенах, множество барельефов и колонн придавали замку невероятную притягательность и гармонию.

Я насчитал двадцать башен, все они были разной высоты и заострялись кверху. А от угла каждой верхушки устремлялась в небеса другая – на силе обратной искусственной гравитации. Башни отзеркаливали друг друга и уходили всё выше – к самым небесам, так что нельзя было сказать, что таится там, в вышине. Верхушки и основания строений замка были вылиты словно из чистого золота, но это точно было не оно: в металле было много красного оттенка. На макушках башен сверкали камни, словно рубины.

Казалось, что для создания эффекта полного восхищения у всякого посетителя замку не хватало одного рва с крокодилами. Хотя, может, у моей матери имелось и что-то подобное. Мрачный облик дворца говорил о том, что его основали тысячи лет назад. Это была поистине величественная постройка. Пугающая.

Аллея невиданных растений привела нас к огромным воротам, которые мгновенно поднялись наверх при нашем приближении, и мы поспешили войти. Замок поражал изнутри тоже. Пол был сделан из камня, напоминавшего чистый мрамор молочного цвета. Потолок походил на одну сплошную лампу, но его свет не резал глаза. Винтажные лестницы располагались рядом с гравитационными лифтами в углах большого помещения. Гармонично смотрелась и мозаика из осколков драгоценных металлов на стенах главного холла. Она была создана с такой точностью, что изображение пейзажа из далёкой древности выглядело и по сей день реалистично.

Мы прошли к одному из лифтов. Люциус объяснил, что подъёмники в замке сделаны так, чтобы доставлять членов королевской семьи в любое место резиденции всего за несколько минут. Он работает, как звено в огромном лабиринте, и нужно указать конечный выход. Люциус набрал команду на голо-мониторе у стены шахты, и лифт понёс нас вверх, влево, вправо, снова вверх и дальше. Как только он остановился, Люциус вежливо попросил меня выйти. Я так и сделал, а мой друг поехал дальше.

Огромная комната напоминала библиотеку, все стены были обставлены высоченными шкафами с книгами. Словно я попал в далёкое прошлое. А мне навстречу уже тихо шла высо-

кая худая черноволосая женщина. На лице её виднелись маленькие морщинки. Ей было не больше сорока стандартных лет на вид. Она была похожа на Химеру, с такой же горбинкой на носу. Женщина вежливо назвала меня по имени и предложила пройти за ней, чтобы поговорить.

Мы сидели друг напротив друга посреди большого гулкого зала, между нами стоял антикварный столик без применения обратной искусственной гравитации. Служители дворца предложили мне чай из залитовых листьев с Косвена. Они оставили нам чашки с багряным напитком на столике и поспешили удалиться. От женщины веяло холодом, а её лицо не выражало никаких эмоций. Я не решался начать разговор, и она, понимая моё смущение, заговорила первой:

– Знаешь ли ты, Маркус, для чего ты здесь?

– Не знаю. Я, если честно, уже давно перестал что-либо понимать.

– Тогда это будет долгая история. А тебе рассказали, кто я? – она спрашивала спокойно и лаконично.

– Нет, мне рассказывали о вашем мире, но я бы хотел узнать, кто вы, и зачем вам нужен я.

– Меня зовут Изабелла Гиронимус. И я... – она на мгновение замолчала, и, наконец, на её лице появилась лёгкая улыбка, – твоя бабушка. Наш род основали миллионы лет назад. Ещё во времена древности мы начали объединять миры в единую Вселенную. Наши предки сумели завоевать и примирить каждый известный уголок в необъятном космосе. По словам основательницы, девиз нашей семьи звучит так: «Если мы чего-то хотим, то получим, так и не иначе». Эти слова должны относиться и к тебе. За эти миллионы лет никто не смел посягать на нашу власть. Скажи мне, Маркус, ты бы хотел получить в наследство целую Вселенную?

Мне показалось, в этих словах слышалась ирония.

– Я не знаю, честно! – ответил я удивлённо, разводя руками.

– Понимаешь ли, мы во Вселенной – это не просто правящая монархия. Власть – это путь рода, и никак иначе быть не может.

– Что особенного в вашем роде?

– В нашем! – резко поправила собеседница. – Мы сильно генно-модифицированы. И каждый наш наследник – это мощь всех предыдущих поколений. Каждый ребёнок несёт в своих генах информацию родителей, и так до самого начала рода. Либера была первой, кто искоренил в себе страх и жалость, в те далекие времена ещё с помощью древней магии, которой не осталось ныне. А дальше в процессе искусственной эволюции рода мы снизили до минимума нашу эмпатию. Наши наследники – хладнокровные правители, которые не дают чувствам разрушить установленный прядок. Это способствует процветанию разумных существ. И с каждым поколением мы рождаемся сильнее и могущественнее. Мы способны жить до десяти тысяч лет. В генах нашей семьи теперь отсутствует ген старения. Клетки не умирают, но и восстанавливаться вечно они не могут. Гиронимус – это самый долгоживущий род во всей Вселенной. Нас относят к виду «хомоцетус», самый редкий в мире род гуманоидных существ, выведенный искусственно. На межзвёздном рынке господствует генная инженерия. А наше долголетие возможно также благодаря появлению двух сердец, безостановочно бьющихся в груди. Этого в себе ты не мог не заметить.

Изабелла слегка улыбнулась и сделала небольшой глоток чая из кружки, которую не выпускала из рук. Затем она продолжила свой рассказ:

– Остальных органов у нас гораздо меньше, чем у других людей. Это и делает нас в сотню раз более выносливыми и развитыми, чем все остальные. У нас есть все ресурсы, чтобы находить новые способы продления жизни. Моя прабабушка умерла только в прошлом году из-за неудачного эксперимента по восстановлению её генов. Она властвовала Вселенной целых пять тысяч лет прежде, чем передала свою власть. Основатели рода установили для нас определённые правила. Например, становиться правителем Вселенной или какой-то её части можно в

возрасте двадцати одного стандартного года, не раньше. Первой из нашего рода тоже было двадцать один, когда она начала завоёвывать миры. Как Либера на это решилась, она никогда не рассказывала, да и, собственно, не хотела говорить, но мы можем догадываться по легендам. Жениться и выходить замуж можно только за жителей планет первого и второго типов, остальные – не достойны нашего рода. Наследников должно быть не больше десяти, и в конце правления путём испытания выбирается один избранный. Моя дочь до сих пор не выбрала ни одного.

Изабелла снова сделала небольшую паузу, и мне показалось, что-то последний факт слегка печаливает её. Но она спокойно продолжала:

– А я выбрала десять наследников. На мой взгляд, все они были достойны. Тогда по моему приказу они сами решали, какое испытание определит будущего правителя. До сих пор жалею об этом, это одно из немногих событий, которое смогло вызвать глубоко скрытые во мне чувства. Мои дети устроили бойню. Шестеро умерли, трое молили о пощаде, как последние трусы. А победила всех Химера. Приструнила оставшихся братьев и сестёр. Она решила за них, что Вселенная будет принадлежать именно ей, так и не иначе. Хотя, я уважаю её за это, но столько хладнокровия не видала давно. А именно таким и должен быть кровный правитель.

– Но почему именно я, раз у Химеры было много детей? – я смотрел на Изабеллу широко распахнутыми глазами, и это, похоже, вызывало в ней смущение.

– Высшим династиям запрещено избавляться от детей искусственным образом, а Химера не любит младенцев. Из тех, кого она признала за девять тысяч лет, едва наберётся двадцать пять принцев и принцесс. Никого из них она не сочла достойным наградить статусом наследника. Тогда она и заявила мне, что раз её срок пришёл, она найдёт настоящего преемника среди брошенных. И так получилось, что ты, Маркус, сидишь рядом со мной. Химера рассказала, что звёзды на небе выстроились в ряд в момент твоего появления на свет. И сама звезда Надежды благословила тебя. Значит, ты достоин находиться здесь по праву рождения. Значит, тебе судьбой написано вести за собой все миры. После испытания станет ясно, так это или нет.

– Что это за звезда такая? И какое испытание я должен пройти?

– У нас существует миф о двух Богах и звезде Надежды. Её видно из любого уголка Вселенной живым существам, но нет ни на радарх, ни на космических картах. Миром живых правит Бог Жизни, имени его никто не знает, а вот миром мёртвых повелевает Аид – Бог Смерти. Именно он решает, сколько времени нужно пробыть в загробном мире, чтобы возродиться снова в мире живых, – Изабелла остановила свои речи, чтобы допить чай, и добавила: – Испытание определяет истинный правитель, сейчас это твоя мать, и я не имею ни малейшего понятия, что это будет.

– Про Аида я читал на Земле. Это же не простое совпадение? И древнегреческий с латынью имеют много заимствований из общего языка не просто так?

– В период земного Средневековья и после многие жители развитых планет спускались на Землю ради развлечения. Развитым хотелось участвовать в войнах, руководить и совершать многие запрещённые у нас вещи, без вреда для вселенской сети. А это можно спокойно организовать на планетах с подобным уровнем развития. Желавших оказалось настолько много, что Земля унаследовала отголоски нашей религии и языка. Не просто так одно из мифических чудовищ величают именем твоей матери, – рассказала она с еле уловимой иронией.

– Мне тоже следует в это верить? – спросил я.

– Да, это было бы полезно для тебя. И если тебе будет плохо, молись звезде Надежды, она подскажет верный путь. Для этого Бог Жизни и создал её.

– Как я должен молиться? Да и как отличить её от тысяч звёзд на небе?

– Не важно, как. Обращайся к ней и проси помощи. Но никогда не молись Богу Смерти. За это он может забрать тебя в свой мир раньше времени. Ты видел звезду Надежды не раз. И если ты посмотришь на небо с Лоракса, она не поменяет своего месторасположения, – Иза-

белла посмотрела на большое витражное окно. – А вот существует ли она, на самом деле, никто не знает. Ни одному разумному существу не удалось определить её местонахождение во Вселенной. Это прямое доказательство существования Богов.

Я встал и подошёл к тому витражному окну, куда смотрела Изабелла. Начинало темнеть, и звёзд на небе не было видно, кроме заходящего светила Лоракса. Я пригляделся, и увидел в небе небольшой светящийся блик, который притягивал мой взгляд. Казалось, что он становился всё ярче и ярче, и что-то мне шептал так тихо, что разобрать было невозможно. Это и была звезда Надежды... Так вот, кто пытался говорить со мной все эти годы! Я не мог оторвать от неё взгляд до тех пор, пока Изабелла снова не обратилась ко мне.

– Ты увидел её? – спросила она, не вставая с кресла.

– Да, я видел её и на Земле, и в открытом космосе, когда меня хотели убить. Она... – я на миг призадумался, – она помогла мне...

– Звезда существует с момента образования Вселенной. Но есть один любопытный факт...

– Какой же? – спросил я и вернулся на своё место.

– Она периодически пропадает на неопределённое количество лет, что сеет панику и страх во всей Вселенной. Люди думают, что в такие моменты Боги не милостивы. Последний раз она вернулась в день твоего рождения. Любопытная загадка.

– И, в самом деле, – я взял в руки чашку с уже остывшим чаем.

– Ты знаешь, кто на тебя напал по пути сюда, и как ты выжил? – она не отводила от меня своего пристального взгляда.

– Не знаю... Выживание в космосе – тоже особенность нашего рода?

– Нет. В первый раз тебя отправили в открытый космос на смерть. Я не знаю почему, а Химера не расскажет. Второй раз можно назвать родовой междоусобицей, на тебя напала твоя же сестра. Она использовала катер того же корабля, который привёз тебя сюда. А защитное поле космолётов автоматически настроено пропускать смежные шлюпки и корабли. Так она и подобралась к тебе... Близится смена власти, и каждый хочет сократить количество соперников, поскольку Химера ещё не выбрала десять наследников для испытания. Если она найдёт меньше десяти брошенных детей, шанс получат и те, кого она хотя бы признала, – Изабелла ненадолго задумалась и отвела взгляд в сторону. – И вот уже второй раз ты выживаешь. Это можно объяснить древней магией звёзд, но она исчезла сотни тысяч лет назад.

– А ведь у меня же есть способности!

– Мне уже доложили об этом. Только маги рождаются от союза двух магов, а в нашем роду магии никогда не было. Были разные расы, но не маги. Все эти загадочные причины твоего выживания заставили мою дочь саму спуститься на планету третьего типа и забрать тебя. Поверь, никто из твоих выживших братьев и сестёр такой чести не удостоился, – она усмехнулась. – Поэтому мы хотим увидеть, на что ещё ты способен.

– Почему вы называете Землю планетой третьего типа? Что она для вас значит?

– Понимаешь... Существует всего девять типов планет, осваиваемых людьми. Первый – это развитые планеты-столицы. К ним относится и Лоракс, а также его спутники: Венилия и Неллия, ты мог наблюдать их на небе. Эти спутники названы в честь наших предков по женской линии. На планетах первого типа сосредоточена вся власть и культура известных миров. Лоракс – столица Вселенной, потому что здесь живёт правительство, и она возглавляет этот список. Ко второй группе относятся остальные планеты развитых галактик и систем, которые входят во вселенскую экономику. А вот уже к третьей группе относится ваша Земля, на подобных планетах жизнь ещё только развивается. И жители этих планет должны дойти до определенного уровня прогресса, тогда мы получим право представиться им. Земля поистине уникальна, – Изабелла глубоко вздохнула и отметила: – Я бы уже рассказала её жителям о нас. Нигде больше я не видела, чтобы люди уничтожили свой же мир, смогли выжить и в кротчай-

ший срок прийти к процветанию в гармонии с природой. Но, к сожалению, её космическая сфера оставляет желать лучшего. Четвёртую группу составляют планеты с первыми признаками разумной жизни. Это, например, та же Земля в эпоху Средневековья. Я там была в это время и могу сказать, что нет в мире существ более эгоистичных и эмоциональных, чем земляне. Пятая группа – планеты, на которых нет разумной жизни. Как Земля в эпоху динозавров. Такие планеты пригодны для заселения гуманоидными существами и колонизации. Чаще встречается второе, поскольку население Вселенной растёт, и мы предлагаем хорошие условия для развития новых планет. А вот шестая группа – планеты, на которых только начинает развиваться жизнь. Там живут простейшие микроорганизмы под слоем океана или льда. Хотя часто встречаются и водоросли. Такие планеты пригодны для терраформирования и только потом заселения разумной жизнью, что произошло и с Землей двадцать миллионов лет назад. Шестой тип включает в себя планеты с зарождающейся атмосферой, к таким относится Марс из Солнечной системы. Жизнь на них возможна теоретически, но терраформирование может неправильно сработать и навредить планете. К седьмому типу относятся планеты, на которых есть признаки зарождения атмосферы. Например, это могут быть частицы водорода в окружающем каменную планету гало. Восьмой и девятый тип – это планеты, на которых жизнь невозможна, даже попытки искусственного создания атмосферы не приводят к успеху. Они отличаются только по составу, могут быть с твёрдой поверхностью или состоять из газов. Таким образом, к девятому типу относится Юпитер из Солнечной системы.

– Зачем засеивать планеты зачатками разумной жизни?

Я допил чай и поставил чашку из тончайшего стекла обратно на стол.

– Только это способствует естественной эволюции всех гуманоидных видов, зарождению новых генов и техническому прогрессу в целом. Например, никто раньше не придумывал технологии восстановления планеты после ядерных взрывов, а на Земле придумали. И это восхитительно. Как только Земля соединится со Вселенской сетью и перейдёт во второй тип, эти технологии будут доступны всем мирам, – Изабелла говорила по-прежнему крайне спокойно, не показывая эмоций.

Информация потоками проходила через мой мозг, и я с трудом пытался осознать и запомнить всё услышанное, несколько минут молчал и обдумывал, что ещё важного можно узнать. И тут меня осенило!

– А кто мой отец?

– Милый мой, этого даже я не знаю. За тысячи лет правления моя дочь ни разу не вышла замуж, и мне не известно, сколько у неё было любовников. У нашей семьи обширное фамильное древо, ветви которого переплетаются с шестью из семи существующих во Вселенной рас. Так что, им может оказаться кто угодно, и маловероятно, что Химера расскажет тебе правду.

Изабелла не отводила от меня леденящего взгляда. Этим мы с ней явно отличались. Земляне вдохновили меня своей способностью чувствовать, и я научился у них многим эмоциям, которых в детстве даже не понимал. Сейчас я был обескуражен, и вспомнил, наконец, об Элиз. Я искренне сожалел, что забыл предупредить её о своём исчезновении, и у меня не осталось способа связаться с ней. Это вызывало глубочайшую печаль. Изабелла заметила перемену во мне и заинтересовалась:

– С тобой всё в порядке?

– Да... Но я оставил подругу с Амарана на Земле. Есть ли способ с ней связаться? – мне так хотелось на это надеяться.

– К сожалению, пока мы с Землёй не объединены одной информационной сетью, это невозможно. К спутникам землян можно подключиться только вблизи планеты.

– Значит, я увижу её не скоро, – печально вздохнул я.

– Эта проблема покажется мелочью по сравнению с тем, что тебе уготовано. И предстоит многому научиться перед испытанием. Но знай, что я в тебя верю. Если у тебя ещё остались вопросы, я обязательно на них отвечу завтра. А пока я провожу тебя в твою комнату. На сегодня я устала.

– Хорошо. Спасибо вам за этот разговор!

Мне хотелось обнять её, но я не посмел и притронуться. И всё же меня переполняла радость, что нашлась моя настоящая семья.

Изабелла провела меня в спальню по длинным коридорам и галереям замка, которые были расписаны в стиле разных эпох развития Вселенной. Все двери были украшены ручками из драгоценных камней. Спальня напоминала каюту королевского корабля, только просторнее и удивительнее. Больше антикварной мебели, вместо современной антигравитационной.

Усталость от выхода в открытый космос окончательно не прошла, так что все размышления пришлось оставить на завтра. А когда я лёг в постель, мне показалось, что одеяло сплетено из шёлковых нитей, словно моё тело лежало на крыльях гигантской бабочки. Так и заснул под этим блаженством.

Я провёл на Лораксе половину стандартного года, и каждый день ко мне приходили учителя, учили чему-то новому. Одни рассказывали подробную историю возникновения и развития Вселенной, другие учили языку древних людей, на котором до сих пор ведутся дипломатические переписки и оформляются документы высшего сана. Этот язык насчитывает сорок падежей и около ста форм обозначения времени. Я бы с лёгкостью мог выучить любой язык, кроме этого! Только на запоминание правил грамматики у меня ушло четыре стандартных месяца ежедневных тренировок.

Меньше всего времени учителя отводили религии, уроки которой сводились к пересказу древних легенд про двух Богов. Самая правдоподобная гласит, что после зарождения человечества Бог Жизни окрестил своих подданных символами родства, которые сохранились по сей день только у потомков столь древних родов, как наш. Самой нелепой была легенда о том, как Бог Смерти помог основательнице нашего рода соединить миры взамен на её любовь и наследников, а их было не мало. Говорят, она до сих пор разделяет с ним трон на том свете. Подразумевается, что именно поэтому верховная знать получила долголетие в мире живых ещё до создания генной инженерии. Но мои живые предки в это не верят.

Меня поразили интересный факт о планетах, на которых разумная жизнь возникла не естественным образом, а её посеяли искусственно – путём внедрения основы человеческого ДНК в геном неразумных существ, чтобы они дальше могли самостоятельно развиваться. Так произошло и на Земле с своё время, что объясняет резкий скачок эволюции млекопитающих. Поэтому все человеческие существа во Вселенной похожи и различаются только особенностями развития из-за условий формирования планет, где они выросли. Например, люди, живущие на планетах с большей силой притяжения, ростом не отличаются, зато у них хорошо развита мускулатура, и они гораздо более сильные сами по себе. Там, где сила притяжения меньше, у людей сформировался гораздо более подвижный позвоночник, менее выраженная мускулатура, и выработалась особая «пружинящая» походка.

Вселенная, на самом деле, не безгранична, это подтвердили учителя. Её границы связаны со скоплением планет девятого типа, а после них – одна неизведанная пустота, и всегда в неопределённом месте – плавающий портал перехода через пространство и время.

И не соврал Люциус, Млечный путь также находился вблизи границ Вселенной, но в безопасной зоне. Мне рассказали, что если планета с разумной жизнью случайно переходила границу, а такое бывало всего несколько раз, то она возвращалась назад как планета девятого типа. Всё живое на ней умирало из-за медленной скорости перехода между пространством. Поэтому на «окраинах» почти никто не живёт.

Я множество раз просился на прогулку по планете. Но мне не позволяли выходить дальше сада, расположенного вокруг резиденции. Это угнетало. В самом замке я не нашёл тронного зала, который представлялся мне самым роскошным местом во всей Вселенной. Как оказалось, сюда не приходят «подданные», а все вопросы решаются за столами в правительственных зданиях. Коронации и свадьбы правящий семья празднуют на площади в десяти километрах от резиденции. И только там на нас могут смотреть остальные люди.

Я настолько привык к земной системе счисления, что автоматически переводил новые величины в голове на привычный манер. Инопланетные величины показались слишком запутанными и заурядными, поэтому от привычки переводить все в метры избавиться не удалось.

Уже через неделю пребывания в замке меня стали водить на тренировочные площадки армии при дворе, чтобы я мог научиться защищать себя. И всегда в сопровождении Люциуса. Опытные воины с должным уважением учили меня рукопашному бою, помогали осваивать оружие и боевые скафандры. Большая часть вооружения стреляла плазменными зарядами и оснащалась миниатюрными термоядерными реакторами. Подобные пистолеты были и у отморзков, напавших на меня на Земле. Я стрелял и из винтовок, и из пистолетов. Перчатки армейских скафандров снаряжались лазерными зарядами для проведения тонких, но мощных лучей.

Сокрушительное ядерное и термоядерное оружие использовалось только для разрушения необитаемых планет при прокладке космических путей для квантовых прыжков кораблей. Поэтому если кто-то и решался воевать, сбрасывать атомные бомбы имело право только высшее правительство, в том числе и Химера. Мне рассказывали, что обычно, если кто-то ведёт вооруженный спор за территорию, это делается преимущественно людьми. Более «бедные» планеты вооружались мечами и прочим холодным оружием. Сталь, из которой их делали, была способна противостоять лазерам и небольшим плазменным выстрелам за счёт сильного отражающего эффекта. Поэтому не раз в истории Вселенной можно было увидеть, как восставшие шли с клинками и мечами против более технологичного оружия.

После одной из таких тренировок с элементами истории войн Люциус снова провожал меня к покоям, и я ненароком спросил:

– Зачем меня учат сражаться, если у нашей семьи столько воинов, которые могут нас защитить?

– Вы уже пережили момент, когда охраны не было поблизости.

– Но, – я задумался на несколько секунд, – я больше не хочу никого убивать.

– Признаться, я впервые слышу подобное от потомка семьи Гиронимус. И это странно. Они все безжалостны и беспощадны, – отвечал Люциус.

– Может, в моей ДНК какой-то сбой, и я не смогу принять участие в испытании? – мне до сих пор не хотелось верить в происходящее.

– Это не важно, испытание всех рассудит...

– У меня есть право отказаться? Я не хочу участвовать в экзамене, ради допуска к которому все члены моей семьи готовы убить меня, – возмущённо заявил я.

– Дворец – самое безопасное место на планете, – невозмутимо отвечал мой новый друг. – А вот об испытании вам лучше спросить саму королеву.

– Я не видел её уже несколько месяцев, словно она и вовсе не хочет общаться со мной! – резко сказал я, скрестив руки на груди.

– Попробую что-нибудь придумать.

Я поблагодарил Люциуса за попытку помочь, и мы уже дошли до моей спальни.

Ещё неделю продолжался мой обычный распорядок: учёба и тренировки. Мне начинало это надоедать. Я все чаще думал об Элиз. Перекрутил в голове множество вариантов, как бы забрать её с Земли. Я скучал по этой дивной планете. Лоракс был прекрасен и могуч по-своему, но чистоте воздуха и гармонии Земли он мог только позавидовать.

Этой ночью я думал дольше обычного, несколько раз вставал, чтобы посмотреть на привычный вид из панорамного окна в моей высокой башне. Но мысли прервал резкий стук в дверь. Я удивился, что кто-то в ночи решил меня проведать. Показалось, вдруг это Химера, наконец-то, решила со мной поговорить, и поспешил открыть дверь. Но не успел я дойти, как двери резко распахнулись, в комнату ворвался человек в чёрном одеянии, закрывавшем даже лицо. Он приставил к моему лбу плазменный пистолет. Меня охватила паника. Не прошло и секунды, как он нажал на курок.

Мне повезло резко развернуться, и заряд пролетев мимо, вышиб окно. Раздался треск, полетели осколки. По воле инстинктов я выхватил оружие из рук нападавшего и выкинул в разбитое окно. Тогда незнакомец резко толкнул меня на пол, но я вскочил, чтобы накинуться на него со всей силой. Соперник значительно превосходил меня в весе, парой ударов ему удалось заново повалить меня на каменный пол. Он схватил меня за шею и начал душить. Я хотел ослабить хватку, но мне не хватало сил. В глазах темнело. Пытаясь ухватиться за какую-то возможность, я заметил длинный осколок стекла, валявшийся рядом. Одной рукой я изо всех сил удерживал хватку противника, а второй подобрал осколок. Чужак схватил меня за запястье, но я не сдавался в попытках пересилить его. Осколок разрезал мне ладонь. Несколько мгновений я боролся с нападавшим, пока не понял, что уже не дышу, но ещё соображаю.

Моё тело обмякло, и голова опустилась на пол. Глаза оставались открытыми, но неподвижными. Ладонь с окровавленным осколком распрямилась. Взгляд остался направлен в сторону окна, и я всё ещё видел. Нападавший встал, оглядывая моё бездыханное тело.

Мириады звёзд сверкали на ночном небе, и только одна из них сияла ярче других. Сознание снова пронзил невнятный шёпот светила, и я почувствовал огонь во всём теле. Мне стало так жарко, словно меня подожгли изнутри.

Я согнулся в судороге и ощутил прилив невиданных ранее сил. Из-под чёрного одеяния чужака сверкали ошарашенные глаза. Я хотел встать, но чужак снова пытался повалить меня на пол. Он лишь на секунду прикоснулся к моей коже и тут же с визгом отдернул руки. Его перчатки расплавились, а на ладонях тлела плоть. Он попятился к стене, оглядывая руки. Я подобрал осколок, уже не чувствуя боли, стремительно подлетел и вонзил стекло ему в горло. Фонтан багровой крови залил меня и всё вокруг, а нападавший упал замертво.

Теперь мне казалось, что это не последняя смерть, которая приходит ко мне. И каждый раз у меня был выбор: быть убитым или стать убийцей. Я уже не испытывал облегчения от спасения, но с ужасом думал о будущем. О подобной судьбе я вовсе не мечтал...

Телу всё ещё было невыносимо жарко, и глаза мои тоже пылали. Я весь перепачкался кровью. И первая мысль, что пришла мне в голову – это не позвать на помощь, а охладиться в ванне. Не снимая пижамы, я залез в большую антигравитационную ванну и подал голосовую команду о включении ледяной воды. Она резко полилась на меня сверху, но за доли секунды превращалась в пар. Я лежал так и улыбался с закрытыми глазами, пока мне не стало чуть легче.

Ко мне пришли не из-за сработавшей системы охраны, а потому что увидели пар из разбитого окна. Вода теперь не испарялась, а кипятком стекала вниз и уходила в отверстие слива. Я уже засыпал, когда Люциус тронул меня за плечо. Он прикоснулся и сразу отдернул руку. Я открыл глаза и увидел, как Люциус машет рукой, пытаясь её охладить. Мне стало очень смешно, и я расхохотался. Он тут же прекратил размахивать рукой и спросил:

– Что здесь произошло?

– А разве не видно? Ты мне неделю назад говорил, что замок – самое безопасное место, да, да, да, – я снова рассмеялся.

– Это по-твоему смешно? – верзила впервые обратился ко мне, не соблюдая правил уважительного тона.

– Смешно то, что я клялся себе больше не убивать. И вот, пожалуйста, – я указал рукой на выход из ванной комнаты, где охранники осматривали тело убитого.

– Как ты одолел его? На нём форма самых безжалостных наёмников! – удивлялся Люциус.

– Оно как-то само получилось, – я продолжал смеяться.

– Ты это сделал также, как на корабле?

– Нет, в тот раз огонь был далеко от меня. Сейчас я чувствую его всем телом, – мой тон стал резко серьёзным.

– Маркус, ты удивительный.

– Ага, – зевнул я и понизил голос, наконец-то, почувствовав холод воды. – Может, теперь Химера со мной поговорит?

Мне резко захотелось спать, и всё, что Люциус говорил, проносилось мимо сознания. Ощувив прохладу, я крепко уснул.

Проснулся ближе к обеду. В кровати. Ощущалась слабость во всём теле. Комната выглядела лучше прежнего, словно все события ночи мне только приснились. Я огляделся и почти в это поверил. Только наличие двоих охранников в спальне отчётливо свидетельствовало об обратном. Видимо, они передали Люциусу информацию о том, что я проснулся, через свои инфо-датчики на глазных линзах. Такие имелись у всех жителей вселенской сети, кто мог себе их позволить. Их функции напоминали браслеты мульти-сферы с Земли. Линзы как раз отвечали за изображение, которое видит пользователь. Только это была в тысячи раз более мощная вещь, чем та же мульти-сфера, которая передавала запросы на уровне мыслей через имплант размером в несколько миллиметров, вживлённый в переднюю лобную долю мозга, через микропрокол внутри носа. Только земляне использовали сеть интернета для передачи информации, а инфо-датчики функционировали благодаря ограниченному искусственному интеллекту.

Его специально сделали ограниченным, чтобы не создал органические формы жизни с прямым подключением, что значило бы создание новой расы. Удивительно, но все члены нашей семьи отказывались от инфо-датчиков, и мне его тоже не предложили. Видимо, они боялись, что их мысли кто-то услышит, хотя закон строго охранял право на свободное мышление.

Люциус пришёл в спальню спустя всего несколько минут после моего пробуждения. Он просил меня скорее одеваться. Меня ожидала Химера.

Я поспешил собраться с надеждой услышать от матери ответы на множество вопросов. Люциус повёл меня к полигону при дворе, где мы обычно тренировались. Сначала мы шли привычным путём, а ближе к месту назначения свернули к казармам. Лифт поднял нас на самый верх, и я увидел большую смотровую площадку. Погода была хорошая, поэтому крыша и окна были свернуты. А Химера сидела за небольшим антигравитационным столиком возле самого обрыва площадки, где ранее располагались окна. Чуть присмотревшись, я заметил голубоватое защитное поле, которое не позволяло никому и ничему падать вниз.

Мать смотрела на плановую тренировку солдат и заметила меня только тогда, когда я поздоровался с ней. Жестом она велела мне сесть рядом, а всем охранникам приказала уйти с площадки. Я окинул взглядом бойцов внизу, – вид был и, правда, хорош, – но, недолго думая, решил начать свои расспросы:

– Для чего их тренируют? И меня тоже? – я не сводил глаз с полигона.

– При нашем дворе живут и тренируются только лучшие солдаты. Это мой личный отряд миротворцев. Завтра они отправятся устранять восстание на Кселоне, – Химера пристально поглядела на меня. – И судя по вчерашнему происшествию, твои тренировки тоже не прошли даром.

– Кто пытается меня убить? – я внимательно посмотрел на мать.

– Вся наша родня, которая стоит в очереди на престол, если я не выберу наследника, или же, если все наследники умрут, – она усмехнулась.

– А что, если я не захочу стать наследником?

– Хм, таких правил у нас нет. Обычно, наоборот, каждый стремится заполучить власть над целой Вселенной.

– Мне кажется, что я не гожусь для этой роли, – я старался говорить спокойно и лаконично, не показывая бурю эмоций внутри.

– А вот это уже решит испытание, – Химера взяла со столика бокал с шипучим напитком и поднесла его к губам, чтобы пить медленно, наслаждаясь.

– Что это за испытание, и когда оно будет? Может, я в самом начале сдамся и дам возможность остальным?

– Так не получится, – Химера говорила чётко, а её большие глаза выдавали некоторое удивление. – По правилам либо ты убьёшь противников, либо они убьют тебя первыми. Но я подозреваю, что такое испытание будет пустяком для тебя.

– Нет! – громко возразил я, вскочив со стула. – Люди не должны умирать из-за чьей-то прихоти! Я хочу отказаться от испытания и вернуться на Землю! – на этот раз эмоции взяли надо мной верх.

– Боюсь, что у тебя нет выбора. Мне не нравятся твои эмоции, и ты мне кажешься слишком странным для рода Гиронимус. На какой планете, говоришь, ты вырос?

– На Амаране номер шесть, – уже спокойнее ответил я и снова сел.

– А как ты туда попал? – Химера пристально смотрела в мои глаза.

– Вы лучше меня знаете это. Я знаю только, что меня нашли на острове, и всё.

– Вспомни, может, какие-то природные явления предшествовали твоему появлению?

– Хм, – я задумался, – мне рассказывали, что в море упал метеорит, из-за него на берег острова обрушилось огромное цунами, которое разнесло всё вокруг.

– Маркус, – её лицо расцвело в лёгкой улыбке, – этим метеоритом был ты.

– Это же невозможно! – на самом деле, я всё помнил, но в этом разговоре мне было важно услышать её выводы, и я запросто смог снова «включить дурачка».

– Теперь картина складывается. Если бы я тогда знала, что ты особенный с рождения, никогда не оставила бы тебя, – её слова звучали без раскаяния, также холодно, как и всегда.

– Значит, вы оставили меня на произвол судьбы? – разочарование моё усиливалось, и я пытался это скрыть, наливая из графина напиток в бокал.

– Я оставила так всех своих детей, кроме тех, кто были рождены от высшей знати. Зато вы все выросли настолько сильными, что я и представить не могла такой великолепный исход.

– Это было жестоко с вашей стороны, – сказал я без тени сожаления и сделал несколько больших глотков кисло-шипучего напитка.

– Как тебе уже известно, у нашего рода сильно снижена эмпатия и способность яркого переживания эмоций. Мы не умеем любить. Мы не скучаем. Мы не сожалеем.

– Но я не такой, – я снова посмотрел в сторону полигона.

– Маркус, ты – самая интересная загадка, и мне будет крайне интересно её разгадать. Я верю, что Вселенная вернула тебе часть эмоций и подарила великий дар не просто так. И не случайно ты родился именно в нашей семье...

– Семье хладнокровных убийц, – тихо пробурчал я себе под нос.

– Что? – она слегка нахмурила брови.

– Ничего, – ответил я, встал с места и задвинул стул. – Мне нужно всё обдумать. Вероятно, у нас ещё будет время поговорить позже...

Я стремительно зашагал к лифту, ощущая за спиной коварный взгляд матери.

Люциус ждал меня внизу. Он проводил меня обратно в покои, попутно рассказывая, какие преподаватели придут вечером. Я был крайне напряжён и обескуражен. Подобное чувство у меня уже было в раннем детстве после смерти Анохи, когда я чётко понимал, что, если останусь с Эдвором, ничего хорошего не выйдет. Слова Люциуса пролетали мимо ушей, в моей

голове крутилось множество вариантов развития событий. Я мечтал о возвращении на Землю – к Элиз. Годы, проведённые там, оставались лучшими и самыми спокойными в моей недолгой жизни.

В моей голове родилась безумная идея, поэтому перед уходом Люциуса я быстро стащил из его кармана портативный парализатор – тонкое устройство размером чуть больше ладони. В зависимости от заданных параметров оно парализовывало всех на какое-то время, стоило только направить его на противника. Парализаторы считались самым гуманным и безопасным оружием. В замке запрещалось использовать плазменное оружие, исключение составляли тренировки солдат, поэтому вся охрана замка имела при себе парализаторы разного радиуса поражения.

Во время занятий охранники дежурили за дверью и возвращались только, когда я оставался один. В этот вечер уроки прошли, как обычно спокойно. Я уже почти освоил язык древних людей и закреплял знания разговорными тренировками и написанием текстов. Перед приходом стражей, мне удалось спрятать парализатор под подушкой. В голове промелькнула мысль, что странно отключать охрану, которую приставили ко мне из-за покушений. Но нельзя было допустить, чтобы они шли за мной следом.

Всю ночь я пролежал с закрытыми глазами, стараясь не уснуть. Охранники неподвижно стояли в разных местах комнаты. К утру они уже начинали клевать носом от безделья. Оставалось примерно два часа до рассвета. Я выждал момент, чтобы резко достать из-под подушки парализатор. Первый страж мгновенно рухнул на пол. Второй не успел опомниться и что-либо предпринять, как я направил оружие в его сторону. Стражи лежали на полу с открытыми глазами, постанывая, словно пытаясь что-то сказать. Действия парализатора хватит часа на четыре, если верить заданным настройкам.

Я оделся меньше, чем за минуту, и тихо вышел из спальни. К счастью, в такое время большая часть слуг ещё спала, поэтому я смог незаметно пройти к полигону. А вот солдаты уже проснулись и вовсю готовились к перелёту. Из-за угла соседней пристройки я наблюдал их раннюю пробежку. Видимо, она уже завершалась, потому что через несколько минут солдаты пошли в сторону казармы. Я аккуратно последовал за ними, скрываясь в утреннем полумраке. Солдаты приняли душ, оделись в термобельё и скафандры, а затем пошли на посадку в уже подготовленный космолет. Удачно, что назад никто не возвращался, и можно было спокойно подглядывать из-за углов и дверей. Я дождался, пока в раздевалке останется последний солдат. Замотанный полотенцем, парень подготавливал свой скафандр. Мне пришлось набраться смелости, чтобы подойти к нему. Он стоял спиной ко мне.

– Привет, – спокойно сказал я. – Как тебя зовут?

– Привет, – он резко развернулся ко мне и с удивлением продолжил, – Я – Макрон. А вы принц, да?

– Надеюсь, я им никогда не стану...

Я достал из кармана уже активированный парализатор и направил его на солдата. Макрон в полотенце свалился на пол. Устройство работало на полную, поэтому заряда должно хватить часов на двадцать. Пришлось приподнять голову Макрона, чтобы достать инфо-датчик линзы, который я поместил в свой глаз. Неприятная процедура. Затем я быстро оттащил парализованного солдата в одну из душевых кабин и оставил там. Мне хватило пары минут, чтобы надеть уже приготовленное термобельё и чёрный скафандр. Он был поразительно прилегающим к телу и лёгким, словно вторая кожа. Этот невиданный мною ранее материал, который мог деформироваться, подобно резине, и подстраиваться под любой размер, оказался невероятно прочным. Для выхода в открытый космос к нему полагалось дополнение в виде баллона с кислородом, которого я не нашёл. Активировал чёрный шлем по уставу, так что моего лица было не видно. Шлем оснащался фильтрацией воздуха, что пригодились при газовых атаках

и в неблагоприятных условиях при отсутствии кислородного баллона. Выйдя из раздевалки, я забрал подготовленное Макроном оружие и последовал на посадку к остальным солдатам.

На моё удивление, скафандры миротворцев не только скрывали лицо, но и модифицировали голос, поэтому все солдаты говорили одинаково. Как я позже понял, это обязательное условие конфиденциальности для тех отрядов, которые регулярно принимают участие в боевых действиях. На обмундировании виднелся только опознавательный номер и больше ничего выделяющегося.

Перед посадкой все солдаты выстроились в шеренгу по номерам на скафандрах, поэтому я без труда нашёл своё место. Мы стояли по стойке «смирно», пока капитан зачитывал инструкции. В конце он объявил, что по прибытии на Кселон нас встретит новый командир, и велел занимать места на звездолёте. Мы строем последовали по трапу на небольшое вытянутое космическое судно, по форме оно напоминало бумеранг. Все расселись по обе стороны корабля. Я насчитал чуть больше сотни солдат. Активировалось защитное поле, и мы взлетели.

Глава 5. «Кселон»

Полёт занял всего несколько часов с учётом квантового скачка. Мы приземлились в вечернее время. Перед выходом один из солдат окликнул меня именем Макрона. Высокий тучный мужчина, одну руку которого заменял кибернетический протез, спросил отправляли ли меня раньше на устранение восстаний. Подобные протезы делали очень умело – так, что нанопровода крепились точно к нервным тканям и сохраняли полную функциональность, добавляя обладателю дополнительной силы. Я ответил отрицательно, но уточнил, что все инструкции мне известны. Солдат в таком же скафандре, прилегающем до основания крепления киберруки, велел мне держаться возле него, чтобы быть целее. Из разговора я понял, что у Макрона это должно было быть первое задание после перевода в элитный отряд. Возможно, солдат заметил мою нерешительность в поведении и хотел проверить, гоюсь ли я для такой службы. Я молча кивнул, и мы отправились на построение.

Сквозь шлем я наблюдал бирюзовый закат на горизонте. Вдали показался старинный замок, устремлённый своими башнями к небесам, а окна его сверкали зелёным сапфиром среди угрюмо-белых стен. Как я позже узнал, то была резиденция рода Сальхов, правящих в этой галактике.

Мы выстроились в пять рядов, по двадцать человек в каждом. Я с трудом нашёл свое место, но, к счастью, никто не обращал на меня внимания. Нас уже ждал новый командир.

– Рад приветствовать вас на Кселоне! – пожилой мужчина в скафандре без шлема говорил громко и уверенно, так, чтобы слышал каждый солдат. – Меня зовут генерал Клавдий Виатор, я буду вашим руководителем на время данного задания! Напомню, что запрещаются любые контакты с восставшими! Мы не стреляем на поражение. Если нет угрозы жизни других людей, вы имеете право пользоваться только парализаторами. Оглушённых будет забирать местная полиция, поэтому надолго не задерживаемся возле них. Вы должны показать всю мощь верховного правительства, и что оно делает с несогласными! Сейчас восставшие уже подходят к резиденции Сальхов. Они не должны попасть туда! Все понятно?

– Да, командир! – прокричали хором солдаты, и я вместе с ними.

– Ваше задание начинается прямо сейчас! Следуйте за полковником Фавусом, вы пойдёте навстречу восставшим! – Клавдий показал рукой на своего помощника: – Пошли!

Генерал резко отошёл в сторону. Мы двинулись строем вперёд за полковником, отключив плазменные винтовки, повесив их за спиной и активируя парализаторы. К каждому солдату подлетел дрон, который должен был держать перед нами щиты электромагнитного поля.

От космодрома мы шли не больше десяти минут, пока не вышли на огромную площадь. Меня удивило, что нам велено только парализовать восставших людей, а те шли с плазменными пистолетами, шпагами, катанами и другим холодным оружием. Через инфо-датчик Макрона поступила команда активировать защитное реверсное поле и выставить щиты дронов. Поле спасало от любого оружия, кроме, конечно, плазменных бомб. Щит дрона мог отразить небольшое плазменное оружие. Я также мог слышать переговоры солдат с помощью этого же датчика, но не мог посылать ответ, из-за того, что у меня не было импланта в мозгу. Я думал, что это к лучшему, ведь в планах было вернуться на Землю. Только вот, как?

Поступил приказ о рассредоточении. Людей было очень много, и я решил держаться того мужчины с кибер-рукой, который мне это посоветовал. Мы выбились в первые ряды. С лёгкостью удалось парализовать первых пятьдесят человек, которые держали в руках холодное оружие. Армейский парализатор был размером с ту же винтовку и отличался большей дальностью действия.

Мы старались идти строем, растянувшись по широкой дороге, которая и вела к изумрудно-белому замку. Люди кричали, пытались убежать от наших парализаторов, но большей частью всё же злостно наступали на нас. Мы же прикрывались длинными щитами дронов от плазменных зарядов. Тут были тысячи людей, вышедших на площадь. Восставшие кричали о праве выбора. Я увидел множество плакатов с лозунгом «Власть смертным!». К сожалению, мне никто не рассказал, что всё это значит. За что мы так обходимся с этими несчастными?

Дрон старательно отражал немногочисленные плазменные выстрелы с помощью реверсного щита, и я сразу же стрелял из парализатора, как только щит пропадал на секунду. На автоподзарядку «оружия» требовалось не больше пяти секунд, но уже за это время толпа людей приближалась на расстояние вытянутой руки. Это было сложно, и пару раз я замешкался. Несколько раз заряды пролетали в сантиметре от моей головы, а последующий коснулся моего плеча, расплавив скафандр и кожу. Я чуть было опустил голову от боли, но всё же смог сохранить равновесие. Казалось, что ещё немного, и тысячи людей раздавят нас, и никакие щиты дронов не помогут.

За несколько часов под нашими ногами оказалась минимум тысяча человек. Обходить их не всегда получалось, и мы старались идти так, чтобы сильно не повредить тела бедняг. Вся дорога позади была усыпана телами живых, но неподвижных людей. Это зрелище надолго засело в памяти. Лежащие смердели от мочи, которую не смогли сдержать при попадании парализующего луча.

От края дороги меня отделяло около десяти солдат, с неё наступало гораздо меньше восставших, и я увидел возможность бежать. Но мы шли ровным строем, и, если бы я попытался его нарушить, меня парализовали бы либо те солдаты, которые шли за мной, либо те, кто сбоку. Оставались считанные часы до пробуждения настоящего Макрона. Как только он очнётся, расскажет обо всём через имплант инфо-датчика в мозгу.

Было сложно думать и при этом отражать атаки, не теряя бдительности. В последующий час около пятнадцати солдат нашего отряда остались позади из-за попадания в них плазменных зарядов. Несколько солдат упали замертво, но большинство всё же остались живы. К ним сразу подходила местная полиция и забирала всех в больницу. Должно быть, это безумие, но я решил последовать их примеру. Мне оставалось подстроиться таким образом, чтобы меня не убили.

Я увидел в толпе мальчишку, несколько зарядов от пистолета которого, дрон уже отразил. Они были слабыми, но многочисленными. Подросток целился во всех подряд, в основном, по ногам. Я выждал момент и специально скомандовал своему дрону приподнять щит. Очередной заряд выжег несколько сантиметров плоти с внешней стороны моего бедра. Я закричал от боли, но не выронил парализатора. Второй рукой прикрыл рану. Отряд сделал ещё несколько шагов вперед, а я упал на колени. Дрон всё ещё прикрывал меня реверсным щитом от зарядов. Кровь стремительно сочилась из раны, и я успел тысячу раз пожалеть о своём решении. Единственное, что можно было сделать, это кинуть парализатор на землю, и крепко зажать рану обеими руками.

Мне нужно было собраться с силами и встать. Отряд уже удалился по меньшей мере метров на пять от меня, а полицейские и врачи оставались в сотнях метров позади. Я прождал ещё несколько минут, чтобы дать дёру. Но не успел. Ко мне подбежал тот самый высокий массивный солдат с кибер-рукой, который просил держаться возле него. Он свернул щит своего дрона и подал мне руку. Я посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что опасности нет, и также свернул щит. Солдат помог мне встать.

– Идти сможешь? – спросил он.

– Да, я дойду, не переживай, – ответил я, не убирая вторую руку от кровоточившей раны.

– Я в этом не уверен. Пойдём, я отведу тебя к врачам.

Корчась от боли, я всё же отрицательно помотал головой.

Он меня, конечно, не послушал и, придерживая за здоровое плечо, повёл через груды тел к организованному медпункту. Я шёл, хромая. Солдат прикрывал нас обоих от зарядов, которые выпускали люди, выходявшие вдоль дороги. За нами никто не бежал. Все восставшие стремились к замку Сальхов.

Полчаса мы ковыляли до медпункта, и я уже умолял оставить меня одного, сотни раз обещая, что дойду сам, и всё будет хорошо, но солдат и слушать меня не хотел. Боль становилась невыносимой, и я старался не потерять сознание. Но, видимо, старался плохо. Кровь не переставала литься, и вскоре меня окутала спасительная тьма.

Я очнулся под автокапельницей в переносном лазарете, лежащим на антигравитационной кушетке, и уже без скафандра. Раны оказались аккуратно перебинтованными, да и боли уже не чувствовалось. Должно быть, мне вкололи мощное обезболивающее.

Рядом без шлема стоял спасший меня солдат. У него был такой грозный вид, словно он сам собирался меня убить. Представляю его удивление, когда вместо своего товарища он увидел другого человека. Я присел на кушетке и хотел объяснить, но солдат первым начал «допрос»:

– Что ты сделал с Макроном? – грозно спросил он.

– Вырубил парализатором. С ним всё хорошо. Он остался в раздевалке на Лораксе и скоро придёт в себя. Вы уже доложили обо мне?

Слабость растекалась по каждой клеточке тела.

– Ещё нет, но собираюсь. Ты Маркус? Тебя уже ищет половина Вселенной! – разъярённо кричал солдат.

– Да, это я, – меня пугал взгляд солдата, и я смотрел в другую сторону.

– А что ты здесь забыл, Маркус?

– Я хотел сбежать. И у меня бы получилось, если бы вы не повели меня сюда.

– Тогда бы ты умер в паре кварталов оттуда, – он злобно усмехнулся. – Заряд задел вену на ноге. Её уже зашили, и ты сможешь идти.

– Но вы же не отпустите меня? – спросил я с иронией, стараясь изо всех сил, чтобы голос не казался жалобным.

– Мне за тебя дадут хорошую премию, да и, глядишь, звание повысят. С чего бы мне тебя отпускать? – ещё более грозно спросил он.

– Должно быть испытание... – тихо пробормотал я.

– Да об этом все знают. Тот, кто выиграет станет наследником. Мне что отпустить тебя просто потому, что ты не хочешь участвовать? – он снова усмехнулся.

Я отрицательно помотал головой.

– А почему же тогда?

– В этом испытании я должен буду убить девять своих братьев и сестёр, либо они убьют меня. А я больше не хочу убивать, – я раскаялся так, что глаза мои наполнились влагой.

– А ты что, убивал раньше? – солдат спрашивал с недоверием.

Очень кратко я поведал ему свою историю, рассказал о связи со звездой и выразил опасение, что на этом испытании может случиться всё, что угодно.

– Я хочу вернуться на Землю, и забыть всё это, как страшный сон. Не хочу быть очередным правителем-убийцей...

– Убийцы так не рассуждают, – задумчиво ответил мне солдат.

Он стал ходить по палате, скрестив руки на груди. Видимо, выбор был сложный. Но я уже потерял всякую надежду на спасение и был готов лететь обратно на Лоракс, только теперь меня уж точно заперли бы в какой-нибудь «клетке».

– Ты знаешь, почему эти люди выходят на улицы? – неожиданно спросил он.

– Нет.

– Они хотят, чтобы в Совете правления Вселенной были и смертные люди. Это не логично. Те, кто живут тысячи лет, могут обеспечивать постоянное процветание и следование своим решениям на протяжении долгого времени. Но восставшим всё равно. Они хотят, чтобы их интересы тоже учитывались.

– Их можно понять...

– Хм, почему ты так считаешь?

– Они хотят видеть в этом мире то, что делается здесь и сейчас. Когда у человека не больше ста лет на реализацию идеи, то будь уверен, он её воплотит, – более смело высказался я.

– Ты где-то такое видел? – солдат нахмурился.

– Да, на Земле. Эти люди за одно столетие вылечили планету от ядерной зимы. Если бы они жили тысячи лет, маловероятно, что справились бы за всю свою долгую жизнь. Совсем другая мотивация, когда нет времени ждать.

– Интересно. И если ты станешь королём, ты включишь смертных в совет правления? – он внимательно смотрел на меня и ждал.

– Возможно, – пожал я плечами. – Но я не хочу быть королём.

– Твои взгляды и, правда, противоположены убеждениям твоей семьи, – он снова ненадолго задумался и неожиданно удивил меня: – Я помогу тебе.

Я тут же расплылся в улыбке.

– Собирайся! У нас мало времени. Я принесу тебе новый скафандр!

Я аккуратно встал с кушетки. На мне осталось только термобельё, покрывавшее тело от щиколоток до шеи, и то разорванное на бедре для перевязки раны. Я умылся. К этому времени солдат принёс скафандр, помог мне быстро одеться, и я последовал за своим спасителем.

Мы вышли из медпункта. Где-то вдали слышались звуки ужаса. Солдаты перешли на боевое оружие, к нашему отряду спешило подкрепление. Начало смеркаться, и место сражения можно было различить только по голубым отсветам оружейных залпов. Тысячи криков несчастных людей пронзили мою голову, и я на мгновение замер в ужасе. Солдат положил руку мне на плечо, и я обернулся к нему. Он велел спешить. Мы пробирались через узкие улочки среди сотен домов к космодрому, на который прилетели считанные часы назад. Идти было тяжело, нога поднывала, действие обезболивающих ослабевало, но я старался успевать. Нам потребовалось больше полчаса, чтобы добраться.

Космодром представлял собой множество площадок для посадки и взлёта, а также ангар для стоянки кораблей. Мы направились к одному из таких хранилищ. Солдат ввёл коды доступа на панели большой зелёной двери, и она быстро свернулась, словно жалюзи. Мы зашли в помещение, где автоматически включился тусклый жёлтый свет. И я увидел двухместный катер типа «Воздух-Космос», название было скрыто под толстым слоем грязи на обшивке. Он был значительно проще космического судна, на котором Люциус вытащил меня из открытого космоса половину стандартного года назад.

– Ты знаешь, как им управлять? – обратился ко мне солдат.

– Нет, – я стал осматривать катер через прозрачный верх.

– Хм, у тебя же остался инфо-датчик линзы Макрона?

– Да, остался.

– Я перенастрою его на твою частоту и смогу подсказывать, что делать.

– А если я что-то не пойму?

– Если в твоём мозгу нет второго датчика, то понять тебе придётся. Давай я сначала покажу, как его запустить.

Солдат свернул защитный верх катера, показал мне базовое управление на сенсорной панели и объяснил, как правильно выйти из атмосферы. Он добавил, что до Земли на нём мне точно не добраться, максимум до соседней планеты. А там уже будет проще сориентироваться на месте. Я кивал и старался всё запомнить.

Мой спаситель помог мне забраться в кабину. По его просьбе я ещё раз повторил базовые команды. Перед тем, как задраились шлюзы, он добавил:

– Маркус, если всё же станешь королём, не забывай, кто тебе помог, – он впервые говорил с улыбкой.

– Но я даже не знаю вашего имени.

– Гектор.

– Спасибо, Гектор, я не забуду!

Я улыбнулся ему в ответ, затем закрыл люки, проверил герметичность корабля, и поднял эту посудину сантиметров на двадцать над землей. Катер вылетел из ангара, и я повёл его к взлётной полосе. Разогнав его до нужной скорости, я взлетел на несколько километров ввысь. Гектор велел прибавлять скорость. Мне понадобилось ещё около получаса разгона, чтобы выйти из атмосферы. Советы Гектора очень помогли. Он сообщил, что отправляется к своим товарищам, и связи пока не будет. Я направил катер к соседней звёздной системе. В космосе он управлялся автопилотом, активируя реактивный двигатель. Катер сам умело уворачивался от космического мусора в окрестности Кселона.

Глава 6. «Астра»

Я немного расслабился. Лететь предстояло около стандартных суток. Катера не оснащались огромными квантовыми двигателями, а предназначались для небольших перемещений по орбите и в атмосфере, поэтому реактивный двигатель медленно нёс меня по назначенному курсу. Я прикрыл глаза, чтобы немного отдохнуть, но быстро уснул, доверившись автопилоту.

Неожиданно панель управления замигала красным и запищала, предупреждая об опасности. Я резко проснулся и вздрогнул. В нескольких километрах от нас находился огромный огненный портал, диаметром больше десяти километров. Термодатчики говорили об опасной для жизни температуре вокруг. Я всполошился, выключил автопилот и активировал ручной штурвал. Но мы всё равно летели навстречу огненному кругу, внутри которого полыхал настоящий пожар, спирально закручивающийся внутрь пространства. Я не мог видеть, что было на другой стороне.

Катер сбросил скорость до минимума и пытался обогнуть портал. Но гравитацией его тянуло к пламени. Мощности катера не хватало даже, чтобы немного отклониться. Я схватился за голову и запаниковал. Нажимал все возможные кнопки на панели управления, как будто от этого что-то изменится. Не прошло и десяти минут, как катер засосало в огненный портал. На несколько мгновений вокруг меня образовалась крошечная тьма...

Моё маленькое судно вылетело в какую-то другую часть космоса, а портал позади мгновенно исчез. Я читал о внезапно возникающих в космосе червоточинах, но ранее их сам не видел. Их называют «кротовыми норами», но никто до меня не проходил через них, оставаясь живым и невредимым. Это своеобразные туннели, которые возникают от давления гигантских масс вещества на различные участки Вселенной. Только вот куда меня перенесло?

В непосредственной близости от меня оказалась странная планета. Она сотрясалась от мощных извержений вулканов. Континенты рушились от тектонических движений, а леса горели. Планету покрывали огромные столбы дыма. От воды в океанах исходил пар. Множество космических лайнеров друг за другом стремительно отбывали с этой планеты. Должно быть, это были спасательные корабли.

Мне хотелось улететь отсюда, как можно дальше, и я начал настраивать программу судна на новый курс. Но панель управления не слушалась, снова и снова загоралась красным. Где-то через полчаса бесполезных попыток, до меня дошло, что реактивное топливо неожиданно закончилось. Его должно было хватить ещё на два стандартных дня – минимум! Через панель управления я попытался связаться с улетающими кораблями, но тоже безрезультатно. Топлива мне оставалось ровным счётом только на то, чтобы приземлиться. Что и пришлось сделать. Я разглядел на планете, откуда взлетают лайнеры, и направил свой катер туда.

При входе в атмосферу что-то пошло не так, и корабль полностью потерял управление. Двигатель отключился. Началось долгое падение. Но, к моему удивлению, сработала система защитного поля. Я пристегнулся к креслу тугими ремнями, и ждал рокового момента. Через пару минут катер врезался в землю.

От силы удара я потерял сознание. Когда глаза открылись, над моей головой простиралось дымное небо. Я был цел, если не считать синяков и ссадин. Поле сделало свою работу, только вот катер разбился вдребезги, оставив под собой немалый кратер. Удивительно, как я уцелел? Меня окружала груда обломков, а я лежал пристёгнутый к креслу.

Я пришёл в себя, отстегнул ремень безопасности и вылез из уцелевшего кресла. Как я позже понял, при экстренных ситуациях, кресло окружало вторым защитным реверсным полем. Я еле выбрался из ямы. Чувствовалась боль в ногах, ныла недавняя рана на бедре.

Передо мной раскинулось огромное поле с высокой зелёной травой, которую ещё не поглотило бушевавшее вдали пламя. Как же давно я не видел таких завораживающих, пугающих картин...

Ноги сами несли меня вперёд по траве, а голова жутко гудела. С одной стороны поля бушевало пламя, а с другой виднелись красные горы. Выбор пути оказался очевиден. Вокруг стоял сильный запах гари, от которого жутко мутило.

Я пробирался через высокую траву до вечера, а горы будто застыли на месте, и я не мог дойти до них. Словно это не горы, а голограмма для заманивания людей. По пути не попало ни одного местного животного, даже дохлых грызунов не было, что странно. Я был раздражён, и мне жутко хотелось пить! Но, кроме безбрежного травяного моря, вокруг меня ничего больше не было.

К утру я почти умирал от жажды и еле волочил ноги. Выживать в подобных условиях меня не учили... Я всего-то липовый солдат, который пытался доказать что-то самому себе и удрать от громадных проблем. Ни один другой принц не сбежал бы из дворца на войну!

Мне хотелось упасть от изнеможения. Я решил прилечь ненадолго, чтобы отдохнуть, но уснуть не мог. Мне захотелось сорвать кончик одной из травинок. И я лежал, пожевывая его, словно пытаюсь вытянуть долгожданную влагу.

В небе заискрилась мощнейшая вспышка света, которая чуть было не ослепила меня. Повеяло холодным ветром. Вскоре пошёл мелкий снег. Я с удивлением смотрел на небо. Свет дня исчезал, и долину мгновенно накрыла темнота. Ещё прошлой ночью я наблюдал на небе маленькие серебристые луны, а сейчас они куда-то исчезли. Среди тьмы виднелись скопления звёзд, и только одна из них светила ярче прежнего. Я непрерывно смотрел на неё, словно пытаюсь заглянуть в самую душу светила. Снова послышался неразборчивый шёпот в голове, я закрыл глаза и старался прислушаться.

Перед глазами возникла картина, только это был не сон, а видение, словно всё наяву. Перед глазами стояло огромное красное светило, но оно было не похоже на самую яркую звезду неба. Скорее, напоминало красного гиганта. На безопасном расстоянии множество военных кораблей окружали звезду со всех сторон. Они выпускали леденящие голубые ракеты одну за одной, и сразу прикрывались сильнейшим защитным полем. Сначала звезда раскалилась до предела, на её поверхности происходили взрывы гигантских спикул, которые выбрасывались из хромосферы, поверхность начала трескаться. Звезду пронзали кратеры, излучавшие мощнейший свет. Корабли выпустили последние ракеты, и светило погасло...

Я вскочил посреди травяного моря и с ужасом осознал, что если звезду «осушить» от термоядерных реакций, то планета начнет стремительно остывать. Точнее, уже начала. Это значит, что через несколько дней планету накроет ледяная тьма, и температура опустится до минус двадцати градусов, и будет дальше медленно снижаться. Все мелкие растения погибнут через несколько недель. Но страшнее всего столкновение с другими планетами системы, которые звезда больше не сможет удерживать своей гравитацией, а произойти это может, когда угодно... Шёпот в моей голове стал отчетливее, и я расслышал чёткое: «Беги!».

Я бежал изо всех сил часов шесть, пока ноги не начали неметь от усталости. Позади травяное море медленно охватывал бушующий пожар. Вокруг становилось всё холоднее и холоднее. Так и не дойдя до гор, я вышел на магнитную дорогу. Одна линия на земле и две сверху служили трассами для электромобилей. Но сейчас дорога пустовала, и только свет гидроламп на каждой полосе освещал наступающую тьму. Я сменил маршрут в её направлении. Дорога обязательно должна куда-то вывести.

Магнитные пути привели меня к небольшому населённому пункту уже через три стандартных часа. Много домов располагалось возле дороги, ведущей вдаль. Они все были похожи друг на друга: с простыми геометрическими формами и плоскими крышами, ленточное остекление, непривычная асимметричность. Пустынно... Мне слышался только бушующий во тьме

ветер. Дома ещё освещались, а магнитные автомобили стояли с открытыми дверями, брошенными. Видимо, люди бежали в спешке. Двери домов никто не запирали, и я смог обойти несколько. С третьей попытки нашёл еду и воду. Люди оставили множество круп, так что, включив электричество на кухне, я смог приготовить еду. Простая каша на воде казалась мне невероятно вкусной. Меня накрывало отчаяние: как выбраться с этой планеты? Все силы были потрачены на путь сюда, потому я решил принять душ и немного поспать в комнате на втором этаже. Оставив скафандр и термобельё у кровати, я утонул в белоснежных простынях.

Сон прервался через пару часов тем же невнятным шёпотом в голове. Он не прекращался, и мне пришлось встать и одеться. Дом был полностью автоматизирован, поэтому мне удалось включить голографический экран в комнате. На всех частотах, кроме одной, были помехи. Частота этой планеты транслировала экстренное сообщение об эвакуации, которая заканчивалась вчера, если верить календарю на экране. Надежда на спасение улетучивалась. Но так я узнал, что нахожусь на планете Астра в галактике Ниберус, что в миллионах световых лет от Кселона, откуда меня и перенесла «кротовая нора». Неужели звезда Надежды хотела, чтобы я умер именно здесь? Иначе это всё трактовать я не мог.

Шёпот не умолкал, но становился отчётливее, я разобрал одну фразу: «Иди дальше», и мне пришлось продолжить путь. Я набрал воды и продовольствия на неделю вперёд, положил в рюкзак, который нашёл в вещах бывших хозяев. Голоса в голове прекратились, как только я вышел из дома.

Через несколько часов пути по магнитной дороге я увидел, что дома поселения остались далеко позади. Инфо-датчик на линзе говорил, что температура вокруг падает, и уже дошла до минус трёх градусов по Цельсию. Скафандр хорошо сохранял тепло, так что я не чувствовал холода. Несмотря на то, что это путешествие оказалось серьёзным стрессом для моего организма, вряд ли я почувствовал бы жар или холод. Я подумал, что, если снова пойдёт снег, активирую шлем для лучшей видимости. Вокруг дороги не было больше ничего, кроме высокой травы.

Ещё через несколько километров я увидел вдали на дороге что-то большое, лежащее под разбитыми гидролампами. Под ногами встречалось всё больше осколков. К подошвам прилипла светящаяся жидкость. Не спеша я подошёл ближе и понял, – это перевернутый автомобиль на магнитной подушке. Я почувствовал трупный запах. Внутри находилось три человека: два на переднем сидении и один – на заднем. Передние оба оказались мертвы, их тела уже покрылись трупными пятнами. А вот на заднем сидении висела сверху вниз, похоже, ещё живая девушка, пристёгнутая ремнями. Я с трудом выломал дверь и увидел, что она едва заметно дышит. Её ноги крепко застряли между сдавленными сидениями. Мне потребовалось много времени, чтобы разобраться и отсоединить одно из передних кресел с мертвецом. Голова трупа согнулась при падении, но мне удалось отстегнуть и вытащить девушку на дорогу.

Она еле дышала, а одежда на ней вся оказалась испачкана в запёкшейся крови. Сильных видимых повреждений на теле девушки я не заметил. Брюки на коленях порвались от аварии. На ногах наблюдались синяки и ссадины от сдавливания, а на лице – множество царапин от ударов о стекло. Я вытащил с десятков мелких осколков из лба и щеки пострадавшей. Длинные русые волосы девушки были заплетены в две косички и также запачканы кровью.

Я не знал, как помочь спасённой пассажирке разбитого авто. Раны от вынутых осколков кровоточили. Возможно, она не могла очнуться из-за обезвоживания. Я положил голову девушки на свой рюкзак и вытер её лицо мокрой тканью. Потом аккуратно открыл ей рот и влил немного воды. Надеюсь, не захлебнётся, и это поможет. Помогло.

Девушка закашлялась, перевернулась на бок и выплюнула воду. Наконец, она широко открыла глаза, посмотрела на меня, потом на машину и застыла от ужаса. Я помог ей встать, и мы подошли к машине. Девушка в слезах упала на колени и зарыдала. Её слёзы сливались с кровью от мелких ран.

– Они мертвы, да? – в истерике спросила она.

– Да, – тихо ответил я.

– Это мои родители, – она, плача, закрыла лицо руками.

Мне стало её жаль, но я был не в силах помочь как-то ещё. Голос в моей голове более отчётливо стал повторять: «Иди дальше». Это меня настораживало, но другого варианта, как последовать за голосом, я не видел.

– Нам нужно идти, – сказал я девушке, положив руку ей на плечо.

Сквозь слёзы она закивала и указала на багажник перевёрнутого автомобиля. Дверца сработала на отпечаток её пальца, но замок заклинило. Мы с трудом смогли его открыть, и на дорогу вывалилось всё содержимое. В сумках лежало много провизии, одеяла, подушки и портативный обогреватель. Девушка сняла с тел родителей кольца и положила в карман своей потрёпанной термокуртки. Мы взяли всё, что смогли унести и продолжили путь по магнитной дороге.

Девушка шла со слезами на глазах, и я не знал, как её успокоить. В такой ситуации нельзя было бы сказать: «Всё будет хорошо». Самые близкие люди мертвы, и этого не исправить. Так что я должен был сказать? Что жизнь продолжается на умирающей планете, солнце которой уже погасло?

Мы шли молча, пока спутница не успокоилась и не заговорила первой:

– Как тебя зовут? – она говорила тихо, но уже ровным голосом.

– Маркус. А тебя? – спокойно ответил я.

– Ариадна. Но все зовут меня просто Ари. Спасибо, что вытащил меня, Маркус, – она вытирала глаза рукавом термокуртки.

– Пожалуйста. На самом деле, я рад, что встретил хоть одного живого человека, – я искренне улыбался ей.

– Какой сегодня день? Мы успеваем на последние корабли для эвакуации?

– Последний корабль отбыл вчера.

– Тогда куда мы идём? – Ари остановилась в изумлении.

– Куда-нибудь. Я не хочу останавливаться и умирать! – я обернулся к ней.

– Ты хочешь найти корабль? Не думаю, что на планете остался хотя бы один, – закричала она и снова заплакала.

Я подошёл и обнял её.

– Мы выберемся с этой планеты. Поверь мне, – я смотрел в её зарёванные голубые глаза.

– У нас нет другого выхода, – жалобно согласилась она.

– Ты начнёшь новую жизнь на другой планете и будешь вспоминать это всё, как страшный сон, – мне хотелось, чтобы в моём голосе затеплилась надежда.

Мы шли несколько дней, миновав множество брошенных поселений с такими же домиками, и останавливались в них для сна. Ари почти всю дорогу молчала, но что-то я всё же сумел о ней узнать.

Ей было восемнадцать стандартных лет, и она училась на археолога. Её отец занимался изучением древних реликвий и сделал множество открытий в истории объединения Вселенной. Ари хотела последовать по его стопам. На моё счастье, она почти ничего не спрашивала обо мне, и я смог придумать историю, будто не успел эвакуироваться, потому что находился далеко от космолёта.

В одном из домов Ари даже приняла душ и нашла новую термоодежду. Она укуталась в длинную куртку и надела шапку.

Температура на поверхности планеты опустилась до минус пятнадцати. Периодически шёл снег, заметая магнитную дорогу.

Неожиданно вновь ожил голос в моей голове. На сей раз он таким же настойчивым шёпотом твердил: «Налево». Я резко остановился и сообщил Ари, что мы должны свернуть. Не имея возможности объяснить, почему, я снова попросил спутницу довериться мне.

Мы пробирались сквозь заснеженную траву в полном мраке, пока не вышли к каменистой поляне.

– Я знаю это место, – сообщила Ари раздосадовано, – здесь точно нет космолётов.

– А что есть? – я обернулся к ней и остановился.

– Отец изучал древние каменные круги, которые, возможно, когда-то были порталами между мирами. Ты же знаешь историю?

– Порталами? – удивился я. – Да, знаю. До изобретения кораблей люди пользовались порталами, которые давно утрачены.

– Именно, – Ари отряхнулась от снега.

– Знаешь, где ближайший? Я не вижу ничего, кроме камней.

Я осветил местность карманным фонариком, найденным в одном из домов.

– Это глупая затея. Забыл? Они давно не работают, – спутница смотрела на меня, как на сумасшедшего.

– Я помню. Так покажешь? – попросил я настойчивей.

– Пошли, – Ари тяжело вздохнула и пошла впереди.

Она провела меня через гряду заснеженных валунов, которых становилось всё больше с каждым метром. Мы вышли к скоплению древних мегалитов на площадке, очищенной от мелких камней и валунов. Я увидел множество изогнутых столбов из белого камня. Все они располагались по кругу и представляли собой разрушенные массивные арки. Но только одна сохранилась целым полукругом. К ней и привела меня Ари.

– Вот единственный уцелевший, – она указала на арку древнего портала.

– По какому принципу он работает? – спросил я, разглядывая каменное сооружение.

– Этот портал был построен ещё до объединения Вселенной. Галактику Ниберус завоёвывали многочисленной армией, и эти арки предназначались именно для прохождения воинов. Даже если ты его включишь, мы не пройдем. Порталы завоевателей работали в одном направлении, чтобы пути назад не было. Уходили они с планеты через другие порталы. По крайней мере, так говорят легенды. Ты что, знаешь, как его включить?

Ари удивлённо смотрела на меня.

– Думаю, это не сложно, – я стал пристально разглядывать уцелевшую арку.

– Ты издеваешься? Если в твоих жилах не течет кровь древних планетотворцев, то пошли обратно к дороге! – прокричала она срывающимся голосом.

– Кто такие планетотворцы? – спросил я с улыбкой.

Моя спутница задумчиво пояснила:

– Те, кто брали энергию напрямую из Вселенной. Они могли создавать новые миры и звёзды. Раньше магия была другой, – Ари посмотрела вверх, на плеяды бесчисленных созвездий.

– Они могли общаться со звёздами? – спросил я, стараясь скрыть неподдельный интерес, и всё ещё рассматривал мегалит.

– Не знаю. О них, вообще, мало что известно. Планетотворцы жили миллионы, если не миллиарды лет назад. Идем отсюда? – она одергивала меня за локоть.

– Подожди пару минут. Пожалуйста...

Ари нахмурилась, отошла и села на один из невысоких каменных столбов, отряхнув с него слой снега.

Я посмотрел на безоблачное небо, где ясно виднелись огоньки дальних звёзд, и только одна светила ярче других. Мои мысли обращались к ней с просьбами о помощи. Но они оста-

лись без ответа. Шёпот, приведший меня сюда, не хотел давать дальнейших инструкций. Я простоял так минут десять, пока Ари нервно не одернула меня с призывом идти обратно.

Мы уже сделали несколько шагов в обратном направлении, как я застыл. Меня на миг осенило, и я попросил Ари достать складной нож из своего рюкзака. Она, ничего не понимая, достала миниатюрный набор ножей в одной связке и передала мне. Я снял перчатку скафандра, чтобы освободить руку, и сделал небольшой надрез на пальце. Показалась капля крови. Я побежал к арке портала и прислонил к ней руку, так чтобы кровь попала на неё.

Белый камень арки заискрился и стал заполняться красным огнём. Я поспешно надел перчатку, и мы с Ари удивлённо наблюдали за процессом. Огонь кружил, пока не заполнил каждую частичку внутри арки портала. Я протянул моей спутнице руку, чтобы мы вместе совершили шаг в неизвестность. Но тут голос в голове резко остановил меня непродолжительным шёпотом, повторяющим: «Только ты». Я одёрнул руку, что очень смутило мою новую подругу.

– Сначала я пойду один, – виноватым голосом пробормотал я.

– Что?! Ты не можешь оставить меня здесь одну! – закричала Ари.

– Я вернусь за тобой, обещаю. Но сейчас я должен пойти один.

– Ты не можешь бросить меня! – кричала она, и на её глазах наворачивались слёзы.

– Я сделаю всё, чтобы ты жила. Прости меня, – тихо сказал я, делая шаг в портал.

В следующее мгновение меня выбросило на раскалённую поверхность космического тела с такой большой силой притяжения, что мне потребовалось немало усилий, чтобы выпрямиться. Это было раз в тридцать сложнее, чем на Земле. Поверхность напоминала застывающий металл, от неё поднимались клубы дыма, и пронизывали тысячи расселин, откуда вырывалось красное огненное свечение. Я еле поднял голову и увидел множество огней вокруг. Присмотревшись, я понял, что это космический флот. Это были те же корабли, что я отчётливо видел, лёжа среди травы на Астре. Они, похоже, наблюдали. Сразу стало понятно, что атмосферы здесь нет, и моё дыхание давно остановилось. Но никакого дискомфорта я не ощущал.

Это же не планета, а та самая звезда, термоядерные реакции которой заглушали леденящие ракеты кораблей! От удивления я даже не активировал шлем скафандра, а оно оказалось ненужным.

Я сделал пару шагов. Мои ботинки оставляли за собой застывшие следы на металле. Звезда, похоже, стала уже в несколько раз меньше той, что я наблюдал в видении. От неё остались только твёрдые элементы, а газы почти все улетучились. Поистине, пугающее зрелище. И я совершенно не понимал, почему меня забросило именно сюда.

Неожиданно инфо-датчик получил сигнал от одного из кораблей, он содержал вопросы о том, кто я и как здесь оказался. При сканировании поверхности они обнаружили «нечто живое», и лишь многократное увеличение изображений дало понять, что это человек! Но у меня не было второго датчика, который отвечал за обратную связь, и я попытался объяснить жестами. Это было лучше, чем молчать и ждать, пока по мне запустят очередную ракету.

Системе жестов меня обучили на Лораксе. Так я представился: «Маркус Гиронимус». Видимо, капитан понял и повторил моё имя через инфо-датчик. В его голосе звучало изумление. Я жестом показал, что он всё правильно понял. Капитан спросил, как я оказался на звезде Немма. Я снова жестами ответил: «Не знаю». Капитан сказал, что может отправить ко мне шлюпку, но это очень рискованно. Термоядерные реакции внутри ядра не закончены, и в любой момент может произойти новый всплеск активности. Я в ответ покачал головой, и сделал жест, означающий «пять минут». В ответ я услышал только то, что я сумасшедший, и ему нужно обо мне доложить. Я закивал и сделал ещё пару шагов по раскалённой поверхности.

Звезда умирала. Ей не позволили взорваться сверхновой и не стать чёрной дырой. Я – не учёный, чтобы точно говорить о причинах, но, видимо, вероятность была высока. Немма

миллиарды лет поддерживала жизнь людей на двух обитаемых планетах в её системе, одной из которых и была Астра. Немме не дали спокойно уйти на покой, решив остудить её. А что, если мой катер переместило сюда, чтобы я добрался до звезды, а не спускался на планету?

Мне было больно, я понимал чувства звезды, словно она была живая. А как может быть не живым то, что подарило жизнь планетам и всем существам на них? Эта боль была вполне реальной и терзала моё сердце. Казалось, во мне сейчас куда больше сил, чем осталось у бедного светила.

Размышления прервал привычный шёпот в голове, и на этот раз я смог разобрать всего одно слово – «кровь». И тут у меня в голове возникла безумная идея.

Я сделал ещё с десяток тяжёлых шагов. Ботинки скафандра плавись, так что ногами я ощущал раскалённую поверхность. Не было горячо, только мне угрожала опасность застыть в металле. Ещё через несколько шагов я твёрдо стоял у самого края пылающей расщелины и достал из рюкзака портативный набор ножей, прихваченный у Ариадны. Мне также пришлось снять перчатку скафандра. В этот раз я сделал большой надрез на ладони, думая, что одной каплей тут уж точно не обойтись, и, присев на колени, вытянул руку над глубокой раскалённой бездной, из которой выходил пар. Струйка крови потекла вниз из сжатого кулака. Я держал руку до тех пор, пока рана не перестала кровоточить.

Поверхность звезды резко задрожала, и вокруг меня стали образовываться новые расщелины. Одна из них открылась кругом перед моими ногами, и в ней образовался небольшой портал, не больше метра в диаметре. Звезда задрожала сильнее, так, что я не мог сохранить равновесия, и, не думая, прыгнул вниз.

Меня выбросило обратно к portalу на Астре, откуда не больше пятнадцати минут назад я переместился на поверхность звезды. Лёжа на заснеженной каменной плите, я, наконец-то, вспомнил, как дышать, и я сделал глубокий вдох, от которого сразу же закашлялся.

Ари, не обращая на меня внимания, наблюдала за вспышками света в небе. Я поспешно натянул перчатку и тихо подошёл к девушке.

Из глаз её стекали слёзы, только на этот раз они были не из-за разочарования или утраты. На лице Ари появилась лёгкая улыбка, которую я видел впервые с момента нашего знакомства. Мы наблюдали за перерождением звезды...

В небе искрили то красные, то жёлтые переливы, всполохи, испускаемые светилом. С каждой минутой их становилось всё больше. Звезда то гасла, то загоралась вновь с ещё большим свечением. Уже через полчаса мы наблюдали в небе здоровое жёлтое солнце вместо разрушительного красного гиганта, каким оно было ещё несколько часов назад. Ночь стремительно сменилась днём. На душе стало тепло, от боли внутри не осталось и следа, я не скрывал улыбки. Наши глаза щурились от вернувшего солнечного света.

– Как думаешь, она теперь будет жить? – тихо спросила Ари.

– Думаю, да.

– Куда ты переместился? – девушку, словно осенило, и она резко развернулась ко мне.

– Туда, – я указал рукой на звезду.

– Шутишь? – с её лица мгновенно пропала улыбка.

– Разве я похож на шутника? – я рассмеялся.

– Я тебя совсем не знаю!

– Однажды я расскажу тебе всё, что захочешь, и ты сама сделаешь выводы.

– Хорошо, – Ари ненадолго задумалась, – но только на другой планете!

– Ты всё ещё хочешь пройти через портал? – я удивился её рвению.

– Да, если он не выбросит меня в открытый космос!

– Понятия не имею, куда он приведёт в этот раз! – усмехнулся я.

– Так давай узнаем! Не хочу видеть, какие последствия будут на Астре после замены красного гиганта на такое маленькое солнце.

– Что ж... Давай...

Уже привычно я снял перчатку и слегка прошёлся лезвием ножа по свежей ране на ладони. На ней проступили несколько капель крови. Ари забрала свой набор складных ножей и взяла меня за здоровую руку.

Я поднёс ладонь к арке портала, и она мгновенно заискрилась от соприкосновения с кровью. Открылся новый огненный портал, и на этот раз мы сделали шаг в неизвестность вместе.

Глава 7. «Морфула»

Мы с Ариадной шагнули в туманный то ли день, то ли вечер. Портал закрылся за нами мгновенно, а видимость вокруг не превышала десяти метров. Моросил мелкий дождь. Воздух был пропитан запахом торфяных болот, смешанным с туманной сыростью.

Мы оказались на такой же каменной площадке, как и та, с которой только что переместились с Астры. Здесь сохранились невредимыми две арки древних порталов. Осмотреться вокруг не получалось из-за густого едкого тумана, и мы решили пройти по тропинке, ведущей от каменных плит вглубь леса. Она же должна была куда-то вести.

Этот мир казался серым, но не из-за отсутствия цветового разнообразия. Все оттенки любого цвета тускнели от мрачной погоды, которая навеивала только тоску и неизвестность.

Ари знала о порталах многое, но не знала, где мы находимся. Подобные постройки остались на сотнях старых планет, и гадать смысла не было. Она также не могла передать запрос через инфо-датчик из-за блокировки инфо-поля планеты. На Астре мы не могли вызвать помощь из-за полного отключения инфо-сферы и перемещения искусственных спутников к другим планетам, а тут устройство сообщало о невозможности отправить запрос во вселенскую сеть.

Тропинка под ногами была хорошо утоптана, а земля пропиталась влагой. От подошв моего скафандра почти ничего не осталось, а другой обуви не было. Потому я скользил, ступая среди невысоких деревьев с тёмной листвой. Ари не спеша шла следом.

Вокруг тропинки росли необычные деревья с высокими корнями, возвышаясь над болотами. Несколько раз дорогу перебегали грызуны неизвестных мне видов.

– Меня пугает эта планета, – с грустью произнесла Ари.

– Тут хотя бы есть солнце, и достаточно тепло, – я повернулся и попытался улыбнуться ей.

– Но мрачно, – возразила спутница, снимая с себя термокуртку.

– Мы обязательно найдём людей, которые нам помогут, – твёрдо сказал я и продолжил путь.

– Если только этот лес не тянется на сотни километров...

Не обращая внимания на грустный тон девушки, я снова пытался её приободрить:

– А если и тянется, у нас есть всё, чтобы выжить, как минимум на неделю.

Мы шли часа три, высказывая разные предположения о том, что нас ждёт. Ари выразила озабоченность лесными хищниками, но я уверил, что смогу её защитить. Тем более, какие хищники водятся в болотистой местности? Разве что куча надоедливых насекомых, жужжащих над ухом!

Мне казалось, что самое худшее уже позади, и это первый этап в наших новых жизнях. Мы свернули с тропинки на несколько метров для привала и увидели в тени деревьев крохотную поляну, густо заросшую травой. Отличное место для палатки!

Развести огонь из мокрых веток и при такой высокой влажности было достаточно сложно, но мы справились – помог походный лазер, который обнаружился в рюкзаке Ариадны. В раскладной посуде мы приготовили кашу на огне и плотно поели.

Становилось темнее, значит, всё-таки здесь был вечер. Погода была тёплой, и я снял скафандр, чтобы выспаться в плотно сидевшем на мне термобелье. На удивление, рана на бедре почти зажила и больше не причиняла боли. Ари переделась в белую футболку и лёгкие брюки. Так мы и легли спать, закрыв палатку изнутри.

К утру туман почти рассеялся, но тучи не покидали небосвод. Мир оставался таким же серым. Мы собрали вещи в рюкзаки и продолжили путь. Вскоре вдаль показался дым, и мы поспешили посмотреть, откуда он исходит.

– Расскажи мне про планетотворцев, – попросил я Ари, пока мы добирались до источника дыма.

– От них остались только легенды. И я не уверена, что они правдоподобны. Ты, правда, хочешь знать? Лично я не верю, что ты к ним относишься, – с усмешкой сказала она.

– И всё же расскажи, – снова попросил я, чуть не споткнувшись о ветку под ногами.

– Хорошо. Ты когда-нибудь бывал на Лораксе?

– Да, совсем недавно. Мне рассказывали, что это очень древняя планета, и её звёзды каким-то образом восстановили, чтобы она осталась живой, – я на мгновение обратил внимание на большую птицу, наблюдавшую за нами с дерева, но стоило мне поднять голову, как птица с криком взлетела и скрылась за густыми макушками деревьев.

– Живой? Забавное определение для материи. Миллионы лет назад одна из звёзд Лоракса растворилась в космическую пыль, её жизнь и так слишком долго продлевали искусственным образом. А вторая звезда грозила взорваться и превратиться в чёрную дыру, примерно также, как и Немма, освещающая Астру. Как гласит легенда, королевская семья нашла планетотворца, чтобы он восстановил звёзды. Причём они нашли его в галактике Альсон, где живут людоеды. По слухам, они до сих пор поддерживают жизнь на непригодных для этих варваров планетах. Тот найденный планетотворец собрал заново первую звезду и переродил вторую, продлив жизнь системы Лоракса ещё на миллиарды лет.

– Любопытно, как же он смог это сделать? – я старался скрыть свою крайнюю заинтересованность, но у меня, похоже, это плохо получалось.

– Не знаю. Никто не знает, – отвечала Ари, как ни в чём ни бывало. – Легенда гласит, что он вернул обе звезды за несколько дней, а от одной звезды до другой космолёт того времени долетал за неделю. Лоракс же огромен! С этим планетотворцем связана и другая легенда о том, что условием для восстановления системы Лоракса был мирный договор с людоедами. Именно после этого всех приговорённых к смерти стали отправлять в галактику Альсон на съедение этим нелюдям. И если когда-нибудь королева нарушит условие, они снова начнут космические разбои в поисках пищи.

– Надеюсь, мы никогда там не окажемся, – пробормотал я, передёрнув плечами, а затем уже громче спросил: – А что ещё умеют эти планетотворцы?

– Они каким-то образом питались энергией самой Вселенной и с её помощью создавали звёзды и пригодные для жизни планеты. Но они жили миллионы, если не миллиарды лет назад, и были не такими, как мы. Эволюция заменилась техническим прогрессом, который не даёт расе людей развиваться должным образом. Планетотворцы похожи на гуманоидов, но совсем не таких, как мы. Точного описания нет. А легенды гласят, что ростом они под три метра, а их кожа – золотистая. Они не дышат, как мы. Их питает энергия звёзд. Когда они умирают, где-то на краю Вселенной загораются новые звёзды.

– Получается, когда-то Вселенной не хватало своих собственных сил на создание миров, и она породила этих существ?

– Да, примерно так.

– А они могли воскрешать не только звёзды, но и живых существ, или хотя бы растения? – аккурратно поинтересовался я.

Ариадна помолчала и ответила задумчиво:

– О таком нигде не написано, так что, думаю, нет.

– Ну что ж, под это описание я не очень подхожу. Хотя, кто знает, на что ещё я способен, – предположил я с усмешкой.

– Маркус, ты – фокусник и не более того! – твёрдо заявила Ари.

Когда опустились сумерки, мы заметили, что дым исходил от выбросов энергостанции, к которой мы, наконец, подошли. Ари поведала мне, что подобные конструкции черпают энер-

гию из недр самой планеты! Так люди могут использовать потенциал космических тел почти на сто процентов!

Лес закончился, вдали виднелись огни большого города. Я смог разобрать, что свечение исходило от огромных антигравитационных платформ, на которых парили дома. Мы решили не останавливаться, а сразу направились к поселению. По ходу расчётов инфо-датчика мы сделали вывод, что сутки на этой планете равнялись двадцати двум стандартным часам, а сила притяжения составляла девять десятых от земной.

Мы прошли мимо станции, располагавшейся на возвышенности, видимо, во избежание затоплений. Людей не было видно, и мы продолжили путь по старой асфальтно-бетонной дороге. Болотный запах усиливался. Туман опускался всё ниже, и огни города постепенно меркли. Вскоре мы вышли на пустынные улицы среди невысоких нанопластидных зданий, основания антигравитационных подушек которых подсвечивались фиолетовым. В окнах приглушённо горел свет, но никого не было видно. Очень мрачная картина.

Город построили на болотистой местности и, чтобы никого не затопило, вознесли все здания на антигравитационных платформах вокруг примитивных асфальтных дорог. Пути вели прямо к порогам многоквартирных домов.

Ари было не по себе, она боялась, что мы совсем одни. Я пытался успокоить её и тщательно высматривал людей. Но никто вокруг не ходил. А массивные двери домов были тщательно заперты, так, что мы не могли подняться к горящему в окнах свету.

Неожиданно нас окликнул тяжёлый мужской голос.

– Стойте! – повторила тёмная невысокая фигура, выходящая нам навстречу из тумана.

Сперва мы испугались, но тут же обрадовались появлению хотя бы одного человека на этой планете. Это был пожилой мужчина в свободном сером костюме, а лицо его закрывала плотная кислородная маска. Он остановился в метре от нас, и продолжил:

– Какова ваша причина нарушения комендантского часа? Почему вы без масок?

– Простите, уважаемый, мы прибыли сюда совсем недавно и ещё незнакомы с местными правилами, – спокойно ответила Ари.

– Это невозможно. Морфула уже год на карантине, любые перемещения с планеты и на неё ограничены – сюда пускают только доставку необходимого.

– Возможно, вы нам не поверите, но мы пришли через портал, – объяснил я, из-за чего Ари посмотрела на меня так, будто я сошёл с ума.

– Верно. Это также невозможно. Так откуда же вы?

– С Астры, – ответил я.

– А-а-а, это планета, звезду которой воскресили, во всей вселенской сети только о ней и говорят. Но она в миллионах световых лет отсюда, – мужчина усмехнулся.

– Так как же мы могли здесь оказаться, если только не через портал? – язвительно спросила Ари.

– Логично. Но с этим будут разбираться другие. Вам есть, куда идти? – поинтересовался он.

– Нет, – хором ответили мы.

– Тогда я провожу вас в одну из освободившихся квартир, следуйте за мной.

Мужчина повёл нас по узким улочкам города. Туман сгустился настолько, что с лёгкостью скрывал крыши невысоких зданий.

– А вы знаете, как спасли звезду Астры? – поинтересовалась Ари у неизвестного, пока мы шли за ним.

– Вы разве не знаете? Это же главная новость сегодня! – усмехнулся мужчина.

– Нет, мой инфо-датчик не принимает местный сигнал, – ответила Ариадна.

– Странно. Скажите об этом завтра тем людям, которых я к вам отправлю. Инфо-поле планеты в порядке, всё работает. Может, дело в вашем датчике?

– Возможно, – согласилась Ари. – Так, что со звездой случилось? Вы не ответили.

– Ах, да. Её термоядерные реакции почти остановили. Как вдруг на остывающем светиле появился человек, ну или он был похож на человека. Видеограмма такой дальности со спец-аппарата была не чёткой. Капитану одного из кораблей даже удалось с ним связаться. Он назвал своё имя и отказался от помощи. Дальше он сделал что-то странное, опять же, сложно было разглядеть, после чего на звезде стали стремительно образовываться новые реакции с совершенно другими элементами, а человек куда-то исчез. За звездой ещё наблюдают, но прогноз благоприятный. Хотя, скорее всего, её тепла теперь не хватит для поддержания жизни на Астре, а только на Вене, которая находится ближе к светилу.

– Поразительно! – удивилась моя спутница. – А имя этого человека назвали?

– Конечно, – подтвердил мужчина, – Маркус Гиронимус. Фамилия-то известная, вот и запомнил.

Ари удивилась ещё больше, но промолчала.

Мужчина подошёл к одному из парящих домов, со стороны парадной двери и достал большой сверток старинных ключей, пока от парадной спускался небольшой подъёмник. Неизвестный пытался отыскать нужный ключ, рассказывая нам насколько старые эти дома. По его словам, их построили несколько тысяч лет назад, и уже много раз реставрировали.

Мы поднялись на подъёмнике. После неудачных попыток старик всё-таки открыл массивную входную дверь. Она закрипела. Гравитационного лифта в доме не было. И мы шагали наверх по лестницам из нанопластида, напоминавшего камень. На четвёртом этаже мы свернули в узкий коридор. Штукатурка с потолка обваливалась, а краска на стенах давно выцвела и полопалась. Старик привёл нас к одной из дверей в конце коридора, и та оказалась не заперта. Мы вошли в мрачное помещение со старинной мебелью. Тут было всего две комнаты, которые представляли собой маленькую кухню и спальню, не считая отдельного санузла. Наш провожатый нашёл на стене выключатель, и комната осветилась ярким белым светом. Теперь можно было различать цвета вокруг.

– Никуда не выходите. Я доложу о вас, и завтра к вам придут, заодно принесут вам еду и питьевую воду. Сейчас, к сожалению, не смогу помочь, если вы голодны.

– Спасибо. У нас есть еда, – вежливо ответил я.

– А почему нельзя выходить? – успела спросить Ари, когда мужчина уже собирался уходить.

– Ах, вы и об этом не знаете! – удивлённо воскликнул старик.

– Нет, – тихо ответила Ари.

– Я уже говорил, что планета на карантине, но вас больше интересовала звезда далеко отсюда, – пробормотал старик, почёсывая голову. – У нас тут бушует страшная болезнь, которая уже унесла жизни половины населения. Собственно, так и освободилась эта квартира. Но вам бояться нечего, если вы не контактировали с заражёнными. Здесь уже тщательно всё обработали.

– А болезнь не передаётся по воздуху? – настороженно спросил я.

– Передаётся, поэтому нужны маски. Завтра вам всё принесут. Доброй ночи, – пожелал мужчина и закрыл за собой дверь.

– Доброй ночи, – сказала Ариадна ему во след.

Незнакомец не стал запираť дверь нашей квартиры на замок, но, возможно, закрыл парадную дверь. Мы всё равно не собирались никуда выходить. Ари первым делом пошла смотреть санузел. В крохотном помещении стояла старинная ванна на ножках. Под ней находилось множество бутылочек. И Ариадна быстро нашла голубую пену для ванн. Она хотела расслабиться и попросила её не тревожить.

Все столы и комод покрывал толстый слой пыли, а в углу потолка плёл паутину двенадцатипалый паук. Я достал из рюкзака привычную крупу, долго разбирался со старинной индук-

ционной плитой и всё-таки смог приготовить нам кашу на воде. На полках кухни даже нашлась сладкая присыпка, оставалось надеяться, что у неё не истёк срок годности. Также я нашёл на кухне тарелки с необычными узорами, помыл их, разложил кашу и крикнул Ари, что её ждёт еда. Мою новую подругу не пришлось долго ждать. Она была голодна также, как и я. Мы вытерли стол и стулья от пыли и, наконец, сели принять свой очень поздний ужин.

– Значит, ты из семьи Гиронимус? – спросила Ари, опустошив тарелку каши.

– Не совсем, – неохотно ответил я.

– Это как? Ты либо из королевской семьи, либо нет. Но я точно знаю, что род Гиронимус один с такой фамилией.

– Понимаешь, они от меня избавились, потом нашли. А я взял и сбежал.

– От чего ты бежишь, Маркус? Если всё это правда, то у тебя были все блага и возможности самой современной цивилизации.

– От убийств, – с грустью ответил я. – Я бегу от испытания, в котором должен убить девять своих братьев и сестёр, либо умереть сам.

– Ты не похож на членов королевской семьи. Они, не задумываясь, уничтожают целые звёздные системы, если им это выгодно.

– Именно. Я так не могу.

– Ты боишься умереть?

– Нет, это не страх. Это, скорее, отвращение к сложившейся системе. Думаю, что моё благополучие не стоит ни одной забранной жизни.

– А если эти девять «забранных жизней» спасут не тебя, но целую Вселенную?

– Это уже другой разговор, такого условия нет...

– Почему же? Если ты, правда, принц, то смог бы исправить всё, что наворотили твои предки. Ты мог бы закончить войны, голод и истребление целых миров, – с энтузиазмом говорила Ари.

– Назад мне пути нет, – тихо ответил я.

– Если ты, и правда, из королевского рода, тебе пора принять себя таким, каким ты должен быть!

– А каким я должен быть? Я стал уже таким, как есть! Сожалеть поздно, – вскипел я и отвернулся к окну.

– Маркус, я, конечно, до сих пор не могу в это поверить, но то, что ты сделал со звездой Неммой, – это настоящее чудо. И оно преследует тебя. Так, может, ты бежишь от самого себя?

– Уже поздно, я хочу спать, – печально ответил я, не найдя лучшего ответа.

Мы легли на большую старинную кровать, убрав с неё пыльное покрывало. Она скрипела от каждого движения, и я старался не шевелиться, чтобы не будить Ари. Уснул только к утру. Слова подруги всё никак не выходили из головы.

Любой другой мальчишка с Земли с радостью бы воспользовался ситуацией, когда остался наедине с красивой девушкой. Но не я. Земных подростков терзало желание плотских удовольствий, а мне это чувство было чуждо. Я не испытывал к Ари никаких желаний, разве что желание помочь. Более высокие чувства и странные мысли во мне вызывала лишь Элиз. Я часто думал о ней...

Мы бы проспали долго, если бы утром нас не разбудили трое человек. Они были одеты в белые свободные защитные костюмы и кислородные маски. Мы с Ари быстро оделись и сели на край кровати, готовые слушать. Один из посетителей спросил, кто мы и откуда, и Ари пересказала ему всё тоже самое, что говорила ночью старику. Я назвал своё имя без фамилии, давая понять Ариадне, что лучше бы умолчать о том, кто я есть, на самом деле.

Человек в маске сказал, что порталы давно не работают, а мы врём. На что Ари резко вскочила, пошла на кухню, вернулась с рюкзаком в руках и высыпала всё его содержимое на кровать. Она протянула пакет с крупой человеку в маске и попросила прочесть надписи на нём.

На пакете было написано – «Произведено на Вене». Это соседняя к Астре планета. Множество таких этикеток она показала на разных вещах. Люди всё ещё не верили. Тогда она заявила, что они могут сверить её ДНК по базе и тогда точно узнают, откуда мы. Эта мысль показалась всем довольно разумной. Также Ари попросила посетителей проверить её инфо-датчик. Эти трое переговорили между собой и пригласили нас в лабораторию. Они выдали нам кислородные маски и велели следовать за ними.

Мы прошли вглубь города к невысокому белому строению, сильно отличавшемуся от других. Оно было построено значительно позже остальных зданий. Внутри лаборатория представляла собой множество комнат и коридоров со стеклянными стенами. Двое сопровождавших мужчин поднялись на второй этаж, а третий повёл нас дальше. Мы вошли в небольшую комнату с прозрачными стенами, которые стали зеркальными по голосовой команде нашего провожатого. В помещении находилась одна антигравитационная кушетка, куда мужчина попросил сесть Ари. Только тогда он сообщил нам, что его зовут Патрим, он – штатный эпидемиолог и врач общей практики.

Всё это время я тихо стоял у двери, наблюдая за всем.

Патрим спрашивал Ари о разных симптомах, но она на всё отвечала, что абсолютно здорова. Тогда врач сделал точечный разрез на тыльной стороне руки Ариадны, и тут же подключил на это место какой-то проводной датчик. Он соединялся с большим устройством, которое уже передавало данные на голо-монитор. Через пару минут устройство проверило ДНК Ари и сопоставило его с триллионами других. Врач изумился, когда убедился, что мы говорили правду.

Последний раз мою подругу обследовали две недели назад, перед эвакуацией на Астре, и Патрим внимательно изучал эти данные. Он понял, что никак иначе, чем через портал, мы не могли тут оказаться. Также Патрим внимательно просканировал инфо-датчик Ари и сделал вывод, что датчик в её мозге сгорел, что тоже было удивительно.

– Когда датчик работал последний раз? – спросил он.

– На Астре ещё работал, буквально два дня назад, – Ари пожала плечами.

– Странно. Обычно датчик не перегорает, даже если в человека ударит молния, и мозг расплавится.

– Что вы хотите сказать? – она посмотрела на приборы с опаской.

– Что вы подверглись мощному электромагнитному воздействию и при этом остались живы. Удивительно, правда?

– Пожалуй. И что делать с датчиком?

– Я могу заменить. Но достать его можно только при общем наркозе.

– Хорошо. Сколько я буду спать?

– Не больше часа. Можем сделать это сейчас, а пока вы будете просыпаться, я проверю вашу кровь на наличие вируса Ласса. И кровь вашего друга тоже, – Патрим повернулся и посмотрел в мою сторону.

– Я могу отказаться? – хмуро спросил я.

– Да, но, если вы заболаете, всё равно придётся проводить тесты.

Ари прервала его:

– Давайте просто заменим мой инфо-датчик!

– Да, конечно. Только мне необходимо о вас сообщить, понимаете? – теперь врач обращался к нам обоим.

– Мы понимаем. Но, думаю, мы уйдём с этой планеты раньше, чем сюда прилетят сотни исследователей порталов, – ответил я.

– Выходить из дома можно только в определённые часы. Я выдам вам инструкцию, – сказал врач.

Мы согласились со всеми условиями, и Ари легла на кушетку. Патрим сменил защитные перчатки, и ввёл ей анестезию. Она уснула меньше, чем через минуту. Врач ловко с помощью тонких скальпических трубочек извлёк инфо-датчик Ари через нос. Зрелище не из приятных. Патрим заботливо вытер кровь с носа и губ девушки и с помощью этих же трубочек ввёл новый датчик. По окончании операции он вставил вату в её ноздри, чтобы остановить кровь.

Ари проснулась ровно через час. Я помог ей встать и поинтересовался, как она себя чувствует. Ариадна пережила операцию без последствий от анестезии, чувствовала себя превосходно, и новый инфо-датчик в её мозге уже скоординировался с датчиком линзы и прекрасно работал.

Патрим сообщил, что вируса Ласса в крови Ари не обнаружено, и нам нужно быть максимально осторожными, чтобы не заразиться. Он снова просил нас никуда не выходить из квартиры, и всегда носить кислородные маски. Ещё никому не удалось выжить после заражения вирусом, поэтому учёные не могут сделать вакцину. А пока они её не создадут, планета закрыта для межзвёздного сообщения, и беспилотники доставляют сюда только самые необходимые людям вещи и продукты.

Врач передал нам ключ от парадной и любезно предложил проводить нас с Ари до дома, чтобы нас не задержал патруль, контролирующий комендантский час. Мы согласились и вышли из стеклянного кабинета вместе с ним. Патрим заглянул в одну из дверей в коридоре, это был встроенный шкаф. Он выдал нам мешки с чистыми вещами и едой. Обрато мы шли тем же маршрутом, сквозь узкие улочки старых домов.

Днём туман почти рассеивался, и можно было разглядеть здания и редко встречающихся людей в таких же белых защитных костюмах.

Из одного дома двое, похожих на врачей, выводили под руки пожилую женщину в ветхом платье. Она была без маски и во весь голос кричала, что не хочет уходить, и они не имеют права её забирать. Женщина сопротивлялась, как могла. Врачам не удавалось оттащить её от подъёмника парадной двери, больная держалась мёртвой хваткой.

Патрим увидел происходившее в этом дворе и поспешил на помощь. Теперь они втроём оттягивали бедную женщину, так что ей пришлось отпустить поручень, за который она цепко держалась. Нам с Ари стало любопытно, мы подошли поближе и остановились неподалёку от машины госпиталя. Врачи пытались захватить женщину в этот автомобиль на магнитной тяге, чтобы доставить больную в госпиталь. Она всё ещё кричала. Ари было не по себе от этой картины, и она взяла меня за руку, чему я немало удивился.

Пожилая женщина проклинала всех вокруг и за несколько шагов до машины начала кашлять кровью. Она страшно вопила, но врачи её не отпускали. Всего лишь на секунду её крики утихли, это она заметила нас. Не знаю, откуда у старухи было столько сил, но она вырвалась из рук врачей и подбежала к нам. «Они нас всех погубят!» – прокричала она мне в лицо. Врачи тут же оттащили её обратно. Но в этот злосчастный миг фонтан крови вырвался из горла больной. Огромная лужа моментально образовалась на каменистой дороге, и множество мелких капель осели на наших непокрытых одеждой руках.

Патрим тут же побежал к машине за антисептическими салфетками и быстро дал их нам. Ему нужно было остаться, чтобы помочь другим с этой обезумевшей женщиной, и он сказал нам:

– Мне очень жаль. Теперь для вас нет смысла в этих масках. Идите в квартиру без меня, а я зайду завтра.

Его глаза наполнились печалью, словно нас уже не было...

Мы сняли маски и не спеша пошли в наше временное убежище. Ари плакала всю дорогу. Через инфо-датчик она уже узнала всю информацию про вирус Ласса, пока мы шли с Патримом, и определённо понимала, что на этом закончится её и без того короткая жизнь.

Лихорадка Ласса представляла собой острое вирусное заболевание, воздействующее, в первую очередь, на мозг. Самым первым симптомом являлось повышение температуры тела до тридцати девяти градусов. Затем мозг постепенно разрушался, что приводило к спутанности сознания и головным болям. Больные теряли память и слепли. Всё это провоцировало сильную агрессию и навязчивые состояния.

Мозг человека умирал стремительно, и врачи фиксировали смерть больных самое большее на десятый день. Вирус передавался всеми возможными путями, включая воздушно-капельный, поэтому здоровым необходимо было всегда носить маски и желательна закрытая одежда.

Мне было жаль мою подругу, но не себя. Я был готов умереть сотни раз и в этот раз тоже не боялся. Ощущение моего конца даже немного радовало. Сознание было готово остановить бегство длиною в жизнь.

Хотелось сделать эти последние дни хоть немного радостными. И следовало поспешить до начала первых симптомов. Стоял тёплый полдень, когда мы добрались до нашей захудалой квартирки. Ари успокоилась и тоже мысленно приняла неизбежное.

– О чём ты мечтала? – я подсел к ней на пол у кровати.

– Я хотела стать великим археологом, – она грустно водила пальцем по полу кругами, будто хотела что-то нарисовать, – путешествовать по всей Вселенной. Может, совершить открытие, чтобы отец мной гордился. А ночами я представляла свою будущую семью: любящий муж, несколько озорных детей. Я могла бы жить ради них.

Она подняла голову и посмотрела мне в глаза.

– А были короткие желания? – улыбаясь, продолжал допытываться я.

– Да, – она тоже улыбнулась. – Я хотела прогуляться по широким улицам Лоракса и своими глазами увидеть легендарный замок! Мне бы хватило всего одного дня. Ещё я хотела полетать на парашюте, научиться плавать, переночевать в мифическом омантровом лесу, взобраться на высокую гору и... – она запнулась на мгновение, – просто жить.

– Ты не умеешь плавать?! – вскричал я, отвлекая её от грустных мыслей, и аж подскочил.

– Нет, родители никогда не возили меня к морю. На Астре это было затратно, – Ари печально поглядела в окно.

– А ты можешь через инфо-датчик узнать, где ближайший водоём, пригодный для купания?

– Да. Что ты задумал, Маркус?

Ари тоже поднялась с пола и поправила одежду.

– Я научу тебя плавать! – воодушевлённо заявил я, размахивая руками, будто плыву в море. – Я вырос на Амаране, где воды было куда больше, чем суши!

Ари обрадовалась и тут же сообщила, что ближайшее озеро всего в нескольких километрах от города. Через полчаса будет разрешено выходить по правилам комендантского часа, и мы смогли бы направиться к водоёму. Я оделся в новую, но совсем простую одежду и обувь. Оказывается, гораздо приятней, когда твои ступни не касаются земли.

В воздухе ощущалась высокая влажность, было душно. Но это не мешало лёгкому ветру веять летним теплом. Мы быстро дошли до энергостанции и от неё свернули в заболоченный лес по незнакомой, но хорошо протоптанной тропинке. До озера дошли быстро. Белый песчаный пляж так и манил прохладой. Я разделся до трусов, а Ари осталась в белье и полупрозрачной футболке, которая не могла скрыть её хрупкого телосложения. На несколько минут жизнь показалась мне совсем обычной, и не хотелось упустить этот момент.

С разбега я нырнул и далеко проплыл под водой, прежде чем вынырнуть обратно. Ари только чуть мочила ноги и сразу уходила обратно на пляж. И так несколько раз. Она словно боялась этой прекрасной освежающей воды. Я подплыл ближе к берегу так, что стоял в воде по пояс, и позвал Ари, размахивая руками.

– Подойди ко мне!

– Зачем? – спрашивала она, в очередной раз «спасая» ножку от набежавшей из-за моих плесканий волны.

– Пойдём! Я научу тебя плавать!

– Мне страшно!

Ари стояла и не мигая смотрела на воду.

– Почему? – я не понимал её страха.

– Мне кажется, что я сразу утону.

Я видел, что девушке было неловко.

– Обещаю, что ты не утонишь, – медленно говорил я, протягивая ей руку.

Она сделала несколько шагов навстречу мне. Вода дошла ей до колен. Ари задрожала. Я подошёл ближе.

– Если не попробуешь сейчас, – говорил я, снова протягивая ей руку, – то уже никогда не сможешь,

– Хорошо... Что я должна делать?

Я попросил её обхватить меня сверху руками и крепко держаться. Загорелые руки испуганной подруги цепко схватили меня за плечи, и мы поплыли. Первые минуты медленно, преодолевая её страх. Потом быстрее. Прошло не больше десяти минут, как у меня за спиной раздавался радостный смех, и я поплыл ещё быстрее. Мы долго кружили по озеру. Руки Ари расслабились, – я понял, что больше она не боится, и радовался вместе с ней.

После катания на моих плечах, мы всё же стали разбирать основные движения пловцов. Сначала я показал Ари на суше, как нужно двигаться, а после позвал её пробовать в воде. Задорно смеясь, она бултыхалась на мелководье. Я придерживал её, и вскоре она поплыла сама. До сих пор я ещё не видел столько радости на её лице. Мы веселились и плавали до темноты, как маленькие дети.

Обратно мы шли с осторожностью, и, к счастью, не были никем замечены. Этой ночью Ари засыпала с лёгкой улыбкой.

Утро заставило себя долго ждать. Всю ночь Ари то просыпалась в бреду, то снова засыпала. Она говорила что-то непонятное в полусне, а по её лицу струями стекал пот. Я прикладывал ей ко лбу смоченное холодной водой полотенце, и она вновь засыпала. Утром ей стало лучше, но всё равно лихорадило. Я набрал ванну прохладной воды, и Ари лежала в ней до прихода Патрима.

Жар ненадолго отступил, и Ари перебралась на кровать. Патрим внимательно её осмотрел.

– Обычно симптомы приходят на второй – третий день, но есть везунчики, кто продержались и пять дней до начала болезни, – сказал нам врач.

– Вы можете ей помочь? – умоляюще просил я, хотя уже знал ответ.

– Я могу лишь помочь ей прожить на несколько дней больше. Если не лечить симптомы, то смерть наступает на пятый, шестой день, а если лечить, то на девятый, десятый. И то я могу предложить обезболивающее и жаропонижающее. Других лекарств против этой болезни не существует...

– Это бы помогло нам... – мой голос становился все тише.

– Вирус поражает мозг. Постепенно. Этот процесс нельзя остановить, поэтому, в любом случае, дня через три начнутся проблемы: спутанность сознания, бредовые мысли, галлюцинации. Часто пациенты становятся опасны для окружающих, тогда мы забираем их в больницу. Вы можете вызвать службу через инфо-датчик, если такое случится с одним из вас, – печально предупредил врач.

– Хорошо, – пробормотала Ари, отворачиваясь от нас.

Патрим объяснил, что его ждут ещё многие больные, поэтому нужно идти дальше. Он оставил нам запас лекарств и обещал вернуться послезавтра.

Мы снова остались одни.

– Тебе не страшно? – Ари повернулась ко мне.

– Нет, – я присел на кровать ближе к ней.

– Почему?

– Смерть похожа на успокоение, осознание конца смертей, идущих за мной по пятам...

– А ты кого-нибудь спасал, Маркус? – она тяжело дышала.

– Да, – ответил я и погладил её по руке.

– А что важнее: те, кому ты несёшь смерть, или те, кто обрели спасение?

– Ты мыслишь слишком по-философски, – усмехнулся я, задумался и, помолчав, добавил: – Спасение куда важнее.

– А ты только представь, скольких ты мог бы спасти, стань ты королём? – предположила подруга с едва уловимой улыбкой на раскрасневшемся лице.

– Не думаю, что из меня вышел бы хороший король, – усмехнулся я. – Да и поздно уже об этом думать.

Я гладил Ари по голове и волосам, и она очень быстро уснула. Это была наша последняя беседа...

К ночи температура Ари поднялась до сорока градусов, как транслировал её инфо-датчик. Лекарства смогли сбить жар на два градуса, но моей подруге всё равно было плохо. Периодически из её носа сочилась кровь. Она перестала понимать, где находится, плакала, кричала и звала родителей, а потом вновь засыпала.

К утру следующего дня Ари уже не помнила меня. Её слова были спутаны, и, ничего кроме имён её родителей, разобрать уже не получалось. Она начала кашлять кровью. Я помогал ей, как мог.

Сидя на полу у кровати, я осознавал, что хуже, чем наблюдать, как умирает близкий человек, ничего быть в жизни не может. Мои глаза наполнялись влагой от осознания того, что больше я ничем не могу помочь этой девочке. Мне хотелось, чтобы симптомы болезни пришли ко мне быстрее, и этот кошмар забылся. Но они так и не приходили...

Это был третий день болезни Ари. Она уже не могла сама дойти до туалета. Патрим снова приходил. Он выражал удивление, что я ещё здоров, и обещал вернуться завтра. Ари он больше ничем помочь не мог.

На четвертый день я по-прежнему чувствовал себя абсолютно здоровым. Даже рана на бедре окончательно зажила, не оставив и шрама. Но морально я был полностью опустошён.

Близилась ночь. Пока Ари спала я лежал в холодной ванне и всё думал, почему так случилось. Я бы отдал свою жизнь за её спасение!

Патрим застал меня, когда я выходил из ванны в одном полотенце. Он был удивлён гораздо больше, чем вчера. Пока он осматривал Ари, я оделся, а затем сел на кровать поближе к ней.

– Сколько ей осталось?

– Если повезёт, – дня два. Мне очень жаль, – врач задумчиво смотрел на меня. – Но это не так важно, как то, что ты не заболел.

– Может, мне повезло, и симптомы придут через пару дней? – спросил я в надежде, что это так и будет.

– Может. Но к этому времени они уже проявлялись у всех остальных заражённых, – объяснил Патрим, уже выискивая в медицинском чемодане пробирки. – Маркус, мне нужно взять твою кровь для тестов.

Я встал и резко возразил:

– Моя кровь не сулит вам ничего хорошего!

– Почему? – удивился Патрим, оставив в покое чемодан.

– Потому что это яд, – я решительно смотрел прямо в глаза врача.

– Сам лично я не могу тебя заставить, но мне придётся доложить в лаборатории. И думаю, через несколько часов к тебе придут другие врачи. Ты хочешь, чтобы они насильно забрали тебя?

Я отрицательно помогал головой и посмотрел на спящую Ари, из её носа снова полилась кровь.

– Ты ей уже не поможешь, но можешь помочь всем остальным! – умоляюще проговорил Патрим.

– Я не могу, – печально ответил я, не отводя глаз от подруги.

Патрим ушёл, не сказав больше ни слова.

У меня оставалось всего несколько часов до того, чтобы стать подопытной крысой. Но даже не это меня пугало. Меня устрасал факт того, что если они что-то и выведут из моей крови, то в считанные дни умрут все, абсолютно все на этой планете!

Я пытался разбудить Ари, но быстро понял напрасность усилий. Тогда я одел её и закутал в белое одеяло с пятнами её же крови, прошептал ей на ухо, что ни за что не оставляю её умирать одну. Закинул на плечи рюкзак со всем самым необходимым, что успел наскоро собрать. Набор портативных ножей спрятал в кармане брюк. За окном туман был гуще обычного. Видимость составляла метра два, но сегодня вечером это меня радовало. Я взял на руки Ари и вышел из квартиры.

Сквозь густую влажную пелену я тихо шёл по знакомым улочкам. Если впереди слышались голоса, сворачивал от них подальше. Без особых проблем я дошёл до энергостанции, от неё свернул к тропинке, ведущей к portalу. Ари проснулась у меня на руках, но ничего не поняла. Она кашляла кровью и не могла сказать ни единого внятного слова. Я говорил ей: «Всё в порядке, я с тобой. Нам смогут помочь в другом мире», но она, конечно, меня не понимала. Ари стала ещё тяжелее дышать, и я понял, что конец совсем близок.

Прошло несколько стандартных часов с нашего побега из квартиры, как я услышал, что меня пытаются вызвать через инфо-датчик. Это был Патрим: «Маркус, где вы? Возвращайся, не делай глупостей... Ты же понимаешь, что без лекарств Ариадна умрёт быстрее? На ваши поиски уже отправили военных, но ты ещё можешь всё изменить! Мы доложили о вас на космическую станцию, и за вами скоро придёт корабль». Его слова несколько не повлияли на моё решение, и я всё равно не мог ему ответить. Следовало торопиться. Гораздо хуже для меня было бы возвращение на Лоракс.

Я бы добрался к portalу под утро, если бы не слышал вдалеке преследователей. Судя по звуку, сотни людей прочёсывали лес со специальными приборами. А это значило, что скоро они доберутся до нас. Я свернул с тропинки глубоко в лес и быстрым шагом преодолел около километра. Ноги время от времени проваливались в топь. Серая ночь, обступая нас, пряталась в тумане, и только звуки людей и зверей подгоняли меня. Я положил Ари на траву под массивным деревом.

Оставалось мало времени. Но что ещё можно предпринять? Ари закашляла и стала хрипеть. Она больше не могла дышать. Перед последним хриплым вздохом она широко открыла глаза, и я, взяв её за руку, склонился над ней в отчаянии, приговаривая: «Пожалуйста, не умирай!».

Таких сильных чувств я не испытывал даже после смерти Анохи. Я прижался лбом к горячей голове подруги, и из моих глаз сами собой полились слёзы. Они стекали искрами с её лица. Больше всего на свете я хотел, чтобы Ари жила. Хотел в тысячу раз сильнее, чем когда-то в детстве воскрешал растения. Но это было бесполезно, Ари умерла. Как бы прискорбно это ни звучало... Её лицо побледнело, и я сам закрыл ей глаза. Мой внутренний мир лишился единственного лучика света в непроглядной тьме.

Голоса людей становились всё громче и отчетливей. Я был готов к смерти, но не к жизни в лаборатории. Не к жизни без смысла, которая принесёт ещё больше смертей этому миру.

Слёзы высохли, и я встал, но не мог оторвать взгляд от Ари. Достав из кармана набор ножей, я нашёл самый острый из них, приложил острие к правому запястью и сделал глубокий и длинный разрез. Кровь медленно потекла по руке и закапала на землю. С большими усилиями такой же глубокий надрез я сделал на левом запястье. Боль от ран казалась малой частью того, что испытывала душа.

Я упал на колени и опустил руки. Тёмная кровь всё лилась и лилась на траву.

Меня нашли минут через десять. К тому моменту я чувствовал только лёгкую слабость от кровопотери. В глазах зарябило, когда меня окружили солдаты в тёмных защитных костюмах и кислородных масках. В меня уставились их плазменные винтовки. Я услышал щелчок снятия оружия с предохранителя и приказ: «Руки за голову!». Я послушался. Кровь стала капать мне на плечи. «Медленно вставай и поворачивайся!» – продолжал командовать говоривший. Я поднялся с колен и медленно встал, сразу развернувшись к нему.

– Имя! – требовательно произнёс лейтенант, я успел разглядеть нашивки на его камуфляже.

– Маркус, – хрипло ответил я и, помедлив, добавил: – Гиронимус.

Солдат поднял руку и жестом велел всем опустить оружие. И сам вернул предохранитель на место. Он недолго помолчал, видимо, передавая данные через инфо-датчик, а затем сказал мне с усмешкой:

– А знаешь ли ты, Маркус Гиронимус, что ты – самый разыскиваемый человек во Вселенной? Самых отвязных бандитов так не ищут, как тебя!

– Теперь знаю, – спокойно ответил я и опустил руки.

Кровь из моих ран не переставала струиться. Солдат заметил это, и ухмылка резко исчезла с его лица. Он велел срочно найти врачей. А я искренне надеялся, что они не успеют, и я умру раньше.

Не прошло и минуты, как туман над нами начал быстро рассеиваться, и ветер поднялся, пригибая к земле траву. Где-то вдалеке послышался лёгкий гул двигателей. Небо озарилось голубым свечением. Над нами висел огромный корабль, шлюзы которого уже открывались, и несколько мелких катеров типа «Воздух-космос» спускались в атмосферу по направлению к нам. В свечении корабля мне удалось разглядеть букву «G» на корпусах шлюпок. Я был обречён на нечто худшее, чем сама смерть...

Неожиданно позади послышался тоненький голосок, зовущий меня по имени. Прежде чем обернуться на голос, я застыл в ступоре. А затем встрепенулся и, бормоча под нос «Ари, это ты?», медленно повернулся.

Моя кровь на траве слилась в единый, хоть и неровный круг, который вдруг заискрился под ногами. Ари протягивала навстречу мне руку. Но я успел сделать всего один шаг из круга собственной крови, как внутри него мгновенно открылся огненный портал. Я пошатнулся, упал туда и успел услышать неровный зов заплаканной Ари, выкрикнувшей моё имя. Ко мне сразу вернулось спокойствие, и я падал в открытый портал, улыбаясь.

Глава 8. «Ардентальт»

Упал я на светло-серую каменистую поверхность. Это было больно. Портал мгновенно закрылся надо мной. Я чувствовал множество ссадин по всему телу и на голове. Правое колено раздробилось. А кровь из запястий лилась, не переставая. Желание смерти мгновенно улетучилось от голоса ожившей Ариадны, которую я не смог забрать с собой в этот другой мир.

Дышать было тяжело, но это, скорее, из-за особенностей атмосферы. Вокруг меня со всех сторон до горизонта не наблюдалось ни единого растения, ни единого живого существа. Пустыня без песков. Я снял рубашку и разорвал её на бинты, оставшись в длинной футболке. Лоскутами ткани перемотал запястья. Сил осталось очень мало. Я встал с большим трудом. Вместе со мной в портал рухнул и мой рюкзак. В нём было немного еды, воды, разных походных принадлежностей и лекарства, выданные для Ари.

Я не мог сориентироваться на местности и, водрузив на плечи рюкзак, хромая, зашагал в сторону горизонта. Инфо-датчик молчал, что значило – у планеты нет инфо-поля. Нет межзвёздных спутников, которые могли бы обмениваться информацией с другими мирами.

Местное солнце слепило глаза. Впереди я видел только огромную каменную пустыню. Никаких облаков. Через несколько часов светило начало садиться. Огромное красное, оно занимало большую часть горизонта. Его пламенные протуберанцы виднелись мне столь ясно, словно нас не разделяло несколько космических единиц. А позади меня в небе у горизонта висела гигантская пурпурно-синяя газовая планета.

Навстречу мне бежала стайка необычных существ. Их нельзя было назвать ни людьми, ни обезьянами. Ростом не более метра, они передвигались на согнутых ногах и массивных руках. Волосной покров на теле почти полностью отсутствовал, лишь небольшие пучки волос торчали на макушках и на ногах. Их черепа были вытянуты, как у австралопитеков из земных учебников истории. Одежды на них никакой не было. Позади этой странной стайки, насчитывавшей с дюжину особей, в лучах заката появилась высокая человеческая фигура.

Пройдя чуть ближе навстречу им, я различил в фигуре рослого мужчину, одетого в тёмно-серую истёртую до дыр мантию. Чёрные волосы его кудрявились ниже плеч, а борода полностью скрывала шею. Длинной изогнутой на конце палкой он отгонял непонятных существ. Увидев меня, человек поспешил в мою сторону.

Мы шли навстречу друг другу ещё минут десять. Вблизи я смог рассмотреть его бледно-красное лицо и массивные торчащие изо рта сомкнутые клыки: два сверху и два снизу.

Стайка необычных обезьяноподобных существ пробежала мимо, не обратив на меня никакого внимания. А мы с незнакомцем в дырявой мантии поравнялись друг с другом.

Широкоплечий незнакомец остановился. Его большие ноздри раздувались, и я понял, что он принюхивается, потому только безмолвно наблюдал. Местный житель не показывал никакой агрессии. Он прекратил принюхиваться и грозно спросил:

– За что тебя отправили на казнь?

– Что? Меня никто не отправлял, – я помотал головой и пожал плечами.

– Так как же ты попал сюда? – незнакомец продолжал разглядывать меня.

– Через портал.

– Очень смешно, – он рассмеялся, а затем развернулся и жестом позвал последовать за ним, пробубнив: – Ну, не хочешь – не говори.

Мы двинулись в сторону горизонта. Мужчина дышал ровно и шёл быстро. Мне же было непривычно от столь малого содержания кислорода, и я бежал с одышкой, стараясь его догнать.

– Что это за существа? – я показал рукой на стайку обезьяноподобных вдали.

– Это то, что творит с нашими младенцами природа в утробах матерей при длительном отсутствии пищи. «Эволюция наоборот», если можно так сказать, – мужчина не сводил глаз с горизонта.

– А куда мы идём? – я попытался отдышаться.

– В деревню. Там я тебя покину. У нас и так мало еды, чтобы кормить первого встречного.

– И что вы едите? Здесь же нет никаких растений.

– Людей, – тихо хохотнул мой новый провожатый, – ты разве ещё не понял?

– Это шутка? – притормозил я.

– Разве я похож на шутника? – обернулся он.

Его низкий голос кого угодно привёл бы в трепет. Я отрицательно помотал головой и неуверенно спросил:

– А меня вы тоже съедите?

– Мы своих не едим, – ответил незнакомец и прибавил шагу.

Сил на дальнейшие расспросы у меня не осталось.

Провожатый замедлился только через пару часов, когда мы увидели деревню в низине. Светило уже скрылось за горизонтом пустыни, и впереди мелькали огоньки от костров и самодельных маслянных ламп. Из-за разряженной атмосферы звёзды сияли ярко, чего я нигде прежде не видел. Но не это удивило меня.

Из центра деревни струились потоки воздуха. Они возвышались вверх тонкими струйками, переплетались и расширялись, уходя далеко ввысь. У меня словно открылось второе дыхание, и я побежал туда, откуда исходили эти потоки. Незнакомец крикнул мне: «Да куда же ты?» и побежал следом.

Множество людей толпились вокруг странного костра. Я быстро подбежал и остановился, чтоб немного отдышаться. Потоки свежего воздуха переплетались и поднимались, не задевая искр от огня. А местные жители загораживали источник этого необычного явления. Все они были похожи на незнакомца, который уже догнал меня. Я не стал его дожидаться, и аккуратно протиснулся сквозь толпу. И вот я уже стоял в первом ряду и изумлённо наблюдал.

У костра сидел, скрестив ноги, старик, чья борода касалась земли. На нём был серый балахон. Лицо его не было красным, как у остальных присутствовавших, оно было мертвенно-бледное даже в свете костра. Руки старика двигались быстро, и он, словно паук паутину, плёл потоки воздуха. Они появлялись из его ловких рук. Незнакомец тоже продрался сквозь толпу и встал рядом со мной.

– Что он делает? – шёпотом спросил я.

– Плетёт атмосферу, – так же тихо ответил мужчина.

– А как он это делает?

– Я не знаю. Его зовут Каст, и он – последний планетотворец здесь.

– Планетотворец? – пробурчал я себе под нос, а мои брови рефлекторно поднялись вверх.

Старик удивлял меня. Но что если и я мог делать то же самое? В надежде, что меня не накажут за дерзость, я вышел из круга и приблизился к костру.

Местные выражали сильное удивление, перешёптываясь. А я сел напротив старика и вытянул окровавленные руки перед собой. Тот брезгливо усмехнулся. Он явно был не рад моей дерзости. Я повторял движения за ним, это было сложно. Каст ловко и быстро двигал пальцами и презрительно поглядывал в мою сторону. В его глазах читалось: «Уйди отсюда, жалкий подражатель!». Но я старался не смотреть в его глаза и не отводил взгляда от рук, порхавших над костром.

По началу у меня ничего не получалось, но потом я уловил ритм повторяющихся движений и старался повторять их быстрее. Какого же было моё удивление, когда из моих собственных рук стали вдруг исходить прерывистые струйки воздуха. Совсем маленькие. Их точно бы не хватило на целую атмосферу. С каждой минутой у меня получалось всё лучше.

Старик злился и сменил тактику. Я настойчиво повторял. И с каждым разом у меня получалось лучше и лучше. Мои руки сами создавали воздух, что вызвало изумление у всех наблюдателей, включая старика.

Каст остановился и положил дряблые руки на колени. А я всё ещё продолжал «творить». Это напоминало весёлую детскую игру, только теперь я плёл не узлы для пиратских кораблей, а настоящую атмосферу.

Старик встал, подошёл вплотную ко мне, и, наклонившись, наблюдал за моими движениями. Через несколько повторяющихся звеньев, старик взял меня за руки и произнёс:

– Большие пальцы нужно сложить вот так, – и показал мне движение, как большие пальцы рук касались трижды внутренней стороны ладони и мизинца.

Я повторил, как просил старик, и у меня получилось выдать на несколько потоков воздуха больше.

Каст в изумлении смотрел на меня, поглаживая бороду. Ещё через несколько минут моих манипуляций пальцами, он снова положил свои костлявые руки на мои и прижал их к себе.

– Откуда ты взялся, мальчик? – удивлённо спросил он.

– Меня забросил сюда портал, – я улыбнулся старику.

Люди в толпе стали переговариваться ещё громче.

– Как тебя зовут, дитя? – спросил старик, широко открыв свои синие глаза.

– Маркус.

– согласишься ли ты остаться с нами, Маркус? – Каст показал рукой на толпу людей в круге. – Взамен на твою помощь в воссоздании планеты, я готов научить тебя всему, что знаю, – второй рукой он всё ещё прижимал к себе мою ладонь.

– Конечно, – не задумываясь ответил я, и поднялся с земли.

Сразу подошёл тот самый незнакомец, который провожал меня в деревню. У него неожиданно нашлось место в лачуге, и он позвал меня остаться. Я, конечно, посмеялся, но согласился. Каст долго пожимал мои руки и просил приходить к нему по утрам. Этот момент показался мне одним из самых счастливых в моей жизни, не смотря на окружающую обстановку. Люди вокруг принимали меня таким, какой я есть.

Сурового незнакомца звали Чикату, и он проводил меня к своему домику, как только все разошлись. От него я узнал, что мужские имена людоедов всех планет галактики Альсон заканчивались на «у», а женские – на «и», с ударением на последний слог.

Чикату жил один в небольшой глиняной постройке. Тут была всего одна комната не больше двух квадратных метров. Людоед настаивал, чтобы я занял его кровать, которая представляла собой настил из множества старых тканей на полу, но я всё же отказался. Тогда он соорудил ещё более простое спальное место для меня, но отдал мне своё потрепанное одеяло. Тут уж спорить не стал, очень хотелось спать.

Проснулся я на рассвете и чувствовал себя хорошо отдохнувшим. А Чикату к этому времени уже давно не спал. Он принёс мне глиняный тазик с чистой прозрачной водой, чтобы я отмыл запёкшуюся кровь на лице и руках. Я поблагодарил Чикату и спросил:

– Сколько длятся сутки на этой планете? Кажется, я спал целую вечность.

– Тридцать два стандартных часа и пятнадцать минут. Ты спал часов девять. Ночь здесь длится от десяти до пятнадцати часов в зависимости от времени года, поэтому мы ложимся спать глубокой ночью, чтобы проснуться к рассвету, а не раньше.

– Удивительно, я ещё не бывал на планетах, где сутки длятся более двадцати четырех часов, – изумлённо сказал я и, помолчав, добавил: – За исключением Лоракса. Но там за сутки дважды наступает ночь.

– Да, тут много чего интересного, несмотря на то, что Ардентальт покрывает одна безжизненная серая пустыня. Ты вскоре всё увидишь.

– Ага, – пробормотал я и спросил чуть громче: – Где мне найти уборную?

Ещё с вечера я заметил, что домик никак не оборудован для отправления естественных нужд.

– Пойдём, покажу.

Чикату уже стоял в проёме выхода, где не было никакой двери, и жестом подзывал меня следовать за ним.

Уборная представляла собой маленький глиняный каркас без дверей и потолка, но стены его сплетались внутрь по кругу таким образом, что вырытая в центре яма скрывалась от непрошенных глаз. Туалет был общественный, и им мог воспользоваться любой человек поблизости. Чикату иронично уточнил, что следует ходить только сюда, непозволительно оставлять «частички себя» в окрестностях домов, но в открытой пустыне можно делать всё, что угодно.

Вернувшись в дом, я снял с рук туго намотанные лохмотья – «бинты», всё, что осталось от моей рубашки, и тщательно вымыл руки и лицо. Я сидел перед тазом, пытаюсь помыть волосы, и на руках оставалась смытая кровь. Судя по обстановке, полноценно помыться мне удастся не скоро. Я мысленно представлял, какие трудности предстоят для выживания на планете, где нет облаков, а, значит, нет и дождей. И только сейчас задумался, что имевшегося у меня провианта хватит максимум на неделю, а далее мне нечем будет питаться. Ведь я не собирался заниматься поеданием обречённых людей, как это делали местные.

Чикату проводил меня к лачуге планетотворца, которая сильно смахивала на ту, в которой я ночевал. Почти все домики в деревне были очень похожи: сделаны из тёмно-коричневой глины, с неровными стенами и без пола. Они отличались только по размеру: большие семьи жили в более просторных домах. Мы подошли ко входу в жилище Каста, где старик уже ждал нас.

Звезда над Ардентальтом высоко светила, и только сейчас я ощущал, что планета практически не защищена от ультрафиолетового излучения. Моя неприспособленная белоснежная кожа должна была уже покраснеть и покрыться волдырями от ожогов, но этого не произошло ни вчера, когда мы с Чикату проделали долгий путь к деревне, ни сегодня, когда я стоял под палящим светилom.

Каст встретил меня с широкой улыбкой, которая противоречиво смотрелась на его бледном лице, на котором также не было следов от звёздного излучения. Он долго и крепко пожимал мои руки, рассказывая о том, как он рад моему появлению. Но его улыбка резко исчезла, когда он заметил на моих запястьях свежие раны с недавно запёкшейся кровью.

– Эта жизнь тебе не принадлежит, чтобы вот так её лишаться, – угрюмо пробормотал старик, разглядывая порезы.

– А кому принадлежит? – смутился я.

Каст посмотрел на безоблачное серо-голубое небо и ответил:

– Звёздам.

– А разве они живые? – я тоже задрал голову повыше и, щурясь и прикрывая лицо рукой, посмотрел вверх.

– А почему они должны быть мёртвыми? – пробормотал старик, плавно отпуская мои руки и входя в лачугу.

Жестами он позвал меня тоже войти.

Каст достал несколько склянок и чистую марлю из своих запасов и попросил меня сесть на пол. Стульев в лачуге не было, и мы оба сели, скрестив ноги, на каменистый пол, застеленный примитивными циновками. Старик аккуратно обработал мои запястья дезинфицирующим раствором, который он выливал из склянки на марлю, а затем присыпал раны заживляющим порошком и замотал мои руки новой чистой марлей. Он делал это так заботливо, словно я был его маленьким сыном.

Чикату проводил нас к тому месту, где вчера горел большой костёр и отправился по своим делам. Мы с Кастом весь день тренировались над созданием атмосферы. Мы также

сидели, скрестив ноги, друг напротив друга. Каст сначала показывал мне определённые движения, которые требовали хорошей ловкости пальцев, затем я повторял.

До мастерства старика мне было ещё очень далеко. Он выпускал из своих рук десятки струй воздуха, а мне за сегодня удалось создать не больше трёх. Мы сидели так весь долгий день, несколько раз делая перерывы и возвращаясь в лачугу Каста. В один из перерывов старец угостил меня странной похлёбкой.

Я помнил, на какой планете нахожусь, поэтому спросил у него, скрывая свою брезгливость и всматриваясь в глиняную тарелку:

– Из чего это?

– Из бобов и корня фунги. Сварено на огне, – ответил старик, видя мою неловкость. – Ты не бойся, я не ем человечину и тебе не советую.

– Откуда растения, если на этой планете ничего не растёт?

– Мальчик мой, ты, правда, о себе ничего не знаешь? – Каст положил руку мне на плечо. – Хотя, видимо, так оно и есть, раз ты спрашивал про звёзды.

В который раз говоря о светилах, Каст возвёл глаза к небу, хотя мы и сидели в доме.

– Если честно, я больше догадываюсь о том, кто я, чем знаю наверняка, – сказал я и опасливо попробовал суп.

На вкус он был, как обычный овощной суп без соли.

– Мы – планетотворцы, – старик показал рукой сначала на себя, потом на меня. – И мы способны управлять энергией звёзд. Мы можем собирать воедино расходящиеся атомы вокруг планеты, образовывать из них молекулярные соединения, что мы и делаем, плетя атмосферу. Из атмосферы мы уже формируем облака, которые приносят дожди на землю, и мы образуем на ней реки и моря. И из этой воды мы уже можем создавать органические соединения, которые преобразуются в растения.

– А мы можем оживлять растения или людей? – спросил я о том, что всегда не оставляло меня в покое.

– Растения точно можем, а вот про людей не знаю. Мои учителя ещё тысячелетия назад рассказывали, что людей можно лечить, если на то будет воля самих звёзд.

– Так получается звёзды живые?

– Они не состоят из органики, как ты знаешь, но у них есть душа. Звёзды в ночи перешёптываются между собой. Ты не слышал их шёпот?

– Слышал, – задумчиво ответил я. – Этот шёпот привёл меня к portalу.

– Звёзды могут нас направлять, если на то их воля, – старик улыбнулся.

– А вы научите меня выращивать растения?

– Конечно! Моих сил хватает только на поддержание атмосферы, но с твоей помощью, мы сможем снова вырастить леса на Ардентальте.

– Снова? – переспросил я.

– Да, опять же лесам нужен углекислый газ из атмосферы, и, если его нет, они погибают. Цепочка рушится. Последние, сотворённые мною деревья погибли два тысячелетия назад. Я составил полную цепочку, но атмосфера рушится, если её не поддерживать ежедневно.

– А нельзя составить так, чтобы цепочка работала без вас? – я допивал остатки супа.

– Эта планета не пригодна для жизни ещё и по своему расположению. Все газы, собранные мной из космических просторов, притягивает соседний газовый гигант дальше от звезды, орбита которого располагается параллельно Ардентальту. Но и на ней жизнь невозможна. Температура там гораздо ниже нормы.

– То есть, вторая планета движется с большей скоростью, чем Ардентальт, и постоянно нагоняет нас, верно?

– Да, ты правильно заметил.

– А нет ли способа убрать эту планету?

– Я об этом не задумывался. Но это, скорее всего, невозможно.

Каст задумался.

– Если у королевской обороны есть ракеты, способные погасить пламя звезды, то должно быть что-то, способное разрушить и планету из газа, – предположил я, глядя на него.

– Возможно. Но наш король точно не будет об этом спрашивать. Ты же знаешь, людоеды – изгои. Вся Вселенная мечтает, чтобы они поскорее вымерли, а они всё никак не умирают, чтобы ни произошло, – с усмешкой ответил старец.

Меня порадовало отсутствие связи с остальной Вселенной. Уж тут-то моя семья точно не будет меня искать!

Чтобы достичь результата Каста по сотворению десяти воздушных потоков у меня ушла неделя времени Ардентальта. А чтобы превзойти его результат и создавать параллельно сто потоков, у меня ушёл ещё месяц. Все дни были похожи один на другой, ничего не менялось. Мои раны быстро затянулись.

Стало гораздо легче дышать. На горизонте показались небольшие скопления юных облаков. С каждым наступлением ночи мы показывали местным жителям наши умения, которыми они восхищались. Несомненно, планетотворцы были самыми почитаемыми людьми, или не совсем людьми, на Ардентальте. Каст объяснил, что раз я достиг хороших успехов в создании атмосферы, мы должны двигаться дальше.

Чикату вызвался сопровождать меня и Каста на пути к городу, который должен занять дней пять по местным меркам.

Мы погрузили палатки, запас еды и немного своих вещей на примитивную старую деревянную тележку, которую повёз людоед. Выдвинулись от деревни в сторону, противоположную той, откуда я пришёл по времени Ардентальта больше месяца назад. В километре от деревни мы вышли к водяной колонке. Она качала воду из подземных источников, и вся деревня приходила с ведрами и кувшинами сюда, пополнить запасы. Как я понял, деревня располагалась здесь именно по причине обнаружения грунтовых вод.

Ещё через час нашего пути я наблюдал то, что больше всего не хотел тут увидеть. С неба плавно спустилась прозрачная яйцевидная капсула, в которой находились два человека, обречённых на казнь. Она автоматически открылась, как только коснулась земли. Десяток краснотелых людоедов уже предвкушённо ждали её. Они окружили место приземления капсулы. Обречённый человек вылетел из кабины, попытался прорваться через толпу местных, но те были в разы сильнее его. Людоеды повалили белого татуированного человека на каменистую серую землю и быстро связали веревками, которые они делали из кишок убитых.

В капсуле также находилась молодая женщина, голова которой была обрита на половину, а одежда напоминала одеяния свободолобивых отшельников с Земли. Она не выходила, а только дрожала и прикрывала лицо руками. Людоеды принялись доставать её, и ей, конечно же, не удалось увернуться.

– Стойте! – неожиданно для себя выкрикнул я и, к удивлению моих спутников, быстро побежал к капсуле.

Местные жители уже успели вытащить девушку из яйцевидной капсулы и связали ей руки. По её лицу текли слёзы, но она старалась сохранять самообладание и стояла с высоко поднятой головой. Увидев меня, совсем не похожего на людоедов и бегущего в их сторону, женщина, должно быть, несколько ободрилась, и в её глазах промелькнул лучик надежды.

Капсула автоматически закрылась, и стремительно взлетела обратно вверх по прямой.

– Позвольте мне задать ей пару вопросов! – обратился я к людоедам, тяжело дыша после стремительной пробежки.

Они переглянулись между собой и заметили Каста и Чикату, не спеша идущих к нам. Один из людоедов раздражённо ответил:

– Хорошо, только быстро!

– Спасибо, – я кивнул ему и подошёл к обречённой на смерть женщине.

– Нам ещё нужно успеть приготовить ужин и сделать запасы, – потирая руки, пробормотал другой краснолицый.

Я молча кивнул и ему.

– Как тебя зовут? – спросил я, глядя прямо в глаза обречённой.

– Доритрея, – горделиво и нервно ответила она, слёз на её лице почти не осталось.

– Знаешь ли ты, Доритрея, что-нибудь о Морфуле? О планете, закрытой некогда на карантин. Есть ли какие-то новости оттуда?

– Я знаю, что там произошло! – ответила женщина и странно ухмыльнулась, будто и не была схвачена людоедами. – Но почему я должна тебе рассказывать? Что ты можешь мне предложить? – на лице пленницы показалась дьявольская улыбка.

Я оглядел местных жителей, но их возмущённые лица красноречиво говорили, что свою еду они за что мне не отдадут.

– Боюсь, я не могу сохранить твою жизнь, – печально ответил я.

– Тогда ответа не будет! – злобно бросила она и замотала головой.

– Но смерть тоже бывает разная! – прокричал Чикату, подходя ближе.

– Что ты хочешь сказать? – я обернулся к людоеду.

– Мы можем убить её сразу, и смерть будет быстрой и почти безболезненной. А ещё можем начать разделять её ещё живую, и она будет умирать долго и мучительно! – говорил Чикату, хитро поглядывая на реакцию задрожавшей пленницы. – Сначала мы вставим в её пятки верёвки и повесим вниз головой, чтобы кровь стекала в сосуд. Затем снимем самые нежные куски мяса с ног и рук. И только когда на месте рук и ног останутся одни кости, мы начнём вспарывать живот и доставать органы...

– Не надо! – закричала женщина, не дав Чикату договорить.

– Тогда расскажи, о чём тебя просят, и обещаю, ты умрёшь быстро, – властно потребовал Чикату.

Пленница побледнела и, бросив на меня молящий взгляд, тихо проговорила:

– Хорошо.

Я снова повторил свой вопрос.

Обречённая на скорую смерть вновь смотрела на меня глазами, полными слёз и говорила уже с надрывом:

– Больше половины населения умерли от болезни. Не помню, как называется, какая-то лихорадка. Но ты это наверняка и без меня знаешь. На планете каким-то образом заработал древний портал, один из тех, с помощью которых перемещались древние. Из него вышли двое, и один из них оказался сыном королевы! Имён не помню. С ним была какая-то девка, она заразилась и умерла, а вот парень не заболел. Но это не самое интересное, – Доритрея запнулась и, сощулив один глаз, пригляделась ко мне, а потом продолжила рассказывать: – Он пытался сбежать с этой девкой, а когда её нашли, она оказалась живой и здоровой, а парень скрылся. На лице девчонки нашли то ли слюни, то ли слёзы с ДНК парня. И в них содержались антитела к вирусу. В общем, парень спас эту девку, а на основе сыворотки из её крови сделали вакцину уже для всех остальных. Девчонка теперь принимает участие в каких-то исследованиях. Планету, вроде уже сняли с карантина. А парня до сих пор ищут. Этого тебе хватит?

– Благодарю, – сказал я в ответ и обратился к людоедам: – Вы можете гарантировать быструю смерть для неё?

– Да, – рявкнул самый крупный из толпы.

Остальные согласно закивали и повели обоих пленных в деревню.

А мы спокойно двинулись дальше. Я впервые за много дней был спокоен за Ари.

Несколько раз в течение дня мы останавливались на привал. Чикату периодически доставал свой свёрток с засушенным мясом, отрезал от него кусочки и ел. Я заметил, что людоедам нужно совсем немного пищи для поддержания жизни.

Каст начал учить меня, как, входя в сознание звёзд, поливая землю водой, делать почву плодородной и выращивать небольшие кустарники. Мы вместе вырастили за день всего три куста и сразу собрали с них съедобные листья. Каст объяснил, что они всё равно погибнут, потому что без наших способностей влага в почве не задержится.

На второй день мы проходили мимо добытчиков глинистых минералов, которые доставали их из земли с помощью паровых конструкций с ковшами.

Это были увлекательные дни. К концу путешествия я отчётливо мог вникать в разговоры звёзд, которые откликались шёпотом в моей голове. И этот навык развивал мою способность использовать их энергию. Связь крепла с каждым днём. Я начинал понимать, чего звёзды хотят от меня, и на что я способен. Чем прочнее связь, тем больше энергии я мог просить у светил. Мне были слышны все звёзды ночного неба, но отчётливее всего я слышал только одну.

На последнем отрезке пути я решил узнать у Каста, почему это было так.

– Ты тоже слышишь лучше всего только одну звезду? – спросил я.

– О, да. Моя покровительница – Центрибана, – старик показал указательным пальцем на точку в дневном безоблачном небе, и я увидел лёгкий блеск.

Так звезда сообщила о своем присутствии.

– А твоя какая? – поинтересовался Каст.

Я не на долго остановился, чтобы изучить небо. Мой взгляд искал звезду, она всегда находилась на одном и том же месте, где бы я ни был.

– Вот эта, – я указал в нужном направлении, и моя звезда блеснула ярче, чем Центрибана до этого.

– Удивительно! – провозгласил Каст, также остановившись. – Это же звезда Надежды!

– Да. И ведь ты тоже слышишь её шепот?

– Нет, – ответил Каст и продолжил путь, я пошёл подле него.

– Почему же? Я думал, что мы можем слышать любую звезду на небе, – я пожал плечами.

– Но только не эту, – усмехнулся Каст. – Эта звезда потустороннего мира, её нет на звёздном небе, но мы видим её свет, проникающий через грани жизни и смерти.

– Тогда почему же я так отчётливо слышу только её? – не унимался я.

– Не знаю, – Каст тяжело выдохнул и пошёл быстрее вперёд.

Когда солнце скрылось за горизонтом, мы добрались до города. Местные жители ещё не разошлись по домам и поклонами приветствовали нас, предлагая ночлег. Мы остановились в большом глиняном доме одной из зажиточных семей. Они владели паровыми машинами, которые перевозили грузы из других поселений.

Утром Каст снова приготовил травяной суп, и мы позавтракали. Потом мы обошли город, изучили обстановку. Из подземного озера на окраине вода поступала на поверхность также через колонку. Местные выстраивались в очереди с сосудах, чтобы пополнить запасы. Каст считал это место идеальным для наших тренировок.

Дома в городе, в основном, были из прочной огнеупорной глины, некоторые – из бледно-жёлтого кирпича. Постройки имели не больше двух этажей. Наверху большинства домов вместо второго этажа был чердак для хранения утвари. Дома располагались в ряд правильными линиями, между которыми были протоптаны дороги для людей и паровых машин. На Арден-тальте не было животных, которые могли бы тягать повозки, хотя это было бы значительно проще, поэтому тут использовали небольшие, но самые примитивные паровые двигатели. На вид причудливые самодвижущиеся повозки разных размеров перевозили по городу и между поселениями строительные материалы и мелкие вещи. В середине конструкции была паровая машина, работавшая по принципу медицинской банки – металлический цилиндр наполнялся

паром, после чего впрыскивали воду, и возникавший вакуум втягивал поршень. Не смотря на архаичность и примитивность конструкции, такие повозки развивали приличную скорость.

Всю последующую неделю по местному времени мы с Кастом упорно создавали вокруг города плодородную почву, используя воду из подземного озера. Мы смогли обогатить почву на несколько километров вокруг, а по вечерам садились у костра в центре города и продолжали создавать атмосферу. Облаков становилось значительно больше. Ещё неделя у нас ушла на то, чтобы вырастить кустарники и низкорослые деревья вокруг города. Их было много. С каждым новым растением мне становилось всё проще пользоваться энергией звёзд.

– Почему, если под землей есть вода, почва сама не становится плодородной? Странно, что всю планету покрывает сплошная каменная пустыня, – интересовался я во время занятия.

– Почва не восстанавливается из-за малого количества кислорода в атмосфере. От этого и озона меньше, а именно он защищает живые организмы от ультрафиолета. Озон образуется в верхних слоях атмосферы из кислорода под влиянием радиации, исходящей от звезды. Из-за того, что наша атмосфера «съедается» газовым гигантом, мне приходится каждый день поддерживать её. Но на образование озона не хватает кислорода. И тут уже цепочка – на планете больше ультрафиолета, меньше водяного пара в атмосфере, не идут дожди, нет циркуляции, почва не обогащается. И нужно больше растений для этой циркуляции. Из-за высокой радиации не растут растения. Замкнутый круг. Поэтому на Ардентальте так сухо, – объяснял мой наставник.

– Но если соседний газовый гигант притягивает воздух, который мы создаём, то как же он накопится? – я разглядывал прекрасный кустарник, выращенный мной.

– Мы будем и дальше поддерживать атмосферу с помощью наших способностей. Ежедневно уходит незначительная часть, и мы сможем легко её восстанавливать. Хватит всего пары часов плетения воздуха в неделю.

– Значит, на планете всегда должен быть планетотворец, иначе наши старания бессмысленны?

– Ты всё верно понимаешь. Поэтому я рад, что звёзды привели тебя к нам, – старец смотрел на меня благодарными глазами, а я только улыбался в ответ.

Когда места для новых растений не осталось, мы втроём двинулись дальше на паровой телеге, любезно подаренной нам семьёй, у которой мы жили. Людоеды невероятно обрадовались растениям вокруг города и обещали не трогать кустарники. Паровая повозка всего за сутки по местному времени отвезла нас в соседний посёлок, располагающийся на возвышенности. «А вот тут будет река», – сказал Каст, указывая на вершину горного хребта за посёлком. Мы вырастили ещё больше деревьев вокруг, оставили паровой автомобиль и пешком отправились к горам.

Несколько дней мы добирались до назначенной вершины, путь был тяжёлый. Нам хватило нескольких местных дней, чтобы из недр планеты вывести достаточное количество воды и запустить её в долину. Мы направляли реку вокруг поселений, наблюдая за ней с гор. Она должна была выливаться по старым высохшим руслам в большую низину, где миллионы лет назад было море.

На обратном пути в поселение на нас набросились низкорослые существа, которых я уже видел по прибытии на Ардентальт.

Голые карлики обезумели. Один из них впился в мою ногу острыми зубами, пытаясь оторвать кусок плоти. Чикату отбивался от них посохом, который всегда носил с собой. Каст стоял неподвижно между нами. Существ становилось всё больше. Я понимал, что необходимо что-то предпринять, чтобы они нас не съели. Сами людоеды были довольно вежливы и учтивы между собой и никогда не позволяли себе опускаться до каннибализма, в отличие от этих мелких ошибок эволюции.

Каст закрыл ладонями глаза и, сохраняя самообладание, прокричал нам: «Закройте глаза!». Мы прекратили отбиваться и прикрыли лица по примеру Каста. Кто-то из безумных существ прокусил мне ногу, а у Чикату один из них висел на руке, вгрызаясь в неё острыми клыками. Неожиданно я почувствовал сильный прилив энергии вокруг, и перед закрытыми глазами мелькнула вспышка света. «Можно открывать», – услышал я голос старика. Открыв глаза, я обнаружил, что существа отцепились и убежали прочь. Они интенсивно потирали глаза своими массивными руками.

– Что это было? – удивлённо спросил я, обращаясь к Касту.

А тот улыбнулся и ответил:

– Точечная вспышка звёздного света.

– Они ослепли?

– Да, навсегда, – без тени сожаления сказал старик.

– А меня вы так научите? – вдохновлённо попросил я.

– Конечно, и не только этому, – он рассмеялся.

Мы с Чикату обработали и перевязали раны, оставленные зубами нападавших, и двинулись дальше.

Так мы и путешествовали целый год по стандартному времени, перебираясь от одного поселения к другому на паровой повозке и оставляя за собой цветущие растения и реки. Небо покрылось белыми облаками. В каждом новом поселении нас приветствовали как миссионеров. За этот год на Ардентальте возродились старинный океан и моря, в которые стекали десятки рек, оставленных нами на горных вершинах. Мы обогатили почву большей части суши, и растения могли расти сами. Процесс развития экосистем был запущен, нам оставалось только поддерживать атмосферу.

Я смотрел на наши творения с восхищением, не веря, что сам приложил к этому руки. Точнее, большую часть сделал я, ведь планетотворческие силы Каста давно были на исходе. Он готовился к смерти и не скрывал этого, но мысль о том, что я продолжу его дело, оставляла покой в душе старика.

Чем больше я мог проводить через себя энергии звёзд, тем крепче становилось мое тело. Я забыл об одышке во время долгих переходов. На теле перестали появляться синяки, а ссадины заживали за день-два. словно моё тело подстраивалось под новый ритм жизни.

В одном из поселений, которое ничем не отличалось от предыдущих, я также возвращал деревья вдоль протекавшей теперь рядом реки. Мы с Кастом разделились по разным сторонам деревни. С появлением рек процесс насыщения почвы минералами стал в разы легче. В считанные дни мне удалось создать несколько сотен метров настоящего молодого леса. Невысокие деревья стремились ввысь, а на серой каменистой почве стала произрастать настоящая зелёная трава. На краю своего творения я наткнулся на песчаные залежи, между которыми река извивалась. Я решил оставить их нетронутыми и прошагал через одну из них.

Как только я стал собирать молекулы воды и перенаправлять их в почву, мне послышался странный шелест. Но вокруг не было ничего, кроме молодых метровых деревьев и пока безрыбной реки. Я остановился и прислушался. К шелесту песка у насыпи рядом добавился странный треск. словно кто-то стучал зубами, но никого не было поблизости. Я вернулся к песчаной насыпи и увидел шевеление песка, несвойственное этой планете.

Струи песка стремительно поднимались вверх и осыпались. Я сделал несколько шагов назад. Меня охватил страх. Песчаная фигура поднималась всё выше. Под струями песка показался огромный панцирь, из которого выходило множество рук. Голова существа сливалась с туловищем, и я заметил чёрные глаза, которые смотрели на меня. Оно открыло большую пасть и вытянуло рот, облизываясь длинным чёрным языком. Острые треугольные зубы в несколько рядов торчали из рта. А нос заменяли два отверстия на тёмно-серой плоти. Чудовище выбра-

лось из песков, маневрируя шестью руками и одной парой ног. Панцирь оббивал эту тварь почти полностью. От страха я упал на спину, не способный даже закричать. А вот чудовище огласило окрестность громким металлическим рыком. Это было не похоже на создание природы.

Чудовище ползком подкралось ко мне, то и дело облизываясь. Из пасти его капали злобонные слюни. Я лежал неподвижно, опираясь на локти.

А чудовище вплотную подползло ко мне и стало принюхиваться. Его ноздри попеременно расширялись. Я успел попрощаться с жизнью, как его пасть закрылась, сделав лицо матово-чёрным. Оно принюхивалось к запахам в стороне деревни. Неожиданно чудовище встало на две массивные ноги и стремительно побежало к посёлку. И я выдохнул с облегчением.

Прошло всего несколько минут, как я услышал крики ужаса и отчаяния и незамедлительно побежал к деревне. Чудовище разрывало людоедов пополам. Оно вытягивало пасть почти на полметра, чтобы заполучить добычу. Мужчины объединились и вышли навстречу твари с мечами и топорами. Только вот лезвия не могли перерубить его плоть. Душу мне раздирала беспомощность.

Тварь кромсала людоедов, словно по программе. Она хитро пробиралась в дома, но разумные существа не бывают настолько чудовищны. Неожиданно я услышал голос Каста и побежал к нему на противоположную сторону деревни.

– Мы должны его остановить! – прокричал мне старик, направляясь к чудовищу.

– Но как? Его не режут мечи, огонь ему не помеха!

– Мы его испекаем!

– Что? – я оцепенел, но тут же вспомнил, что уже делал подобное раньше.

– Дай мне свою руку!

Я повиновался, и старик крепко сжал мою ладонь своими тонкими пальцами.

– Нужно направить энергию звёзд не в нас самих, а в него! Понял?

Я кивнул, и мы двинулись на чудовище, отгрызавшее голову беременной женщине. Оно не обращало на нас внимание. Мы вытянули руки перед собой и сосредоточились. Тварь отправилась кромсать следующую жертву, проползая мимо нас, но не трогая. Нам потребовалось несколько минут, чтобы наполниться мощной энергией. По-прежнему держа Каста за руку, я без какой-либо указки направил ладонь другой руки на чудовище, чтобы лучше обозначить цель энергетического удара. Яркая вспышка звёздного света поразила это самое место. Существо кричало в агонии, и его крики смолкали, словно помехами в эфире. Его разорвало на куски плоти и проводов.

– Что это такое? – недоумевал я, всё ещё полный энергии.

– Кремнеморфы, – старик презрительно сплюнул на землю. – Состоят из кремния и углерода, поэтому их трудно победить. До мирного соглашения с вселенской сетью их отправили сюда для уничтожения людоедов. Этот, видно, ещё с тех времен.

– Значит, они следуют определённой программе? – я осматривал останки чудовища.

– Да, эти хитрые твари чувствуют запах крови. Этот, похоже, спал в ожидании добычи, и что-то его разбудило.

Старик потыкал палкой по панцирю чудища, который остался цел при столь сильной вспышке.

– Река... – тихо пробормотал я.

– Возможно, но она уже несколько месяцев течёт.

– Как-то странно всё это...

Мы не могли вернуть утраченные жизни людоедов, в основном это были женщины и дети, ставшие жертвами безжалостной твари, но могли помочь похоронить тела в каменной пустыне, подальше от деревни. Лес так и остался недоделанным. Нам пришлось стремительно двигаться дальше, чтобы быстрее забыть ужасающую картину перед глазами.

Последним местом нашего путешествия стал город-космопорт. Это единственный порт на Ардентальте, у которого оставались космические корабли для перевозки грузов и людоедов на такие же планеты галактики Альсон. Всего во владении людоедов находилось пять планет, каждая из которых была не пригодна для жизни. Во всей галактике Альсон не было по-настоящему пригодных для проживания планет, а технологии терраформирования для людоедов оказались недоступны.

Как только мы прибыли в порт, нам сообщили, что король людоедов жаждет нашей аудиенции, он хочет посмотреть на нового планетотворца. Но его резиденция находилась на планете Кантуральт в соседней звёздной системе. Каст и Чикату очень обрадовались возможности посетить соседний мир, а я встревожился.

Мы не стали ждать и сразу отправились на посадку. Каст приговаривал, что у него осталось мало времени, и нужно успеть, хотя на вид старик был бодр, как никогда. Звездолёты людоедов состояли из примитивных модулей старого образца и не оснащались квантовыми двигателями, поэтому наш полёт занял около недели стандартного времени. Мы спали большую часть полёта на старой ржавой посудине.

Глава 9. «Кантуральт»

Мы приземлились на рассвете. На Кантуральте также был один единственный космопорт. Он находился в низине, на месте которой словно «вырубили» несколько гор. Сутки здесь длились двадцать восемь стандартных часов, а сила притяжения была чуть больше земной. Планета не так уж и отличалась от Ардентальта. Если на первой планете людоедов была огромная пустыня с незначительным количеством гор и низин, то Кантуральт можно было бы смело назвать горной планетой. Людоеды перемещались между горами по канатным дорогам. Паровых повозок я тут не увидел. Но в глаза сразу бросались светящиеся дирижабли.

Утром три сиреневых луны ещё не успели скрыться с небосвода, и моему взору открылись величественные горные хребты. Погода стояла ясная, и при нормальной атмосфере можно было дышать полной грудью.

Резиденция короля представляла собой огромный замок, выдолбленный на вершине не самой высокой горы. Его можно было разглядеть по дороге из космопорта. Замок освещали тысячи подвесных масляных ламп, внутри которых горело завораживающее пламя.

Горная порода была коричнево-чёрного цвета. Сверху виднелись снежные шапки. По мере приближения к замку по скалистой лестнице в горах становилось холоднее. До главных ворот мы добрались только к вечеру. Из темноты я заметил, что все снежные шапки гор светились в темноте, но этот свет не освещал окрестности. Тогда до меня дошло – вот почему Кантуральт также непригоден для жизни: слишком большое количество радиоактивных элементов вокруг. Как только они тут появились?

Верхушки длинных башен замка тоже поблёскивали в ночи из-за оседавшего на них заряженного снега. И несмотря на то, что замок являлся вершиной горы, этой постройке была присуща строгая геометрия с симметричными украшениями в виде черепов.

Массивные каменные двери, чёрные, как уголь, открыли людоеды в таких же чёрных одеждах, заметно изношенных, и мы с Чикату и Кастом вошли в большой зал. Помещение освещалось настенными факелами и хрустальными люстрами со множеством свечей. Похоже, электричеством тут также не пользовались, что говорило о полном технологическом регрессе.

Мы шли по длинному красному ковру через весь зал, украшенный скелетами в рыцарских костюмах. Нас встретил бледнолицый людоед с большими клыками и попросил следовать за ним. Он вёл нас наверх по длинной винтовой лестнице, в самую глубь горы и рассказывал, что всё готово к нашему прибытию. Чикату сохранял серьёзный вид, а Каст буквально расплылся в улыбке. Я был всё ещё встревожен без видимой на то причины.

Людоед-проводник привёл нас в небольшой каменный зал, пол которого устилал старый ковёр из шерсти неизвестного мне животного. Скорей всего, ковёр этот привезли из другой галактики. В конце помещения стоял трон, сделанный из человеческих костей. На нём и сидел король. Лысый бледнолицый мужчина с отполированными клыками встал и пошёл нам на встречу. Одет он был странно. На голове – корона также из костей, на плечи накинута длинная чёрная мантия. За ним следовали двое других людоедов, ниже его ростом, в чёрных одеяниях поскромнее. Стены зала украшали свежие открытые черепа, внутри которых стояли зажжённые свечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.